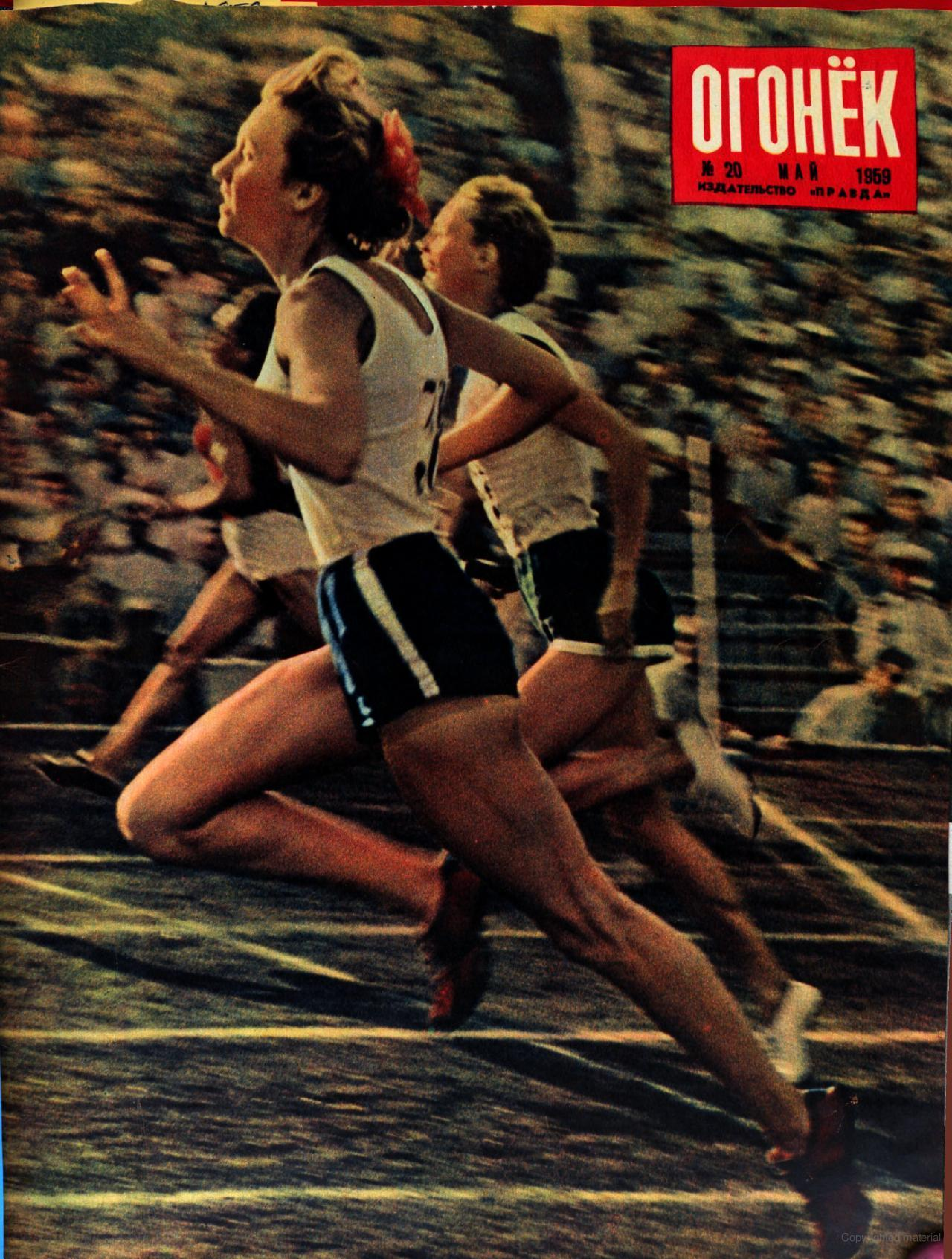

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАРОДНЫЙ АКАДЕМИК

Как-то молодые научные сотрудники попросили Василия Яковлевича Юрьева высказаться о том, какими качествами должен обладать селекционер. Ученый ответил:

— Чтобы постичь тайны живой природы, научиться управлять ею, создавать новые сорта сельскохозяйственных культур, нужны многие годы упорного труда, на который способен лишь тот, кто трудится с увлечением, с большой любовью. И еще одно: не думать, что ты уже постиг все и больше учиться тебе не у кого. Учиться нужно повседневно. Это особенно важно в наше время, когда творчеством нового охвачен весь народ.

Эти советы дал человек, посвятивший науке полстолетия напряженного труда. В 1908 году была создана харьковская селекционная станция. В следующем, 1909 году начал работать на станции В. Я. Юрьев. Опыта научной селекционной работы в России тогда не было. Молодой ученый пошел по единственно правильному пути. Он обратился к вечному живительному роднику — к многовековому опыту народа.

По колоску, по зернышку собирал Василий Яковлевич лучшие из злаков, которые возделывались на крестьянских полях, настойчиво улучшал их. Так путем отбора были выведены первые «юрьевские» сорта пшеницы, ржи, кукурузы...

Шло время. Селекционная станция в годы Советской власти была превращена в крупное научное учреждение.

Наука подружилась с практикой. Новые сорта быстро размножились, пятнадцать из них получили «путевку» в 60 областей и краев Советского Союза.

Ими засевается ежегодно до 2 миллионов гектаров колхозных и совхозных полей. И не только на юге. Яровая пшеница «народная» шагнула далеко на восток, в районы целины.

На базе харьковской селекционной станции теперь создан Украинский научно-исследовательский институт растениеводства, селекции и генетики. Руководит институтом академик Академии наук Украинской ССР В. Я. Юрьев. Большую пользу принесли народу многолетние труды ученого.

Плодотворная деятельность В. Я. Юрьева — настоящий подвиг. И народ, которому он посвятил свои труды, по достоинству оценил этот подвиг: в 1954 году ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

В. ТЕСЛЕНКО

На снимке: В. Я. Юрьев.
Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: У финиша.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Солнечный день в Тбилиси.
Фотоэтюд И. Тункеля.

В ЭТОМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ

маленькую повесть
В. Кожевникова
«Водолазы»

См. стр. 17—24.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 20 (1665)

37-й год издания

10 МАЯ 1959

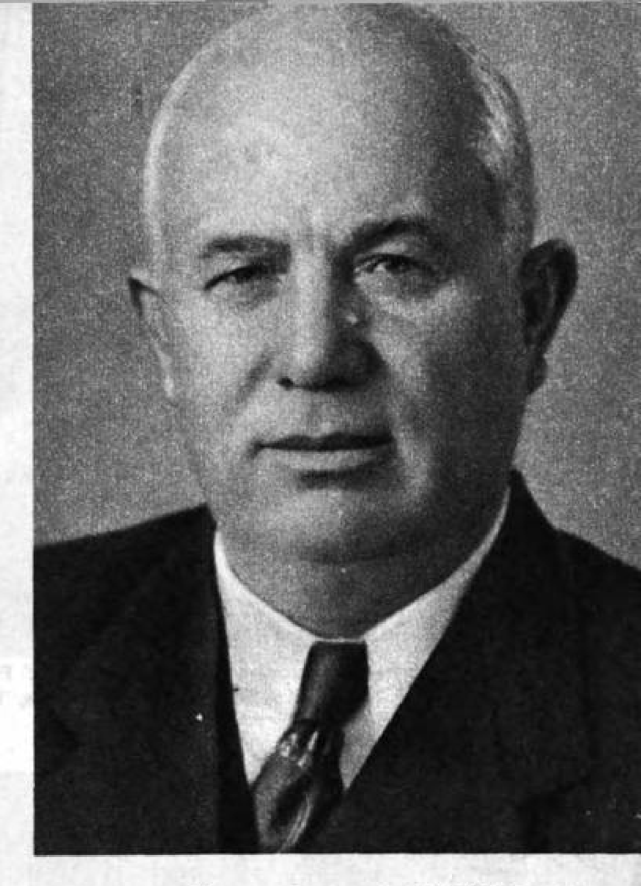
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫДАЮЩИЕСЯ БОРЦЫ ЗА МИР

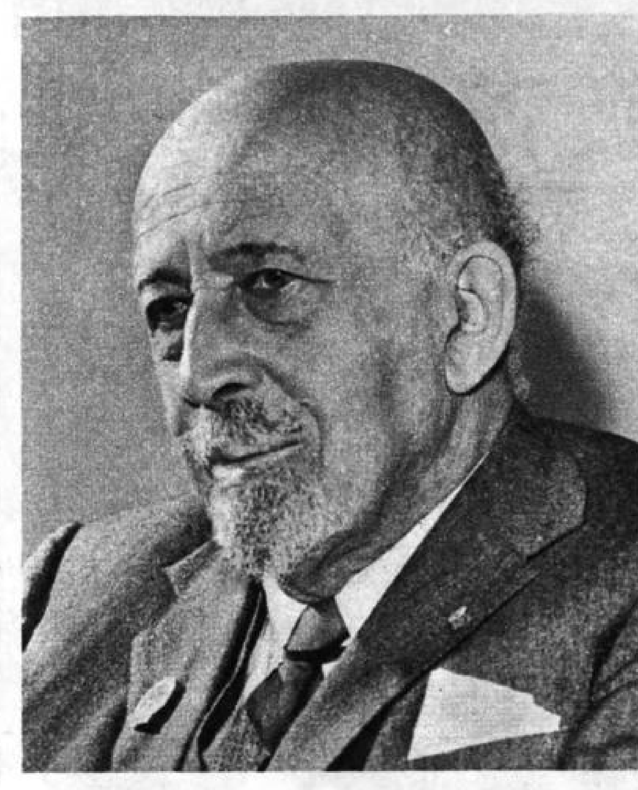
С радостью и удовлетворением встретили люди доброй воли на всем земном шаре весть о присуждении Международных Ленинских премий «За укрепление мира между народами» за 1958 год.

Первый среди лауреатов — Никита Сергеевич Хрущев, чье имя с любовью и уважением произносят все советские люди и наши друзья за рубежом. Занимая руководящие посты в Коммунистической партии и Правительстве СССР, Н. С. Хрущев является знаменосцем миролюбивой ленинской внешней политики. Все свои силы, весь свой богатый жизненный опыт он отдает ослаблению международной напряженности, созданию дружественных отношений между государствами.

Среди удостоенных почетной награды — Уильям Эдуард Бургарт Дюбуа — ученый, писатель, общественный деятель (США), деятель немецкого рабочего движения Отто Бухвиц (ГДР), писатель Костас Варналис (Греция), публицист Айвор Монтегю, член Бюро Всемирного Совета Мира (Англия).

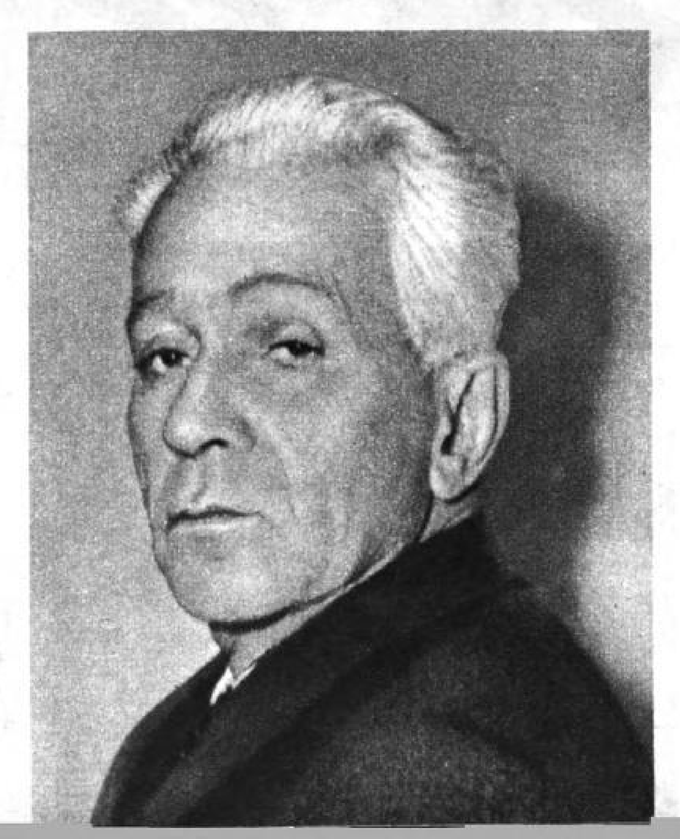
Никита Сергеевич ХРУЩЕВ

Уильям Эдуард Бургарт ДЮБУА

Отто БУХВИЦ

Костас ВАРНАЛИС

Айвор МОНТЕГЮ

На трибуне Мавзолея (слева направо): Р. Я. Малиновский, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, М. А. Суслов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева, Н. М. Шверник, Л. И. Брежнев, А. Б. Аристов, Н. Г. Игнатов, Н. А. Мухитдинов, О. В. Куусинен.

1 МАЯ 1959 ГОДА.

Парад войск.

В колоннах демонстрации трудящихся.

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Идут физкультурники.

Зарубежные гости на трибунах.

Какое большое счастье!

Назым ХИКМЕТ

Десять лет тому назад я сидел в тюрьме в городе Бурса, в Турции. Просидел одиннадцать лет, оставалось еще шестнадцать. Однажды утром директор тюрьмы вызвал меня в свой кабинет и с поддельной строгостью, но с плохо скрываемой растерянностью и удивлением сказал:

— Посмотрите на эти телеграммы...

Его стол был завален телеграммами.

— С разных концов света посылают мне телеграммы, чтобы я вас выпустил, но, поймите же, я не могу этого сделать, я маленький чиновник. Оказывается, телеграммы идут и к прокурору города, но и он ничего не сможет сделать. Наверное, Анкара, президент республики или премьер-министр тоже получают такие же телеграммы. Вот они могли бы вас выпустить, но не думаю, что они это сделают... Никакие телеграммы не смогут помочь.

Я таким образом узнал, что в Турции и в мире началась кампания за мое освобождение. Откровенно говоря, я был очень удивлен и растроган. Был удивлен потому, что никак не мог вообразить, что многие, многие люди разных стран заинтересовались судьбой рядового поэта-коммуниста, и был до слез растроган этой человеческой солидарностью, где вопрос идет просто о человеке, который несправедливо заточен в тюрьму.

Кампания продолжалась. Во Франции был организован комитет во главе с замечательным поэтом Тристаном Сара. В Стамбуле начались народные демонстрации. Я объявил голодовку. Самая могучая организация литераторов — Союз советских писателей — подняла свой голос. Турецкое полуфашистское правительство колебалось, но упорствовало, а когда в Варшаве Пабло Неруде и мне была присуждена Международная премия мира, турецкое правительство было вынуждено выпустить меня и других политзаключенных, объявив амнистию.

Таким образом, если сейчас, в это прекрасное майское утро, я сижу в Москве, в квартире одного из новоотстроенных кварталов, и как один из самых свободных людей мира пишу эти строки для «Огонька»,— этим я в основном обязан движению сторонников мира, которое началось десять лет тому назад.

Я рассказываю это как конкретный пример силы движения, которое может вырвать из самых угрюмых тюремных застенков обреченного человека. Можно приводить без конца более могущественные, удивительные факты, свидетельствующие о мощности Всемирного Совета Мира: миллионы, миллионы подписей под воззваниями, энтузиазм сотен миллионов людей вокруг этого движения.

Я участвовал во многих конгрессах и сессиях Всемирного Совета Мира в разных капиталистических городах. Я видел, как, например, украсились дома, улицы, даже трамваи города Хельсинки по случаю происходившей там Ассамблеи мира. Я видел, как в Вене после Конгресса народов в защиту мира часами шли колонны демонстрантов с песнями, с синими флагами и голубями на них. Я видел, как в Стокгольме перед зданием, где происходила наша сессия, стояли толпы людей, ожидая выхода ее участников. Они были уверены, что мы им принесем добрые вести.

Сотрудничая в нашем движении, я познакомился с очень известными людьми, которых видел когда-то только на фотографии или читал о них; мне даже довелось подружиться с ними. Они были разных политических и философских убеждений, но это не мешало им своими светлыми умами бороться против войны.

В распоряжении «холодной войны» и агрессии самая гнусная пресса и радио, ложь, клевета и провокации, военные базы и водородные бомбы. В нашем распоряжении — стремление сотен миллионов людей жить в мире, их воля — бороться за свое счастье и за счастье детей. Мы, люди, которые защищаем мир, знаем, что надо активно бороться для того, чтобы отстоять мир. Есть много стран, в том числе моя родина — Турция, где борцы за мир каждую минуту рискуют своей свободой, даже своей жизнью.

В течение десяти лет наше движение мира, преодолевая иногда трагические трудности, выросло и сделалось непобедимым.

Какое большое счастье — бороться за мир во всем мире, то есть за счастье своего очага!

ДРУЖБА НАВЕКИ

Рихард ДВОРЖАК,
посол Чехословацкой Республики в СССР

9 мая чехословацкий народ отмечает славную дату: 14 лет назад в этот день части Советской Армии с боями ворвались на улицы Праги. Это было незабываемое время — весь наш народ приветствовал своих освободителей, принесших избавление от кошмара гитлеризма. 9 мая стало национальным праздником народов Чехословакии.

Четырнадцать лет в масштабах истории — срок небольшой. Но за короткое время чехословацкий народ, следуя примеру строительства социализма в СССР и внимательно следя за развитием всех остальных стран социалистического лагеря, сделал очень многое. Был не только возмещен ущерб, нанесенный народному хозяйству войной, но и втрое по сравнению с довоенным периодом увеличено промышленное производство. Отсталая в прошлом, Словакия была индустриализована. Жизненный уровень нашей деревни никогда не был столь высоким, как теперь.

В настоящее время чехословацкий народ прилагает все силы для выполнения смелых задач, поставленных XI съездом Коммунистической партии Чехословакии.

По добыче угля, производству стали, цемента и ряда других основных материалов Чехословакии уже сейчас принадлежит одно из ведущих мест в мире. А в 1965 году она выдвинется в число передовых стран по производству на душу населения. Вся деятельность партии и правительства направлена на то, чтобы уже в будущем году мы могли сказать, что строительство социализма в нашей стране завершено.

Этих больших успехов Чехословацкая Республика смогла достигнуть прежде всего потому, что она навсегда связала свою судьбу с СССР и другими странами социалистического содружества. Наш народ считает, что такая политика является единственно правильной. И в эти дни, когда советские люди вдохновенно трудятся над разрешением гигантских задач построения коммунизма, беззаветно борются за сохранение и упрочение мира во всем мире, наш народ особенно ясно чувствует все значение лозунга, выражающего волю миллионов: «С Советским Союзом — на вечные времена!»

ОНИ ХОТЯТ ВЕРНУТЬСЯ

В. КОБЫШ

Норвежская газета «Ориентеринг», публикуя эту карикатуру, саркастически вопрошает: «Почему такой шум из-за каких-то двух немцев?»

В майский день 1945 года из Осло уходило большое судно, заполненное разоруженными гитлеровскими солдатами. На пристани стояла непривычная тишина. Норвежцы молча, с нескрываемой ненавистью, смотрели на пароход, увозивший вчерашних оккупантов.

Последний гудок. Огромное тело парохода вздрогнуло и стало едва заметно отваливать от причала. И тогда с верхней палубы донесся голос пассажира, еще не успевшего сбросить эсэсовский мундир:

— Не радуйтесь, мы еще вернемся!

Напряженная, зловещая тишина повисла в воздухе.

— Сумасшедший! — крикнул кто-то немцу с берега.

Все с облегчением вздохнули и стали неторопливо расходиться.

Теперь, четырнадцать лет спустя после этого характерного эпизода, невольно возникает мысль: не ошибся ли житель Осло, принявший угрозу эсэсовца за бред сумасшедшего?

Кто из норвежцев мог бы себе представить в то время, что через несколько лет их страна окажется в военном союзе с бывшими оккупантами? Но случилось именно так.

Вот, например, адмирал Хейнрих Герлах. Эсминец, которым он командовал, входил в состав фашистского флота, в апреле 1940 года безжалостно обстреливал норвежские города. Боевой опыт Герлаха оценен по заслугам: Аденауэр предоставил ему пост командующего Балтийским флотом ФРГ.

А вот другой герой Севера — Иозеф Каммхубер. В 1943 году он командовал пятым воздушным флотом рейха, уничтожавшим города и села Норвегии и Финляндии. Теперь генерал-лейтенант Каммхубер командует всеми западногерманскими военно-воздушными силами.

Командир фашистского батальона егерей Иохан Бухнер тоже принимал активное участие в нападении на Норвегию. С тех пор он заметно продвинулся по служебной лестнице. Бригадный генерал Бухнер теперь стоит во главе дивизии егерей.

Определенные круги в Норвегии услужливо отворяют этим «союзникам» двери своей страны. Они готовы предоставить им на норвежской земле военные базы, пустить их в «атлантический» штаб, расположенный неподалеку от Осло, в Колсосе.

Но норвежский народ не

Карьера господина Брандта

В. ЧЕРНОВ

В ноябре прошлого года в здании американской комендатуры Западного Берлина, на Клейаллее, 170, шел за закрытыми дверями спектакль. В амплуа «героя-простака» выступал перед американским комендантом щегольски одетый, средних лет мужчина с лицом преуспевающего дельца. Это был западноберлинский «правящий бургомистр с правительственными функциями» Вилли Брандт. Привело его на американские подмостки «чрезвычайное происшествие»: накануне Н. С. Хрущев изложил советские предложения об урегулировании берлинского вопроса.

Спектакль шел под видом «дипломатической беседы», но удовлетворял всем требованиям театрального искусства: помимо актера, здесь были и драматург и суфлер, а аплодирующая аудитория предполагалась в лице западногерманской реакционной прессы.

Вилли Брандт весьма неплохо справился с двойным амплуа. В качестве «героя» он демонстрировал «непреклонность», заранее начисто отвергая советские предложения. В качестве «простака» он с наивным видом предъявлял неразговорчивому американскому коменданту «требования немецкого народа», составленные... самими американцами. Они были весьма недвусмысленного свойства: немедленно увеличить американский гарнизон Западного Берлина; провести как можно более импозантные маневры американских войск на границе ГДР; декларировать от лица западных держав, что в случае «затруднений с коммуникациями» таковые будут защищаться всеми военными средствами НАТО. В порыве патриотического увлечения «правящий бургомистр» дополнил свой монолог планом... эвакуации населения Западного Берлина в Скандинавию на случай возникновения «особой ситуации». Под занавес, как это и требуют каноны драматургии, вспотевший «герой-простак» произнес эффектную фразу, оцененную по достоинству бывшими гитлеровскими генералами, командующими бундесвером: «Берлин стоит войны».

Пикантность спектакля на Клейаллее усугублялась одной «деталью»: господин бургомистр состоит по совместительству председателем берлинской секции социал-демократической партии Германии, партии, оппозиционной правительству Аденауэра. Но странно, «оппозиционность» господина Брандта отнюдь не доставляет беспокойства «оккупационному канцлеру», как, впрочем, и джентльменам за океаном, которые выдвинули их обоих на высокие посты. Немцы часто спрашивают: «Где кончается Аденауэр и начинается Брандт?» А сам доктор Аденауэр как-то в минуту откровенности сказал своим приближенным, что был бы рад, если бы «все его министры были такими, как Брандт». Боннский же военный министр Франц-Иозеф Штраус во всеуслышание выдал ему следующую аттестацию: «Я считаю Брандта исключительно способным и заслуженным человеком... Брандт пользуется нашими сердечными симпатиями». Что и говорить, не всякий деятель оппозиционной партии удостоится подобной похвалы!

Да, Вилли Брандт числится в социал-демократах.

Аденауэр только в преклонном возрасте заработал у американцев звание «лучшего янки среди христианских демократов», а Вилли из кожи лезет вон, чтобы приобрести такой же титул в социал-демократической партии Германии раньше, чем ему стукнет 50 лет.

Похождения Вилли Брандта в качестве «социалиста» начались давно — этак лет 25—30 тому назад. В те далекие годы Вилли Брандт, собственно, не был ни Вилли, ни Брандтом: он еще носил имя Герберта, данное ему при крещении, и фамилию своего папаши — Фрам. Востроглазый молодой человек вращался тогда в организации социал-демократической молодежи.

В марте 1933 года, после прихода гитлеровцев к власти, среди арестантов штаб-квартиры гестапо на Принц-Альбрехтштрассе видели и Герберта Фрама.

Но вскоре Герберта Фрама встретили в Норвегии, да еще в мученическом ореоле «политического эмигранта», бежавшего из фашистской Германии. Теперь это был уже Вилли Брандт. Этот псевдоним служит ему и по сей день.

Только недавно стало ясным, какая бабка ворожила Брандту-Фраму в тот богатый событиями период его карьеры. В конце марта нынешнего года чехословацкая газета «Руде право» сообщила некоторые данные из архивов французской разведки, вывезенных немцами из Парижа после поражения Франции и захваченных союзниками в 1945 году в Берлине. Из этих данных явствует, что еще в 1931 году юный Герберт был завербован французской секретной службой «Сюрте насьональ». И когда Фрама препроводили в 1933 году на Принц-Альбрехтштрассе, гестаповцам не пришлось долго возиться с ним. Он был с легкостью перевербован и заслан под фамилией Вилли Брандта в Скандинавию — шпионить за немецкими антифашистами, бежавшими из нацистской Германии.

Черти в мундирах гестапо носили в эти годы Вилли Брандта из Норвегии в Голландию, из Голландии «нелегально» в Германию, затем в республиканскую Испанию, где он вместе с матерым гестаповцем Ойгеном Шеером занимался подрывной работой против республиканцев в иностранном отделе троцкистской организации ПОУМ в Барселоне; наконец — в Англию и Францию.

Брандт сумел втереться в антифашистские эмигрантские организации — так было легче торговать жизнями немецких патриотов. Летом 1940 года группа немецких антифашистов готовила взрыв в шведском порту Окселесунд, чтобы сорвать перевозки шведской железной руды в гитлеровскую Германию. Немецкие патриоты были арестованы шведской полицией и переданы в руки гестапо. Выдал антифашистов некий Биренбаум, подручный Вилли Брандта: щепетильный Вилли предпочитал делать грязные дела чужими руками.

Осенью 1941 года, после того как бесноватый фюрер начал войну против Советского Союза, нюх подсказал Брандту (к тому времени уже норвежскому подданному, проживавшему в Швеции), что неплохо бы иметь еще одного хозяина, как говорится, «на черный день». Он становится корреспондентом американского телеграфного агентства «Оверсис ньюс», а потом — и агентом американской тайной службы...

Однако деятельность шпиона-двойника не удовлетворяла широких запросов Брандта, и он устанавливает доверительные отношения также с английским посольством в Стокгольме. Фамилия Брандта значилась далеко не на последнем месте в списке агентов, хранившемся в сейфе английского военного атташе...

Вряд ли очень хотелось «норвежскому подданному» возвращаться сразу после войны в разрушенную, голодающую Германию. Удобной, безбедной, налаженной была его жизнь в Скандинавии. Но воля босса — закон. И в 1947 году Брандт появляется в Западном Берлине, наряженный в мундир офицера норвежской армии, в должности шефа бюро печати норвежской военной миссии.

Только спустя три года Брандт перестал быть «норвежцем» и перешел на положение немецкого гражданина. И тут же принялся исподволь готовить свою пятую — если считать первой службу во французской разведке — карьеру: на этот раз в социал-демократической партии Германии.

Разумеется, заокеанские хозяева Брандта по-прежнему не сводили отеческих глаз со своего питомца. Он вскоре оказался во главе так называемого «восточного бюро» СДПГ в Западном Берлине — одного из активных шпионских центров американской разведки, прикрытого социал-демократической вывеской. В 1951 году Вилли поднялся еще на одну ступеньку. Ему доверили важный участок шпионско-диверсионного фронта: пост председателя пресловутого «Рабочего объединения западной помощи Востоку» — шпионского треста, объединявшего более сорока подрывных организаций в Западном Берлине. Брандт к этому времени набил руку настолько, что дирижировал всеми этими организациями.

Американская разведка не могла нахвалиться своим агентом. И когда осенью 1957 года возник вопрос о новом западноберлинском бургомистре, американские правящие круги бросили на весы свое слово. Устами прибывшей специально по сему случаю в Западный Берлин Элеоноры Даллес — сестры всесильных братьев Джона и Аллена Даллесов — они потребовали: «Только Брандт, и никто другой!»

Недавно депутат боннского бундестага от реакционной Немецкой партии Эйлер, в прошлом известный нацист, а ныне агент геленовской разведки, излил нежные чувства по адресу Вилли Брандта.

«Радостно,— заявил Эйлер,— что в социал-демократической партии пробивают себе дорогу новые силы... Брандт — правильный человек для этого». Эта похвала из уст матерого фашиста, заклятого врага трудящихся, конечно, не прошла мимо внимания рядовых социал-демократов. Недавно производственный совет крупного западногерманского металлургического завода «Руршталь», приветствуя беседу председателя правления СДПГ Олленхауэра с Н. С. Хрущевым, решительно осудил провокационное поведение Брандта. «От Брандта нельзя ожидать ничего хорошего»,— заявил член совета рабочий Христиан Гесс.

Вилли систематически получает надлежащую накачку в «американских кругах». Газета «Берлинер Цейтунг» сообщала 12 марта, что Брандт имел доверительную беседу с руководящими работниками американского центрального разведывательного управления («Си-Ай-Эй») и информационного агентства США («Ю-Си-Ай»). Ему было передано распоряжение: еще злее биться за «американскую концепцию» по германскому вопросу, продолжать политику «фронтового города» и всемерно поддерживать «кризисное настроение среди населения». И Брандт услужливо разжигает истерию «берлинского кризиса», ревностно исполняя волю тех, кто готовит новую мировую войну...

Таков далеко не полный портрет «правящего бургомистра» Западного Берлина Вилли Брандта, человека без стыда и совести.

Когда Брандт жил в Норвегии, он вел знакомство с предателем норвежского народа Квислингом. Имя Квислинга стало теперь нарицательным для предателей всех рангов и мастей. В понятии нашего поколения оно равнозначно имени Иуды. Видимо, приятельские отношения с Квислингом не прошли для Вилли Брандта даром. Брандт — это Квислинг наших дней, открыто торгующий кровными интересами немецкого народа.

Но последнее слово за самим немецким народом. Вряд ли вся предусмотрительность Брандта спасет его от возмездия и от конца в выгребной яме истории.

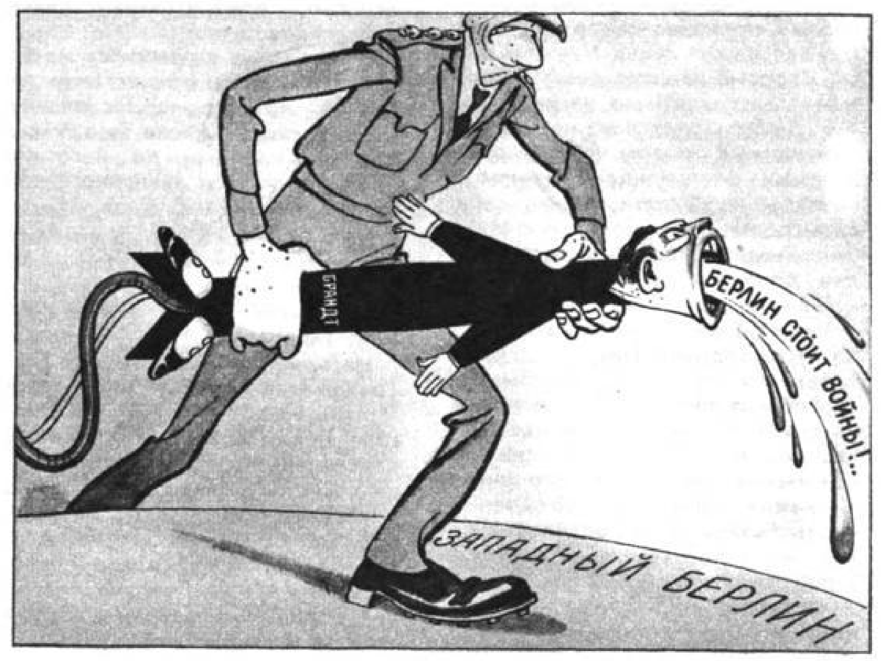

Рисунок Д. Циновского.

склонен проявлять в этом случае присущее ему гостеприимство.

В последнее время у руководителей норвежского парламента — стортинга — много хлопот. Им приходится принимать десятки делегаций, читать тысячи посланий от коллективов предприятий, профсоюзов, общественных организаций и просто частных лиц. И делегаты и авторы этих писем гневно протестуют против планов сотрудничества с боннскими милитаристами. Женщины Осло организовали недавно перед зданием стортинга демонстрацию. На плакатах и лозунгах, которые они несли, были начертаны требования: «Никаких иностранных баз в Норвегии!», «Никаких немецких офицеров в нашей стране!».

...В Осло есть памятник, всегда усыпанный живыми цветами. Воздвигнут он в честь советских солдат, отдавших жизни ради освобождения страны фиордов от фашистских захватчиков. «Норвегия благодарит вас» — написано на монументе. Кое-кто хотел бы стереть эти слова. Но сделать это невозможно: они высечены не только на граните, но и в сердцах простых людей Норвегии, с которой нас связывают столетние узы добрососедства.

ТРУЖЕНИК МИРА

Г. БОРОВИК, А. СЕРБИН

Чиновник удивляется

Зал был переполнен. Вентиляция, наверное, не работала вовсе. И профессор видел, как присяжные отирали большими платками потные лбы. В небольшое помещение набилось человек двести. Не так часто это бывает в солидном вашингтонском суде. Двое полицейских сдерживали толпу, готовую прорваться в зал. Люди за дверьми по-гусиному вытягивали шеи, чтобы рассмотреть «тех пятерых». «А он где? Где профессор? Дюбуа будет говорить?»

— Не знаю, ничего не знаю,— сквозь зубы отвечал полицейский.— Не напира-ать! — И он наваливался всем своим мощным корпусом на дверь.

Очумевший от духоты и суетливой беготни судейский чиновник подлетел к кучке корреспондентов.

— Черт побери, ребята,— воскликнул он,— вы все знаете! Растолкуйте мне, что происходит вокруг этого старика? В суд не протолкнешься! Какие-то письма идут ему со всего света! В чем дело? Кто он?

— Если вам, друг мой, доведется когда-нибудь путешествовать,— с сожалением глядя на растерянного чиновника, произнес корреспондент «Дейли уоркер» Путмэн,— поезжайте в джунгли Африки и спросите у первого встречного, знает ли он по фамилии каких-нибудь американцев. Тот ответит, что, конечно, знает. И назовет вам Поля Робсона и профессора Уильяма Дюбуа. Потом поезжайте в Индию,— продолжал Путмэн,— и там спросите, потом в Китай и задайте тот же вопрос. Девяносто девять из ста вам назовут Уильяма Дюбуа и Поля Робсона...

Судебный чиновник недоверчиво усмехнулся и отошел.

— Боже, храни Соединенные Штаты Америки! — неожиданно громко произнес секретарь суда, и в зал вошел судья Мак-Гвайр.

...Впервые за свою долгую восьмидесятитрехлетнюю жизнь Уильям Дюбуа оказался на скамье подсудимых рядом с четырьмя другими американцами, ничем и никогда не запятнавшими себя. Ему грозит тюремное заключение на пять лет и штраф в десять тысяч долларов.

За что?

Может быть, обвинение ответит на этот вопрос? Нет, он твердо знает, что не ответит. Если бы люди, обвиняющие его, попытались честно и открыто признаться, за что они посадили на эту скамью позора человека, которого знает и уважает мир, они немедленно превратились бы в обвиняемых...

Негр

За его спиной стояло четыре поколения американцев — вся история Соединенных Штатов.

Его прапрадед со стороны матери, Том Бургарт, был рабом. Голландские торговцы «живым товаром» украли его на африканском берегу и продали здесь, на американской земле, как вещь, как скотину. Позже к нему пришла свобода — он завоевал ее сам, сражаясь в революционной войне американских колоний против Англии. Отец Уильяма, Альфред Дюбуа, потомок гаитянки и французского гугенота, бежавшего из Европы на острова Вест-Индии, был участником гражданской войны.

Да, предки Дюбуа были настоящими американскими гражданами: во времена, когда страна находилась на перепутье, они оказывались там, где решалась ее судьба.

Теперь его судят за то, что он сам, как и его предки, в течение всей жизни не хотел оставаться равнодушным к судьбе своей родины.

Родина! Каждый понимает это слово по-своему. Для него в этом слове всегда звучали и надежда и горечь. В стране, где он родился, ему никогда не забывали напомнить, что он негр.

...Это было давно, в детстве, когда все кажется очень простым и жизнь не осложняют раздумья зрелых лет. Он родился в Массачусетсе, в маленьком городке, который назывался почему-то Большой Баррингтон. В те времена на Севере жило немного негров. Школа, где он учился, не была сегрегирована, и маленький Уильям был в ней единственным темнокожим. Однажды в праздник, как это было заведено, ученики обменивались поздравительными открытками. Уильям протянул свою открытку белой девочке. И рука его повисла в воздухе. Девочка, маленькая милая девочка со смешными косичками, посмотрела на него удивленным, строгим, презрительным взглядом. И отвернулась.

Этот взгляд запомнился на всю жизнь. Тогда он принес лишь глубокую, но еще не осознанную боль. А позже, после того, как он побывал на Юге, до него полностью дошло значение таких взглядов.

На деньги, собранные соседями и друзьями, Дюбуа поехал на Юг, чтобы поступить в негритянский университет Фиска в Нашвилле, штат Теннесси.

Неспокойным был Юг в те годы. Гражданская война лишь формально освободила негров от рабства. Волны «белого террора» захлестывали города. Смерть от руки расистов могла каждую минуту прийти к любому негру.

Здесь Уильям Дюбуа по-настоящему узнал душу своего народа. Во время каникул он учительствовал в сельских районах. Он жил вместе со вчерашними рабами в их жалких хижинах, спал на глиняном полу, ел из того же котелка, в котором они готовили пищу для себя.

Те, кто когда-то собирал деньги для его учебы, думали, что молодой Дюбуа сможет стать учителем или даже торговцем. Но не к этому лежала его душа. История американских негров, их жизнь — вот что интересовало теперь молодого ученого.

Ступени жизни

Однажды в негритянском районе Филадельфии появился новый обитатель. Он снял жилье в трущобах, там, где ютилась негритянская беднота. Так Уильям Дюбуа, сотрудник Пенсильванского университета, начал первое в Соединенных Штатах исследование жизни негров.

Каждое утро Дюбуа отправлялся к далеким и близким соседям. Ступеньки, ступеньки, сотни, тысячи ступенек, истертых подошвами грубых ботинок. Они вводили его в негритянские семьи, где ему открывались большое горе и маленькие радости, заботы, печали и обиды его соотечественников.

Пять тысяч семей были предметом исследования ученого. Он знал о них все. Негры в Филадельфии были низшей кастой. Они мели улицы и прислуживали в семьях богатых белых, работали сторожами и официантами. И всюду за свою работу они получали мизерную плату, гораздо меньшую, чем белые за ту же работу. Ему запомнился один молодой негр. Он окончил Пенсильванский университет и мог бы работать инженером. Но для «цветного» эта работа была слишком хороша. Он сумел устроиться только официантом, и ему приходилось обслуживать в ресторане тех белых, которые вместе с ним сидели на студенческой скамье. Негр рассказывал об этом с горькой улыбкой.

В 1899 году Дюбуа опубликовал результаты своей работы в книжке, которую назвал «Негр Филадельфии».

Новое исследование жизни негритянского населения Дюбуа предпринял, когда его пригласили в университет Атланты на должность профессора экономики и истории. Он составил обширную, многолетнюю программу изучения положения негров на юге США. Но Дюбуа не пришлось закончить эти исследования. Ректор университета сказал ему:

— К сожалению, уважаемый профессор, у нас нет больше средств, чтобы продолжать вашу работу.

Дюбуа знал, что это только предлог. Взгляды Дюбуа оказались слишком радикальными для университета. Так ему пришлось расстаться с университетом.

В 1905 году в городе Ниагара группа молодых негров положила начало движению, которое получило название «Ниагара». Уильям Дюбуа был избран генеральным секретарем этой организации. А в следующем году, на съезде новой организации в Харперс-Ферри, Дюбуа от имени своего народа говорил:

— Мы не удовлетворимся ничем, кроме полного равноправия. Мы требуем для себя всех прав, которые принадлежат американцам, родившимся свободными,— прав политических, гражданских и социальных. И пока мы этих прав не получим, мы не перестанем протестовать, и Америка будет слышать наш голос. Мы ведем бой не только за себя, но и за всех настоящих американцев.

И Америка продолжала слышать эти голоса. Они не утихли и тогда, когда движение «Ниагара» влилось в созданную в 1910 году Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения. Дюбуа стал редактором журнала, который начала издавать Ассоциация. Журнал назывался «Кризис». С его страниц раздавались требования равноправия негров и протесты против расистских бесчинств.

В 1919 году Дюбуа опубликовал статьи о положении негров в армии Соединенных Штатов. Он снова открыл Америке глаза на то, как темнокожие граждане Соединенных Штатов подвергаются дискриминации и унижению.

Тогда же, находясь в Европе, Дюбуа организовал первый Панафриканский конгресс. Конгресс потребовал политического и социального равенства всех рас. Конгресс направил петицию Лиге Наций, настаивая, чтобы бывшие колонии Германии в Африке не были поделены между странами-победительницами, а составили ядро нового, свободного африканского континента.

Позже еще четыре Панафриканских конгресса состоялись в Европе. Последний — в 1945 году. И на каждом из них центром всех действий был ученый-негр, неутомимый борец за свободу, борец против колониального угнетения.

Арест

Годы после второй мировой войны застали Уильяма Дюбуа на посту одного из директоров Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Но там его работа, которой он отдал почти сорок лет своей жизни, продолжалась недолго. Лидеры Ассоциации с опаской поглядывали на «этого старика»: слишком неуступчив он в своих взглядах. Когда Дюбуа согласился поддержать прогрессивную партию США, объявленную правительством Трумэна «организацией, контролируемой коммунистами», Ассоциация исключила Дюбуа из своего состава.

Но Дюбуа не оставляет своей общественной деятельности. Он выступает в печати, участвует в

работе Конгресса деятелей искусства и науки в защиту мира в Нью-Йорке, в 1949 году едет представителем от США на Парижский конгресс в защиту мира. В 1950 году он становится во главе созданного им и его друзьями Информационного центра сторонников мира США.

Этот центр знакомил американцев с движением за мир в других странах и проводил сбор подписей под Стокгольмским воззванием. За короткое время 2,5 миллиона американцев поставили под этим воззванием свои подписи.

Прошло некоторое время, и в начале 1951 года правительство Соединенных Штатов затеяло судебный процесс против Информационного центра за «уклонение от регистрации в качестве иностранного агента». В обвинительном заключении, между прочим, говорилось: «В период, указанный в обвинительном заключении, директора и представители Информационного центра сторонников мира по требованию указанного иностранного патрона публиковали и распространяли в Соединенных Штатах Стокгольмское воззвание и связанные с ним информационные материалы, касающиеся прежде всего запрещения использования атомного оружия, как средства ведения войны...»

Так началось преследование профессора Уильяма Дюбуа и его четырех друзей, обвиненных в том, что они не хотели войны и требовали запрещения атомного оружия.

Профессор и его друзья были арестованы.

Когда предварительная судебная процедура закончилась, к старому профессору подошел судебный исполнитель.

— Пойдемте за мной! — повелительно произнес он.

— Куда?

— Тут, недалеко.

Дюбуа последовал за своим провожатым. Они спустились по узкой лестнице из зала заседаний и оказались в маленьком подвальном помещении в несколько квадратных метров. За небольшим бюро сидел худощавый чиновник, вдоль стен стояли четверо дюжих полицейских. Профессор не мог не улыбнуться, увидев столь могучую стражу: «Неужели это для меня?»

— Чему вы усмехаетесь? — раздраженно спросил чиновник и, не дождавшись ответа, бросил одному из полицейских: — Обыскать!

Здоровенный детина приблизился к профессору. Он приказал снять пиджак и стал тщательно шарить в карманах. На столе перед чиновником появились вечная ручка, носовой платок, расческа, несколько мелких монет, записная книжка. Чиновник тщательно рассматривал эти вещи, поочередно держа каждую двумя пальцами перед носом, потом аккуратно записывал в какую-то книгу.

Видимо, содержимое карманов ученого не удовлетворило полицию.

— Где вы держите секретное оружие? — грозно спросил чиновник.

Верзила быстро и ловко прощупал всю одежду профессора, исследовал каждый сантиметр подкладки, провел рукой по спине: ведь именно там опытные гангстеры прячут холодное оружие.

Профессор засмеялся снова. Нет, он никогда не носил оружия. Он остерегался брать с собой даже перочинный нож. Таково было неписаное правило многих негров: ведь каждую минуту можно ждать провокации.

Полицейский разочарованно отошел в сторону. Чиновник что-то записал в свою книгу и кивнул судебному исполнителю. Тот подошел к профессору и попросил вытянуть вперед руки. Дюбуа не понял сначала, что от него хотят. Что-то щелкнуло, и он почувствовал холод на запястьях.

Когда очи поднялись наверх, за решетчатой перегородкой, где стояли друзья и просто любопытствующие, поднялся шум, послышались возмущенные крики: «Позор! Профессор Дюбуа в наручниках! Немедленно снимите!» Кто-то направился к судье выразить протест. Через несколько минут прибежал запыхавшийся чиновник, и судебный исполнитель, недовольно ворча, принялся снимать стальные манжеты.

«От Дюбуа требуется немного»

Профессора и его друзей отпустили на поруки, под залог в тысячу долларов за каждого. В министерстве юстиции, видимо, понимали: если мир узнает правду о процессе Дюбуа, международное общественное мнение может оказаться не в пользу инициаторов процесса. Поэтому американские газеты молчали или старались представить дело в извращенном виде. Воспользовавшись процессом, реакционная печать начала травлю сторонников мира, сборщиков подписей под Стокгольмским воззванием. Газета «Лос-Анжелос таймс» писала тогда:

«Предупреждаем!

Если кто-либо постучится к вам в дверь или обратится на улице с призывом подписать обращение, выпущенное организацией, именующей себя «Сторонники мира», не подписывайте его.

Что вы должны делать?

Не начинайте драку с этим человеком и не захлопывайте дверь у него перед носом... Попросите предъявить удостоверение личности, по возможности запишите фамилию, адрес, постарайтесь хорошенько запомнить внешность и затем позвоните в ФБР».

Как только за границей стало известно о преследовании профессора Дюбуа, в адрес американских сторонников мира посыпались письма и телеграммы со всех континентов.

Докеры Австралии прислали государственному департаменту письмо, в котором говорилось, что если не будет прекращен позорный процесс над человеком, которого знает весь прогрессивный мир, американским кораблям нечего будет делать в австралийских портах: докеры отказываются их разгружать и грузить.

Летом 1951 года в Европе был создан «Международный комитет защиты доктора Дюбуа и его товарищей».

Волна возмущения, охватившая весь мир, как видно, подействовала на министерство юстиции.

Однажды работником министерства юстиции было сделано адвокату профессора Дюбуа предложение. «Мы можем замять дело, — сказал адвокату этот сотрудник за стаканом коктейля, — от профессора требуется совсем немного. Пусть он напишет заявление в суд, в котором не будет опровергать, что Информационный центр сторонников мира является агентом советских коммунистов».

Дюбуа немедленно ответил: предпочитаю сгнить в тюрьме, чем подать такое заявление.

Уильям Дюбуа и его супруга Ширли Грэхэм.

Справедливость стоит дорого

День суда неотвратимо надвигался. Он был назначен на 8 ноября 1951 года. Надо было подготовиться к защите. Профессор и не подозревал раньше, как дорого стоит правосудие в Соединенных Штатах. Одной невиновности оказалось недостаточно, чтобы быть оправданным. Нужны были деньги, и деньги большие. Известный адвокат, согласившийся защищать Дюбуа, потребовал вознаграждение в двадцать пять тысяч долларов! Старому профессору пришлось отказаться от услуг юридического светила. Другой известный адвокат согласился было вести дело за умеренную плату, но стоило ему пообедать с прокурором, как последовал неожиданный отказ.

И все же нашлись честные юристы, которые взялись вести дело Дюбуа и его товарищей бесплатно. Это было большой победой. Но судебные издержки все равно предстояли огромные.

Было решено, что профессор Дюбуа и его жена Ширли Грэхэм отправятся в поездку по стране, чтобы рассказать людям правду о позорном процессе над сторонниками мира, чтобы собрать пожертвования для покрытия судебных издержек. Это решение принял «Комитет защиты доктора Дюбуа и его друзей», созданный в Нью-Йорке. Его руководителем был избран Поль Робсон.

В июне супруги Дюбуа отправились в поездку по стране. Их маршрут был обширен: Чикаго, Сент-Пол, Сиэтл, Такома, Портленд, Сан-Франциско, Окленд, Лос-Анжелос, Кливленд, Нью-Йорк. Это была трудная поездка. Власти отказывали Дюбуа в найме помещений, газеты не печатали объявлений о митингах, а если и печатали, то «случайно» указывали не ту дату или неверное место собрания.

И все же поездка прошла успешно. В фонд защиты профессора Дюбуа и его товарищей потекли пожертвования. Это были трудные деньги честных людей. Кто давал пять, кто десять долларов. Так набралось тридцать пять тысяч. Но не деньги были главным итогом поездки супругов Дюбуа. К процессу было привлечено внимание общественности, и это оказалось потом решающим.

Постепенно в борьбу за освобождение Дюбуа включались все новые и новые люди.

Как раз во время поездки супругов Дюбуа по стране в Чикаго состоялся многотысячный конгресс организации «Поход американцев за мир», которая заменила распущенный Информационный центр. Перед пятнадцатью тысячами борцов за мир появился на трибуне седой ученый. Речь, произнесенная Дюбуа на конгрессе в Чикаго, показала, что он не собирается капитулировать перед насилием.

— Наша современная политика, — сказал он, — являющаяся проявлением предпринимательства и частной инициативы, дает свободу разбою, обогащает немногих и несет страдания большинству. Если это и есть американский образ жизни, тогда, о боже, спаси Америку!

«Иностранный агент»

— Боже, храни Соединенные Штаты Америки! — произнес секретарь суда, и в зал вошел судья Мак-Гвайр. Он направился к своему высокому креслу, уселся в него, привычно окинув взглядом окружающих. Среди адвокатов он увидел белых и негров, сидящих вместе. Это было для судьи неожиданностью.

Начались выступления свидетелей обвинения. Один за другим говорили люди, старавшиеся не встречаться глазами с пятью подсудимыми. «Главным свидетелем» был Джон Рогге — провокатор, предавший движение борьбы за мир, чтобы выслужиться перед властями.

Следующим выступал сценарист Виктор Ласки, вся речь которого была посвящена доказательству того, что сам он не причастен к движению сторонников мира. Суд под общий смех присутствующих был вынужден отклонить эти пока-

зания как не имеющие отношения к делу.

Третьим выступал студент-медик Виллиам Б. Рид. В конце концов Рид был вынужден признать, что является тайным агентом ФБР.

Атмосфера накалялась. В зале поднялся гул возмущения. Судья явно нервничал. Наконец был объявлен перерыв, после которого должен был выступать доктор Дюбуа. Этой речи ждали все честные люди Америки. Она должна была прозвучать гневным обвинением против тех, кто ведет Америку к войне, против тех, кто душит свободу мысли, кто посадил на скамью подсудимых борцов за мир...

«Иностранный агент»... Нетрудно догадаться, какое государство имеют в виду обвинители, которые ставят ему в вину борьбу за мир. Речь идет о Советском Союзе.

И доктор Дюбуа вспоминает...

Двадцатые годы. Печать Соединенных Штатов сообщает о «развале» России, о «зверствах» коммунистов, смеется над «мужиками», которые решили править государством, и печатает злые карикатуры.

Когда в 1926 году доктору Дюбуа представилась возможность поехать в Россию, он согласился без долгих раздумий. И вот он видит все своими глазами: и очереди у продовольственных магазинов, и стоптанные каблуки у своей собеседницы-учительницы, и покосившиеся дома в деревне. Им трудно, этим русским. Но зато какой энтузиазм у рабочих, с которыми он встречался на заводе! Какие удивительные вещи происходят с образованием: знания открываются перед всеми, кто жаждет их!

Через десять лет Дюбуа проехал Советский Союз с запада на восток и видел за окном вагона новые заводы, стройки, обновляющиеся города.

Они продолжают свое дело, эти русские. Упрямый народ!

И вот совсем свежие впечатления: в 1949 году Дюбуа выступал в Колонном зале Дома союзов на Всесоюзной конференции в защиту мира. Он приехал в Москву после Конгресса мира в Париже. Он поднялся на трибуну, и зал замер. Он рассказывал о положении своего народа, о том, чего хотят простые американцы.

...Три раза видел он Советский Союз. Теперь он твердо знал, что был прав, когда двадцать с лишним лет назад поверил энтузиазму этих людей. Они сделали огромное дело за эти двадцать лет. И он стал их другом.

Разве можно назвать дружбу преступлением? Он горд этой дружбой, но она не мешает оставаться ему патриотом своей страны. Потому что он верит в нее. Несмотря на все усилия тех, кто хочет подорвать эту веру.

...Перерыв окончен. Снова переполнен зал. Сейчас судья предоставит слово Дюбуа. Напряженная тишина... Но вдруг, нарушив всякий судебный порядок, Мак-Гвайр произносит уставшим голосом:

— Обвинению не удалось представить необходимые доказательства... Суд удовлетворит ходатайство о вынесении оправдательного приговора...

Это была победа! После стольких месяцев борьбы, волнений и тревог доктор Дюбуа и его соратники были свободны!

Суд не решился дать слово старому профессору. Власти отступили перед нажимом миллионов безвестных друзей Уильяма Дюбуа.

В Москве

Недавно, в феврале 1959 года, доктору Дюбуа исполнился 91 год. Свой день рождения он встретил далеко от дома, в дороге, в другом полушарии Земли.

На днях, перед отъездом доктора Дюбуа из Москвы, мы беседовали с ним в одной из московских гостиниц.

Голос у него звучит молодо; отвечая на вопросы, он шутит и весело смеется.

— Скажите, профессор, как складывалась ваша жизнь после суда?

— Я был заперт в США. В 1952 году в Монтевидео состоялся конгресс мира американского континента. В конгрессе должен был принимать участие и я. Но государственный департамент отказался выдать паспорт. Мне сообщили, что моя поездка «будет противоречить жизненным интересам» Соединенных Штатов.

Профессор рассказывает дальше, как он жил эти годы. У него не было постоянной работы: «В мои годы в США невозможно получить ее». Скромная пенсия — вот источник дохода. Иногда читал лекции. И писал.

В августе прошлого года, когда Верховный суд США признал незаконным лишение американских граждан заграничных паспортов, Дюбуа выехал в Европу. Он объездил полсвета за последние восемь месяцев: читал лекции в Англии и Голландии, побывал в Германии, Чехословакии.

Прошлой осенью Дюбуа участвовал в работе Ташкентской конференции. Состояние здоровья не позволило ему поехать на Конференцию народов Африки в Аккре. Но до делегатов Аккрской конференции дошло его слово: приветствие от доктора Дюбуа в Аккре зачитала его супруга, американская писательница Ширли Грэхэм.

Мы интересуемся, какое впечатление сложилось у него после четвертого посещения Советского Союза.

— Я видел своими собственными глазами, как рос Советский Союз. У меня нет никаких сомнений в триумфе коммунизма в вашей стране. Я убежден, что весь остальной мир будет следовать по этому же пути.

— Какие у вас планы на будущее, профессор?

— Когда человеку девяносто один, он не задумывает больших планов,— отвечает, улыбаясь, Дюбуа.— После Москвы я еду в Стокгольм, на сессию Совета мира, посвященную десятилетию движения за мир. Потом я хочу заехать в Лондон и посмотреть Поля Робсона в «Отелло». В Соединенных Штатах я буду продолжать работу над последней частью своего романа-трилогии «Черное пламя». К будущему году, я думаю, она будет закончена. Потом, может быть, я напишу автобиографию. А вообще-то говоря, дел еще много!..

Да, у него много дел. И он живет этими делами, поглощенный ими. На его столе лежат книги, брошюры, газеты, начатая статья. Он весь в работе — ученый, труженик мира.

Любовь к земле, любовь к родине

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в 1791 году в Уфе. В 1807 году Аксаков оставил Казанский университет, служил в Петербурге, потом в Москве, работал цензором и директором Межевого института. С двадцатых годов прошлого века Аксаков часто выступает в печати как театральный критик. В конце тридцатых годов Аксаков покидает службу и отдается писательскому труду.

Написанные С. Аксаковым в последние двенадцать — тринадцать лет жизни произведения — «Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» — примечательны не только своими художественными достоинствами. Книги Аксакова рисуют картины отнюдь не идиллической жизни русской деревни конца XVIII — начала XIX века. Не случайно революционно-демократическая критика увидела в лучших произведениях писателя доказательство того, что «произвол и своекорыстные расчеты были весьма обыкновенным явлением в отношениях старинных помещиков к крестьянам». Н. А. Добролюбов, которому принадлежат эти слова, писал о «Детских годах Багрова-внука»: «Горькое, тяжелое чувство сдавливает грудь при воспоминании о давно минувших несправедливостях и насилиях».

М. Е. Салтыков-Щедрин утверждал, что, несмотря на «слегка идиллический оттенок», только близорукие могут увидеть в «Семейной хронике» Аксакова апологию прошлого. Аксаковская «Семейная хроника» своей непринужденностью и задушевностью открывала новые пути русской реалистической прозы. Тургенев в связи с «Семейной хроникой» писал: «Вот он, настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот задатки будущего русского романа».

12 мая отмечается столетие со дня смерти С. Т. Аксакова — талантливого художника слова.

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

«Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?..»

Так начинается одно из последних произведений Сергея Тимофеевича Аксакова, посвященное русской охоте.

С охотничьей темой связано все художественное творчество Аксакова, произведениями которого зачитывались поколения русских чутких людей.

В русской классической литературе охотничья тема всегда пользовалась большим вниманием писателей. Это объясняется особенностями нашей природы, укладом и бытом русских людей, живущих в великих пространствах родной страны. О русской охоте писали Тургенев, Некрасов, Толстой. Но обстоятельнее и подробнее всех писал о русской охоте Аксаков.

С замечательной точностью описывал он приемы охоты, рисовал «портреты» рыб и птиц, от маленькой уклейки и болотного куличка до многопудовых бочажных сомов и тяжелых степных дроф-дуданов. Язык художественных произведений Аксакова точен, ясен и чист. Этому чистому, ясному русскому языку должны бы учиться многие наши писатели.

С живописанием русской природы, тихого утра и знойного летнего полдня, зимних степных буранов связано творчество Аксакова. Тончайшие наблюдения накоплялись еще от раннего детства. Он рос в усадьбе Ново-Аксаково, затерянной в просторах оренбургских степей. Первыми впечатлениями детства были эти оренбургские богатые степи, степные прозрачные озера и реки, кишмя кишевшие рыбой, заросший мельничный пруд. Рыболовные удочки, заботливо подвязанные к низу дорожного экипажа, были непременными спутниками в дальних степных поездках. На привалах и дорожных ночевках в степи, на берегах рек и степных озер, оставлявших неизгладимые впечатления в памяти Аксакова, вместе с отцом и любимым другом Евсеичем занимался он уженьем.

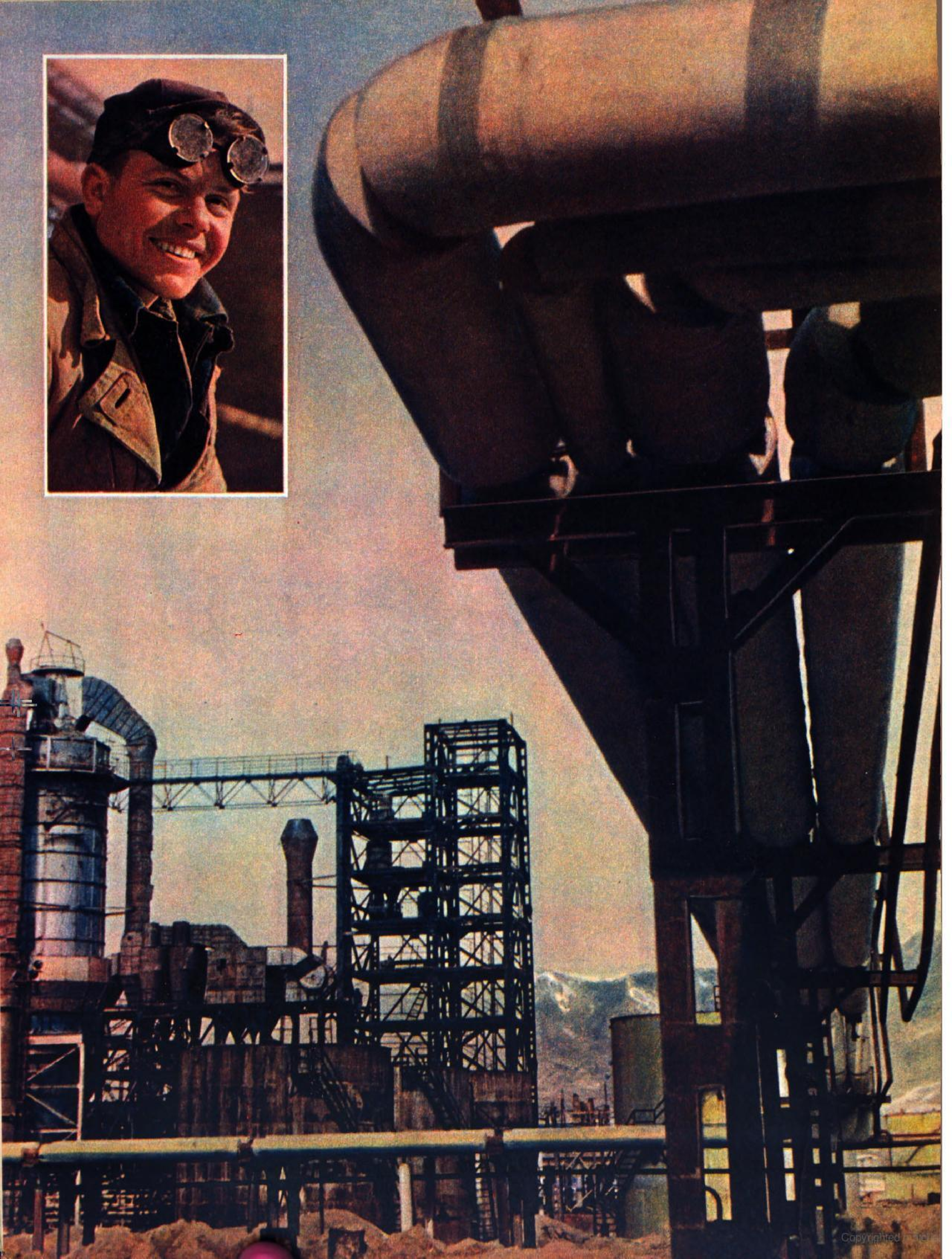
Страсть к уженью сменилась страстью к охотничьему ружью и ружейной охоте. Юный охотник пропадал в степи, наблюдая шумную жизнь птиц. Эти ранние наблюдения помогли Аксакову уже в старческие годы с замечательной свежестью продиктовать своей дочери (почти ослепший Аксаков в последние годы жизни диктовал свои произведения) «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — прославившуюся книгу, которую наряду с «Записками об уженье рыбы» с восхищением читали многие поколения русских охотников. Но не только одни охотники и рыболовы восхищались «Записками» Аксакова, выдержавшими несколько изданий еще при жизни автора. Об охотничьих записках отзывались с восторгом талантливые русские критики, их высоко ценили Гоголь, Тургенев, Толстой, справедливо причислявшие Аксакова к лучшим художникам русского слова.

Последние годы своей жизни С. Т. Аксаков провел под Москвой, в Абрамцеве. Здесь, в уютных и светлых комнатах большого тихого дома, окруженный родными, любящими людьми, диктовал он свои последние произведения, принимал дорогих гостей. Сохранившийся дом в абрамцевской усадьбе стал впоследствии приютом для поколения русских прославленных художников-живописцев. Здесь жили, писали свои картины художники Нестеров, Серов, Врубель, Васнецов и многие другие. Именами талантливых русских людей прославилась абрамцевская усадьба.

И. Н. Крамской. СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ.

«Огонек».

МЫЛО и РОМАНТИКА

В. БЕЛЕЦКАЯ

Каждый день на Красноводский нефтеперерабатывающий завод приходят письма. И самую толстую пачку передают в новый цех сульфанола.

Корреспонденты разные: капитаны дальнего плавания и домашние хозяйки, директора текстильных фабрик и сотрудники лабораторий научно-исследовательских институтов, работники механических прачечных и вагонных депо. И все просят завод об одном: «Дайте сульфанол!»

...От Красноводска уходят в море баржи, груженные мазутом и нефтью. А когда они возвращаются назад, единственный их груз — морская вода, взятая для балласта: после нефти и мазута залить в танки ничего больше нельзя.

Чистка баржи — тяжелый и вредный для здоровья труд. Закутанные до глаз, в кислородных масках спускаются рабочие в отсеки. Бригада из десяти человек может вычистить за день только один отсек, а их в барже 44!

А теперь представьте, что на борт каждого нефтеналивного судна взято несколько бумажных мешков с белым порошком. Баржа пришла в порт, нефть или мазут выкачали. В танк засыпают порошок и заливают водой, морской или речной — какая за бортом. В другой танк вместо людей спускается гидромонитор — машина, соединенная с насосом. Вот и все. Из вертящегося гидромонитора с силой вырываются струи раствора и омывают стенки танка. Другой насос откачивает грязный раствор. Баржа отмывается так чисто, что хоть заливай танки подсолнечным маслом!

Сульфанол с таким же успехом можно применить для чистки железнодорожных цистерн, промывки шерсти и шелка на текстильных фабриках, в механических прачечных и для мытья бутылок. В нем можно отстирать шерстяное платье, даже если оно испачкано мазутом, жиром или подсолнечным маслом. В соленой воде он тоже мылится, не разрушает ни железа, ни волокна шерсти, шелка, меха и «питается» не подсолнечным или хлопковым маслом и животным жиром, как «доброе, старое» мыло, а всего лишь... газом.

Родился сульфанол в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института по переработке нефти и газов.

Еще не все продукты переработки нефти используются нашей промышленностью, часть их продолжают бесхозяйственно сжигать в топках и факелах. Один из нефтяных газов — пропилен — и взяли ученые для получения сульфанола.

Опыты в лаборатории, споры, неудачи и снова опыты... И наконец получен первый килограмм долгожданной желтоватой пасты — сульфанола. Его тут же испробовали. Белую тряпку испачкали «адской» смесью — сажей, подсолнечным маслом, ланолином, вазелином — и выстирали в сульфаноле. Тряпка отстиралась. Но химики привыкли не доверять своим глазам. Сколь чиста тряпка, они проверили на специальном приборе — фотометре, сравнившем цвет выстиранной тряпки со стандартным образцом чистой белой ткани. Прибор не разочаровал их: сульфанол действовал прекрасно.

...Так уж случилось, что самое горячее время строительства цеха сульфанола совпало с самым жарким временем года. Красноватые невысокие горы, окружающие город, казались краями огромной раскаленной сковородки: брызнет дождик — и все кругом зашипит.

На строительстве цеха не хватало рабочих рук. Именно рук, потому что почти все земляные работы можно было проводить только вручную. Завод работал, а землеройные машины могли повредить лежащие под землей нервы и артерии завода. По ним постоянно пульсировали нефть, вода, газ, электрический ток.

Шефство над новостройкой большой химии взяла молодежь. На завод после своей обычной работы приходили продавцы магазинов, портнихи, учителя, библиотекари, железнодорожники, рыбаки. Они рыли котлованы, помогали строителям. Разные люди подобрались в бригадах, но все больше молодежь, комсомольцы. Девятнадцатилетний туркмен Байрамгельды Аннаев, относящийся с застенчивой любовью к своей профессии плотника; вечно придумывающий какие-то усовершенствования, смекалистый и упорный казах Авин Бекмаганбетов; горячий, искренний, быстро принимающий смелые решения даргинец Хаджи Шейхасанов. Прорабом строительного участка стал тоже комсомолец, выпускник Казанского инженерно-строительного института Вячеслав Степанов, а начальником сушильной установки нового цеха — гибкий смуглый юноша, инженер-нефтяник, сын туркменского рыбака Байрам Миришев.

Для насосной полагалось закрытое помещение, а в процессе работы решили строить ее без стен, сделать только потолок, защищающий машины от дождя и солнца. Это сократило стоимость строительства насосной почти в три раза. Но особенно отличилась бригада такелажников Николая Грецова. Они разработали своеобразный план монтажа 42-метровой 84-тонной сушильной башни. По инструкции предлагалось поднимать башню по частям и на весу сваривать. Монтаж должен был занять не меньше шести недель. Но молодые новаторы «обошли» инструкцию. Башню сваривали на земле, а затем подняли на высоту почти 30 метров и поставили на основание. Вся работа заняла две недели. И тогда в знак победы торжественно укрепили на башне красный флаг.

Работала на стройке молодежь и из других городов. По комсомольской путевке приехал Николай Боровков, сероглазый паренек с ясным, открытым лицом, чуть тронутым золотистыми веснушками. Несмотря на свой возраст (ему нет и двадцати двух), он уже строил нефтеперерабатывающие заводы в Куйбышеве и Горьком.

Было на стройке всякое. Иногда вовремя не подвозили материалы, и бригады простаивали сутками, иногда не было воды, чтобы напиться, и привезенный лед (такая ценность в Красноводске!) таял без толку.

Кое-кто начинал ворчать: «Подумаешь, шефство комсомола! А что мы строим? Всего-навсего цех для варки мыла. Тоже мне романтика!» Но им возражали:

Транспорт, текстильная промышленность, чистка станков и машин на заводах, мойка бутылок, прачечные... Разные, важнейшие и рядом с ними, казалось бы, совсем незаметные, проблемы нашей индустрии и жизни — и везде сульфанол облегчает физический труд, бережет время и средства. Подсчитано, что применение сульфанола для чистки только одной баржи даст экономию больше ста тысяч рублей! А «горящие озера» нефти на железнодорожных моечных станциях? Их больше не будет. Остатки мазута и нефти после чистки цистерн сульфанолом можно сжигать в паровозных топках. Сколько горючего сбережется таким образом!

...Еще до начала сооружения цеха сульфанола была построена опытная установка размером в одну сорок восьмую большого цеха. На ней можно было получать уже не килограммы, а тонны сульфанола. Цех строился, а на опытной установке учились люди, которые должны были прийти работать в цех, пробовали, экспериментировали.

— По плану мы должны пустить цех в ноябре этого года,— сказал мне начальник цеха Борис Назаренко,— но у нас есть дерзновенная мечта сделать это в июле.

По тому, с каким энтузиазмом работали на заводе строители, инженеры, ученые, было ясно: обещание выполнят.

Прошлой весной они говорили: сульфанол будет. Теперь, в годовщину майского Пленума ЦК, рапортуют: сульфанол есть!

Уже почти закончена огромная сушильная установка, где паста сульфанола превратится в порошок. Причем каждая порошинка будет похожа на полый шарик неправильной формы. Такой порошок не распыляется, его легче перевозить и использовать. Построены цех сульфирования и похожий на спортивный зал почти двухсотметровый двухэтажный склад готовой продукции. Лилипутом в стране великанов кажется маленький белый домик, а как раз в нем мозг цеха. Старший оператор и дежурный инженер смогут, не выходя отсюда, следить за работой цеха.

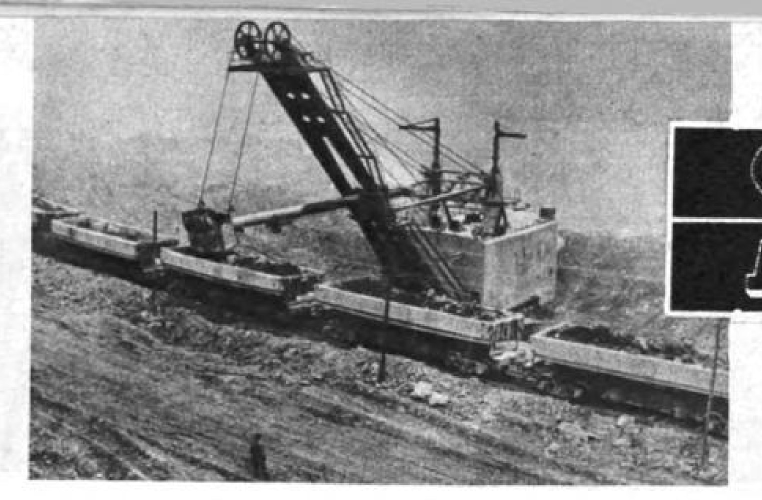
Цех занимает тринадцать тысяч квадратных метров, а обслуживать его в вахту будет всего 15 человек. На заводе говорят не «работают смену», а, как на корабле, «несут вахту». Рабочие завода тоже чем-то напоминают моряков, то ли четкими, точно рассчитанными движениями (ведь работают они у сложных приборов), то ли смуглыми, обветренными сильными ветрами Каспия лицами. За короткую красноводскую зиму бронзовый загар успевает только чуть побледнеть. И весь завод кажется огромным кораблем, ушедшим в далекое плавание...

На заводе обсуждают план нового цеха. Слева направо: авторы проекта синтеза сульфанола кандидат технических наук И. Ф. Благовидов и профессор, доктор химических наук Л. А. Потоловский, начальник цеха сульфанола аспирант Б. С. Назаренко, главный инженер проекта, кандидат технических наук Н. П. Сосновский, главный инженер завода Д. Я. Мучинский, старший конструктор И. И. Кузин.

Красноводский нефтеперерабатывающий завод. Установка «Большого сульфанола». Вверху: газорезчик Николай Боровков.

Фото Д. Ухтомского.

Погрузка породы экскаватором «ЭВГ-6».
Фото И. Тюфякова.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Магеррам Наджафов с женой Катериной.

ГЛУБОКИЙ РАЗРЕЗ

— Вот скоро и мою шахту поглотит разрез.

В голосе Дмитрия Федоровича Трофимова, начальника шахты, слышны грустные нотки...

Коркинский разрез — это громадный котлован, дном которого является мощный пласт угля. Широкими террасами уходят вниз громадные уступы, по которым петляют кажущиеся сверху совсем миниатюрными электрические поезда. То тут, то там вытягиваются длинные стрелы экскаваторов, бесконечной черной рекой плывет уголь по лентам транспортеров. Пятнадцать тысяч тонн в сутки!

— Что и говорить, открытая разработка выгодней,— продолжает Дмитрий Федорович уже без сожаления.— Посудите сами...

Оказывается, производительность одного рабочего на шахте составляет 57 тонн угля в месяц, на разрезе — 362 тонны; себестоимость добычи открытым способом вдвое ниже. При том же количестве горняков, что и на шахте, разрез дает в десять раз больше угля.

Открытые разработки ведутся уже в 220 метрах от поверхности, а десятки механических землекопов вгрызаются в земные недра все дальше и дальше.

В решениях XXI съезда КПСС отмечается, что открытый способ добычи угля получит дальнейшее развитие в предстоящем семилетии.

Управляющий трестом «Коркинуголь» Василий Петрович Кондратенко рассказывает:

— К концу семилетки уголь будет здесь добываться на глубине свыше 300 метров.

...В просторном помещении, где ярко горят лампы дневного света, стоит состав из трех небольших открытых вагонов. Короткий сигнал, и поезд плавно трогается с места, исчезает в наклонном тоннеле. Через несколько минут рабочие выходят из вагонов на дне карьера.

Длина тоннеля — около километра. Раньше, чтобы спуститься в разрез, рабочие пересчитывали ногами тысячи ступенек.

Скоро будут закончены и остальные три наклонных ствола: для грузового и пассажирского движения. Широкие транспортерные ленты длиной более километра будут доставлять по девятьсот тонн угля в час.

А вот еще новинка, которую трудно не заметить,— только одна кабина гигантского агрегата равна трехэтажному дому. Это «ЭВГ-6» № 1 — первый уралмашевский экскаватор нового типа для вскрышных и погрузочных работ, для нарезки уступов. Он недавно прошел испытания. Ровно загудели моторы, и огромная стрела опускает ковш. Проходят считанные секунды, и шесть кубометров породы погружены в вагон. Неподалеку от первого «ЭВГ-6», на 130-м горизонте, завершается сборка другого землеройного гиганта, еще более грандиозных размеров. Его заводской номер тоже первый, хотя агрегату уже немало лет. Вспомните появившийся на строительстве Волго-Дона шагающий экскаватор с ковшом на четырнадцать кубометров грунта. Его образно назвали шагающим заводом. Начав свой путь на Волго-Доне, первый шагающий побывал затем на других крупных стройках и теперь вернулся на свою родину — Урал.

Коркинцы начали работать по новому графику, перешли на семичасовой рабочий день. И хотя рабочий день стал короче, каждая смена добывает угля больше прежнего.

А. ГРИГОРЬЕВ

ПОЛУАВТОМАТ БРОШЮРУЕТ КНИГУ

Чтобы соединить воедино страницы миллионов книг, которые выпускают издательства нашей страны, в каждой типографии занято много разнообразных машин и станков: швейных, заклеечных, прессовочных, сушильных.

Недавно на Киевском механическом заводе закончились испытания созданного по проекту Львовского научно-исследовательского института полиграфической промышленности опытного образца нового полуавтомата. Каждые две с половиной секунды выпускает он прочно скрепленную книжку. Новый полуавтомат бесшовно крепит страницы книг. Он заменяет десять швейных машин «НШ-2», два станка для заклейки, два пресса и сушилку.

В. ШУМОВ

Слесарь-сборщик Дмитрий Беспалов регулирует один из узлов полиграфической машины.
Фото Б. Львова.

Магеррам Наджафов — итальянский партизан

Весной 1942 года тяжелораненый советский воин Магеррам Али Баба оглы Наджафов попал в плен. В начале 1944 года гитлеровцы переправили его в концентрационный лагерь, в Италию, у села Кампьяно, близ Равенны.

Крестьяне Кампьяно помогали чем могли советским военнопленным. Связная местного партизанского отряда Катерина передавала им подпольные листовки итальянских коммунистов. Однажды, рискуя жизнью, она принесла Наджафову сверток с одеждой, и ночью Магеррам бежал из лагеря. В семи километрах от Кампьяно, как было условлено, его ждала Катерина.

Вскоре Наджафов вступил в отряд народных мстителей под командованием коммуниста Бруно Фоккачи из партизанского соединения имени Гарибальди. Борцы за свободу Италии полюбили мужественного, жизнерадостного азербайджанца, делившего с ними тяготы боевой жизни. Вместе они взрывали мосты, пускали под откос воинские эшелоны, уничтожали склады боеприпасов. Они оказали неоценимую помощь наступающим войскам союзников.

Кончилась война. Азербайджанец Магеррам Наджафов женился на итальянке Катерине Форгани — подруге партизанских дней. Все крестьяне Кампьяно торжественно отметили это событие. Потекли дни мирной жизни. Наджафов стал своим человеком в итальянском селе. Он уже свободно говорил по-итальянски, работал в сельскохозяйственном кооперативе. И в 1946 году его приняли в ряды Итальянской коммунистической партии.

Наджафов жил в окружении близких друзей. Но Родина властно звала его к себе. Выехать в Советский Союз Магерраму и его жене помогли друзья по партизанской борьбе, депутаты парламента — коммунисты. К тому времени, когда наконец удалось получить визы на выезд из Италии, у Наджафова было уже двое детей: сын Тахир и дочка Лаура.

И вот в 1956 году супруги Магеррам и Катерина ступили на землю Советского Азербайджана. Косум-Исмаиловский сельсовет предоставил им отдельный домик. Магеррам сейчас работает в сельской чайной, Катерина помогает ему. В прошлом году она была избрана депутатом сельсовета.

На Почтовую улицу, где живут супруги, часто приходят письма с отметкой «Международное». Из Италии Магерраму и Катерине пишут многочисленные друзья. Бабушка — мать Катерины — сильно скучает по внучатам, мечтает приехать в гости.

Т. РАДЖАБЛИ

Спасибо Сереже от пограничников

Октябренок Сережа Стефанов, ученик первого класса 76-й средней школы Тбилиси, не раз слышал от родителей про служебных собак на охране границы. И мальчику захотелось самому вырастить такого четвероногого помощника пограничников.

Скоро в доме Стефановых появился щенок Рекс, маленький, беспомощный. Сережа заботливо ухаживал за ним, кормил, но все-таки иногда сокрушался:

— Меня Рекс, конечно, слушает, но маму больше...

Тем временем Рекс вырос в отличную овчарку. В гости к Стефановым приехали пограничники и, осмотрев собаку, дали ей самую лучшую аттестацию. Особенно был доволен будущий воспитатель пса — младший сержант Борис Лившиц.

А Сереже и его друзьям-первоклассникам взгрустнулось в этот день: жаль все-таки расставаться... На прощание все ребята хотели по очереди сфотографироваться с Рексом, но удалось это одному только Сереже.

Майор М. ДРУЧИНИН

Сережа Стефанов со своим питомцем Рексом.
Фото А. Пенского.

ТЕЛЕВИЗОРЫ В МОРЕ

Установка телевизионной антенны на судне.

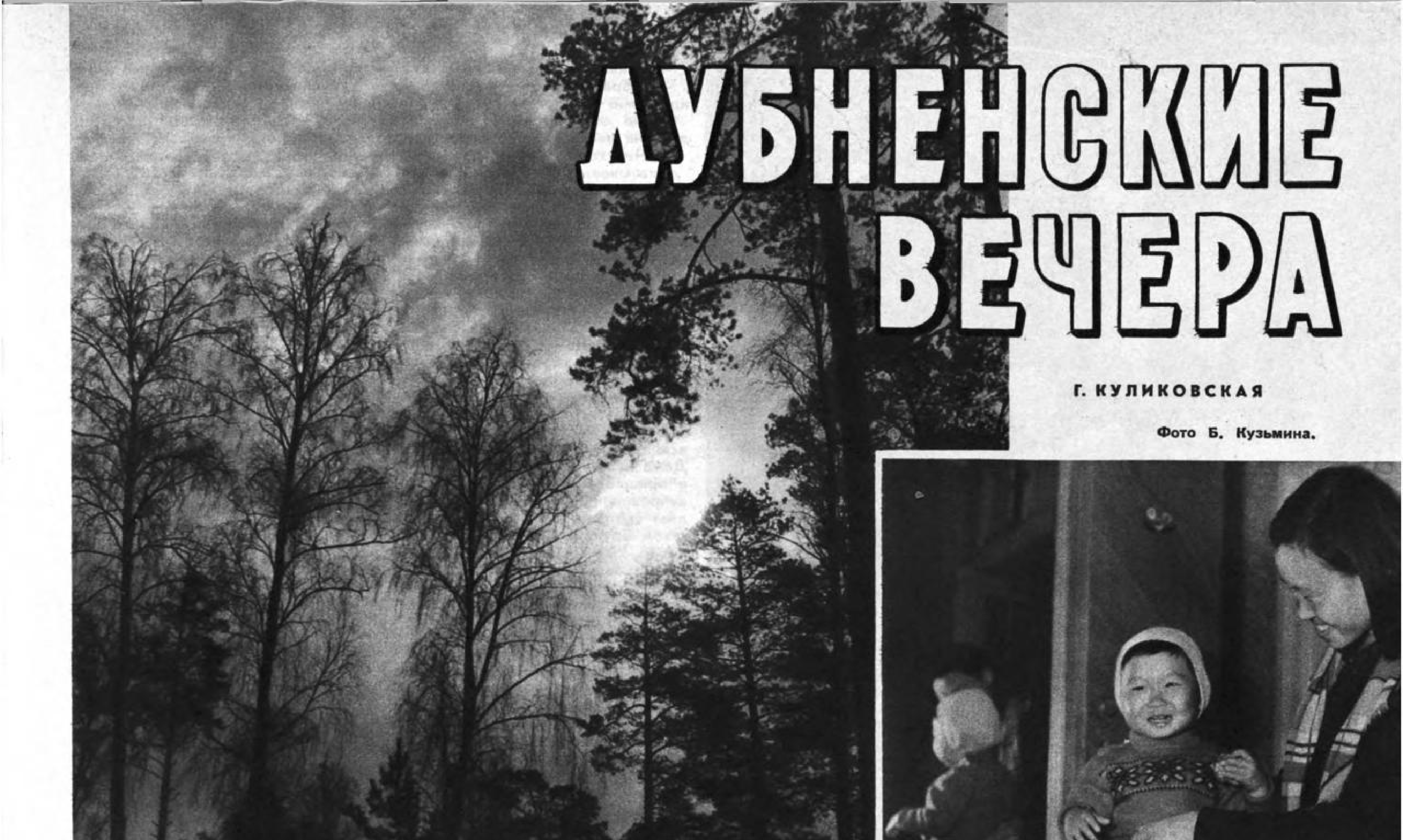
Не правда ли, приятно, находясь в море, вдали от родного берега, спуститься с палубы в кают-компанию и посмотреть на экране телевизора концерт или спектакль, который в эти часы смотрят жители большого города?

Недавно еще об этом только мечтали моряки. А теперь на некоторых судах Эстонского и Балтийского пароходств установлены телевизионные антенны для дальнего приема.

Моряки, находясь в плавании, смотрят передачи на отечественных телевизорах «Рекорд», «Темп» и других. В Дальневосточном торговом флоте антенна с телевизором установлена на одном из дизель-электроходов.

Двадцать пятая по счету телевизионная установка была смонтирована недавно на исследовательском судне «Океанограф», который ушел в рейс по Балтийскому морю.

Инженер И. ГРАЧЕВ

ДУБНЕНСКИЕ ВЕЧЕРА

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Б. Кузьмина.

Маленький Ден Иль родился в Дубне. К Пхеньяну ему еще придется привыкать...

У Тито и Антонио Понтекорво большое хозяйство...

Дубна! Как много говорит одно только это слово! Впервые произнесенное громогласно несколько лет назад, оно мгновенно облетело всю планету и приковало к себе взоры всего человечества. Сюда, на остров в устье канала Москва — Волга, где в глубине соснового бора расположились научно-исследовательские лаборатории, олицетворяющие собой вершину человеческой цивилизации, стремятся дипломаты и главы государств, общественные деятели и журналисты. Они своими глазами хотят видеть самую большую в мире атомную машину — синхрофазотрон. Они хотят ознакомиться с удивительным институтом, в жизни и деятельности которого на равных началах участвуют двенадцать государств демократического лагеря. Они хотят убедиться, так ли хорош, как о нем говорят, сам атомград — город, пронизанный солнцем, весь из золотисто-белых коттеджей и домов под вековыми соснами...

Со своими школами, гостиницами, магазинами, аптеками, киосками и больницами он как будто похож на тысячи городов мира. Есть тут и телеграф, и ясли, и родильный дом... Однако же, располагая всем обычным для любого города, он в то же время особенный. Особенный хотя бы потому, что главная самая красивая его улица носит имя великого физика Фредерика Жолио-Кюри. И стоит пройтись по этой улице под вечер, когда она становится особенно оживленной, и прислушаться к многоязыкому говору, чтоб понять своеобразие Дубны, этого поистине интернационального города. Тут русский язык перекликается с венгерским, монгольский — с языком вьетнамцев... Тут, пренебрегая всеми житейскими условностями и автомобилями, на велосипедах «финишируют» к домам из дальних лабораторий самые ответственные сотрудники института, и среди них — его директор Дмитрий Иванович Блохинцев. Тут резвой цепочкой бежит на «разминку» к стадиону в полном составе вся китайская «колония» во главе с физиком Чжоу Гуан-чжао...

Тут в свободные часы дружно выходят с ребятишками подышать чистым лесным воздухом родители, и тогда обнаруживается, что маленькие кореянки, немцы, болгарки лучше своих пап и мам владеют русским...

Мы много-много раз читали о сокровищах Дубны, ее уникальных лабораториях и уникальных машинах. И очень мало слыхали о людях — творцах этих машин и новых открытий на переднем крае науки. И совсем ничего не знаем о том, как они живут, отдыхают, просто развлекаются. А ведь именно им, физикам и инженерам, все глубже проникающим в недра атомного ядра, им, несущим бессменную вахту у своих машин, отдых особенно нужен...

Наступает он, как правило, вечером...

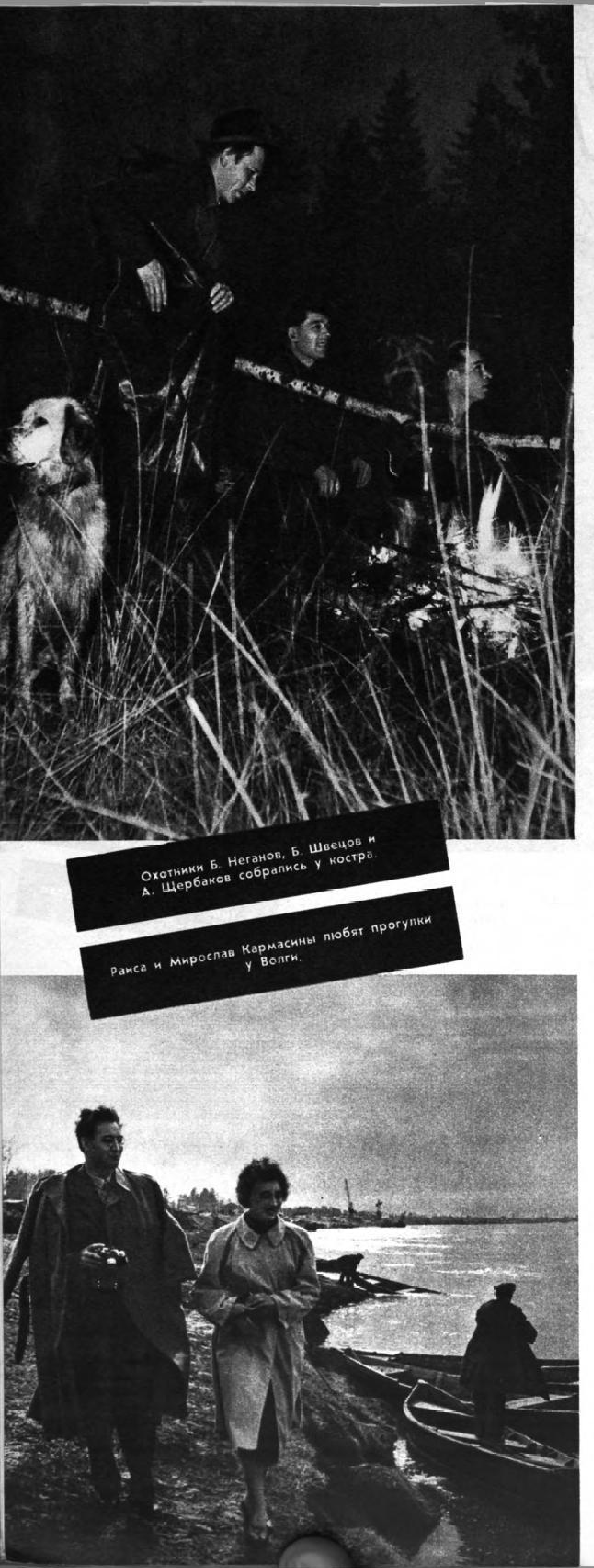
Воспользуемся же вечером и мы. Заглянем в ярко освещенные дома, поговорим, послушаем...

Что, например, делается сейчас в торжественном здании с колоннами на улице Жолио-Кюри, куда направился Тивадар Шиклаш, физик из Венгрии? У Шиклаша не совсем обычная биография. Будапештец, он в Москве заканчивал аспирантуру и в Москве защищал диссертацию на степень кандидата физико-математических наук. А сейчас Венгрия направила его сюда, в Дубну.

Вместе с Шиклашем заходим в зал. В нем темно. На небольшом экране мелькают кадры из жизни тех, кто сидит в зале.

...Сотрудники института на сенокосе в подшефном колхозе. В трусах и соломенных шляпах, черные от загара, они ворочают громадные копны свежескошенной травы. Все выше и выше растет стог. Вот теперь можно укрыться в его тени, вытянуться на свежей перине, а то, пока не кончился перерыв, и забить «козла».

Вспыхивает свет, и «киномеханик», научный сотрудник лаборатории ядерных проблем Л. М. Сороко, едва успевает отвечать на вопросы.

Охотники Б. Неганов, Б. Швецов и А. Щербаков собрались у костра.

Раиса и Мирослав Кармасины любят прогулки у Волги.

— Какая пленка?

— Обрабатывали на фабрике или сами?

— Не собираетесь ли переходить на цвет?

— Что хотите снимать?

Оказывается, это не простые зрители, а члены кинофотосекции Дома ученых. Среди них мы видим члена-корреспондента Академии наук СССР М. Г. Мещерякова (от него «заразилась» кинаделом и его дочь — семиклассница Оля Мещерякова), вице-директора института болгарского профессора Эмила Джакова, начальника издательского отдела М. М. Лебеденко, директора Дома ученых О. З. Грачева.

— Наш дом очень молодой, — рассказывает Грачев.— Ему всего два месяца от роду. Раньше на всю Дубну хватало городского Дома культуры. Но город растет, и пришлось открывать еще одно «учреждение» отдыха. Возглавляет его совет под председательством Бруно Максимовича Понтекорво. Уже создано много секций, и записавшихся тоже порядочно. Кстати, секцию аквалангистов возглавляет сам Бруно Максимович. Это его любимый вид спорта. В доме оборудуется зал настольных игр. Словом, надежды возлагаются на нашего «младенца» немалые...

И посидеть в уютном кафе Дома ученых тоже неплохо. За самой непринужденной беседой мы встретили тут румынских физиков — профессора Т. А. Тэнэсеску с супругой и Мариуса Петрашку, ученого секретаря института Р. М. Лебедева, профессора А. Н. Мурина.

...Много позже, когда затихли шаги последних гостей, неожиданно послышалась музыка: кто-то играл Шопена. Но кто?

— Разве вам не говорили? Юрий Швабе, — шепотом ответил Олег Захарович. — Он приходит сюда каждый вечер, когда гаснут люстры, чтобы никто ему не мешал.

Тихонько, чтобы не потревожить играющего, мы вошли в пустой зал. Он был темен, и только тот угол, в котором стоял рояль, озаряла бледная полоса лунного света. И тонкое, нервное лицо молодого человека тоже было бледное и удивительно юное.

Юрий Швабе... Конечно, о нем нам рассказывали чуть ли не в первые минуты по приезде. Ведь его знают здесь все. Молодой польский физик работает над созданием новой системы ускорения частиц. Кроме всего прочего, он до самозабвения любит музыку. Он не только незаурядный исполнитель, но и композитор.

Мы попросили его сыграть что-нибудь свое.

— Вы имеете прослушать этюд. Так собе, упражнение для пальцев, — скромно оповестил он.

Вместо «упражнения» мы услыхали вполне законченное произведение. Бурное и тревожное, оно волновало и заставляло думать. И когда затихали мощные звуки и взлетала нежная мелодия, то и она звучала не как мольба, не как просьба, а как смелый, дерзкий вызов...

— Вы, конечно, учились. Когда и где?

— Это после войны. Так? Але я не кончил консерваторию. Надо было выбрать: институт альбо консерватория. Але, как вы имеете видеть, без музыки жить нѐма сил.

— Нравится вам здесь?

— О, да! Спасибо! О нас заботятся, как дома. Мне, например, из Москвы привезут новый рояль. Подумайте, это совсем только для меня! И природа така красива для отдыха, особенно там, у Московского моря. Мы часто с Дмитрием Ивановичем туда ездили, когда закат...

Меня предупредили: Борис Степанович Неганов — собеседник «трудный» и застать его дома тоже трудно: он может прийти очень поздно, а то, бывает, и совсем не оторвется от своего синхроциклотрона. Недавно успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную пи-мезонам, которые столь недолговечны, что и сравнить их ни с чем нельзя. Они живут какую-то одну двадцатимиллионную долю секунды...

Мне повезло: «немолодой», как он сам себя считает, тридцатилетний физик, старожил Дубны (приехал он из Ленинграда сюда еще в 1949 году), был дома и проверял уроки своего первенца, первоклассника Саши.

Из столовой на меня глянуло хищное чудище: серо-бурый сокол, распростерший мощные крылья и готовый взлететь... с буфета. На пианино мирно грызла орешки белка. А возле окна сидела какая-то громадная красивая птица. Ого! Да тут не только «немолодой» физик, но и немолодой охотник живет!..

— Ваши трофеи?

— Каюсь, — признался он сокрушенно. — Сокола увидел рядом с ускорителем, в каких-нибудь двадцати минутах ходьбы. Сидел преспокойно на ели, не ожидая никакой опасности. Пришлось подстрелить. Здесь же была глушь, на болотах — тетеревиные тока. Места для охоты чудесные... Но я люблю все же больше рыбную ловлю. Вы знаете, сколько здесь рыболовов! Не ошибетесь, если напишете, что каждый третий житель. На Московском море от них черным-черно. У нас есть даже женщины-рыболовы. А если хотите найти в воскресный день административного директора института В. Н. Сергиенко или польского профессора М. Я. Даныша, то поезжайте прямо туда, не ошибетесь. И я грешен: пропустил за зиму только одно воскресенье, когда грипп держал. А сейчас вот Саша присматривается, просится взять... Хороши дубненские вечера в лесу, на реке! Тишина, покой, птицы...

И чешскому физику Мирославу Кармасину тоже по душе дубненские вечера, только несколько с другой точки зрения. Они ему особенно милы с того памятного вечера под новый, 1958 год, когда в Доме культуры он встретил русскую девушку с пушистой копной рыжеватых волос и дерзкими серыми глазами.

Мирослав Кармасин просто обомлел, когда узнал, что его новая знакомая, 24-летняя Рая Бажутина, — мастер-строитель и командует целыми участками. Рабочие по ее указаниям закладывают фундамент, возводят из кирпича стены, укрепляют оконные переплеты.

— Сколько, вы думаете, она домов построила в Дубне? — спрашивает он и с гордостью сам отвечает: — Девять: общежитие, рабочую столовую, жилые дома. А вот сейчас строит корпус на территории самого института.

После новогоднего вечера были другие вечера — на лыжах, на

Волге, на байдарке, в лесу, на теннисном корте...

И все они привели к тому, что через год в один прекрасный день сам председатель горисполкома Сергеев (как-никак Бажутина — строитель города) крепко пожал руки новобрачным.

В квартире, которую гостеприимно предоставил институт молодоженам, пахнет сосной. Тяжелые и сочные, с каплями смолы, стоят в вазах ветви. Сосны и фиалки. В этом доме — весна!

А молодого китайского физика Чжоу Гуан-чжао дубненской весной не удивишь. Конечно, в Пекине куда ярче цветы, и небо синее, и ночи теплее.

— Зима — вот это очень хорошо,— говорит, улыбаясь, Гуан-чжао, и его без того юное округлое лицо становится совсем по-детски непосредственным.

Чжоу Гуан-чжао действительно молод, молод и талантлив. В двадцать лет он окончил физико-математический факультет пекинского университета. Здесь, сотрудничая в лаборатории теоретической физики, он выполнил восемь научных работ, имеющих немалое значение. «В исследованиях он так же неутомим, как и его соотечественники, строящие домны или плотины электростанций. Едва успевая завершить одну тему, он уже одержим новой...» Так о нем говорят коллеги по труду. Что же касается отдыха, то он в восхищении от русской зимы.

— Люблю снег, когда много снега... Тогда выноси лыжи, иди куда глаз глядит. И еще коньки — тоже очень хорошо. Когда скользко, лед и ветер. Щеки горят. Очень хорошо!

— В Дубне есть каток?

— Конечно. На стадионе.

— Но сейчас, к сожалению, весна. Снег растаял. Как же вы отдыхаете?

— Опять на стадионе или в нашем Доме ученых. Там есть пинг-понг. Приходит Борис Валуев, ему тоже нравится пинг-понг. Скоро можно сесть за весла. Гребля — тоже очень хорошо. А потом купание, яхты. С Дмитрием Ивановичем мы как-то ездили...

Опять Дмитрий Иванович... Тут вспомнилось, кто-то рассказывал, что член-корреспондент Академии наук СССР Дмитрий Иванович Блохинцев, ученый, известный своими трудами в области теоретической физики, — страстный любитель различных видов спорта, особенно водного. Однажды утром уехал на байдарке в Московское море и вернулся только поздно вечером, усталый и довольный... к явному неудовольствию, конечно, своих близких, которых он переполошил... Надо непременно побывать у директора!..

В дверь постучали.

Оказывается, соотечественники Чжоу Гуан-чжао приготовили ужин по всем правилам китайской кухни.

— Русские блюда — очень вкусно. Но иногда так хочется по-своему. Идемте и вы с нами, попробуйте,— пригласили нас.

...Увы, наша встреча с Д. И. Блохинцевым так и не состоялась! На следующий день его вызвали по каким-то срочным делам в Москву, но дома я у него была. Гостеприимная Серафима Иосифовна провела нас в рабочий кабинет мужа, и если не было в эту минуту самого хозяина, то его вещи красноречиво рассказывали о нем. В одном углу — простой верстак с набором столярных и слесарных инструментов, спортивными принадлежностями: мячи, гантели, теннисная ракетка в чехле и...

— Ледоруб?

— Да, представьте себе. Очень любит горные походы. Совсем недавно Дмитрий Иванович вернулся из горнолыжного путешествия. На Кавказе был.

В другом углу кабинета по диагонали — письменный стол. На отдельной подставке — тонко выполненный макет первой в мире атомной электростанции с дарственной надписью. Ведь Блохинцев возглавлял ее создание, был научным руководителем работ при ее постройке. Сзади во всю стену — стеллажи с книгами. Справа — доска, испещренная формулами, мелки. Чувствуется, что здесь часть творческой лаборатории ее владельца. Это предположение подтверждает и Серафима Иосифовна.

— Там, в институте, всякие административные дела, а здесь он исследователь, ученый. Здесь происходят споры, обсуждения.

Внимание привлекают небольшие, выполненные со вкусом и настроением акварели, развешанные по стенам.

— Кто это рисовал?

Серафима Иосифовна колеблется: раскрывать ей и этот «секрет» мужа или нет? Наконец она решается.

— Видите ли, у нас в Дубне каждый развлекается и отдыхает по-своему. Общеизвестен, например, интерес Владимира Иосифовича Векслера к живописи. Он не пропустит ни одной художественной выставки. А Дмитрий Иванович рисует сам.

Наброски, этюды, зарисовки, юморески... Тут Эльбрус и Чуфут-Кале, Шале в Швейцарии и Кисловодск и, конечно, любимая Волга. Рисунки рассказывают о тех местах, где он был, о тех людях, которых видел, и о его отношении к ним. И они помогают воссоздать портрет человека, их исполнившего, — человека огромной эрудиции, широких жизненных интересов и разносторонних культурных запросов...

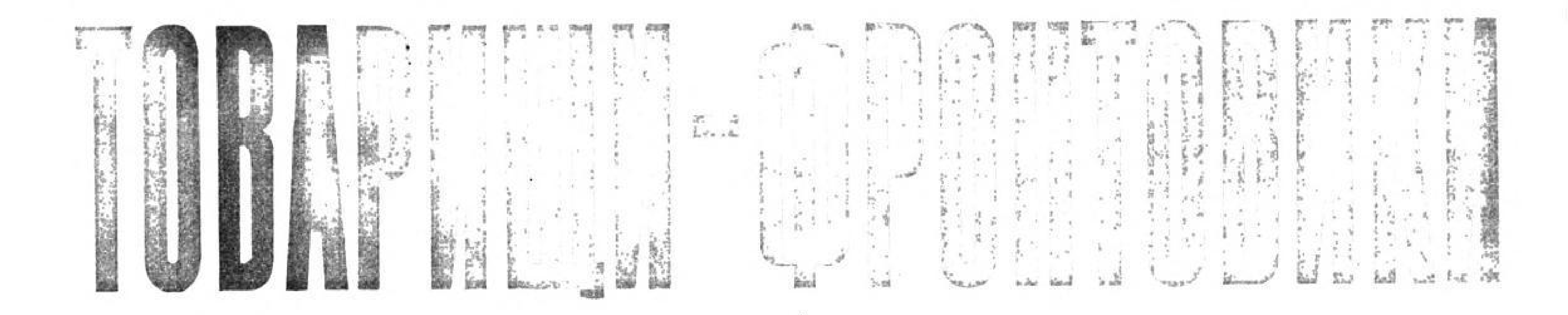
Внизу, за парком, неслышно и ласково струится Волга. Оттуда, снизу, кто-то подымается. По отдельным словам, которые доносит свежий апрельский ветер, можно различить язык. Монгольский, корейский?.. А вот и они сами, двое мужчин с полными ведрами. Женщины в Дубне привыкли мыть волосы волжской водой: она особенная, самая мягкая.

Нет ничего лучше, чем поход в горы. Д. И. Блохинцев с женой и сыном на Кавказе.

Юрий Швабе не только пианист, но и композитор.

Чжоу Гуан-чжао и его соотечественники готовят ужин по всем правилам китайской кухни.

Много времени прошло с тех пор, как окончилась война, но отзвуки ее, словно эхо, доходят еще и до наших дней.

О чем говорят они, какие чувства и мысли рождают в душе человека?

Вот что услышал и увидел я в Советском комитете ветеранов войны...

Я. МИЛЕЦКИЙ

Дочь венгерского коммуниста

Яков Иванович Мельник, бывший командир партизанского соединения, вернулся из поездки в Белоруссию. Его привело туда письмо, полученное из Будапешта от старого коммуниста профессора Иштвана Бауэра.

— Как погибла моя дочь? — спрашивал Бауэр.

Старый коммунист, участник пролетарской революции 1919 года в Венгрии, он затем долгое время жил в Советском Союзе, найдя здесь свою вторую родину. Его восемнадцатилетняя дочь, комсомолка Таня, в 1942 году стала бойцом партизанского отряда, который действовал в фашистском тылу, в лесах северо-восточнее Минска.

Маленькую, худенькую девушку хорошо знали во всей партизанской округе. Ее звали просто Таня, любили и уважали за храбрость. Она владела немецким языком, который изучала и в школе и на историческом факультете Московского университета. Вот почему Тане поручали самые ответственные задания — по сбору сведений о передвижениях фашистских войск, по доставке оружия партизанам.

Яков Иванович Мельник объехал весь бывший район действий партизанского отряда, расспрашивая о Тане. И с каждым днем перед ним все явственнее вырисовывался замечательный образ героической партизанки.

Вот приехал он в деревню Бобры, где долго жила Таня, откуда она уходила на опасные задания. Деревня маленькая, всего домов тридцать. Укрытая лесами, стоит она вдали от городов и магистралей. Приютила Таню семья Юрковичей. Они знали, что Таня — партизанка, им грозила за это смертельная опасность, и все-таки они не побоялись.

Главу семьи Петра Ивановича фашисты еще до появления Тани подозревали в связях с партизанами. Он испытал на себе и шомпола и палки, гестаповцы его пытали. Но когда Таня вошла в его дом, он сказал ей:

— Живи, дочка... Что будет с тобой, то будет и с нами.

Жена его, Наталия Ивановна, и дочь Мария помогали Тане чем могли, а сын Михаил вскоре сам стал партизаном.

Стойко и мужественно переносила Таня трудности, выпадавшие на ее долю. Она могла пройти пешком сотню километров, зачастую босиком пробираясь по едва заметным лесным тропам. И с каждым разом она забиралась все дальше. Она ходила в Минск, навещала Заславль, ее видели на железнодорожных станциях, на оживленных шоссейных дорогах.

В Минске у нее были верные, преданные друзья, они помогали ей собирать нужные сведения. Там Таня узнала о готовящемся налете гитлеровцев на партизанский район Логойска — Бегомля и сумела за несколько дней до назначенного срока предупредить об этом своих товарищей.

Однажды Таня пробиралась в Минск. Они втроем ехали на подводе: Таня и двое ее товарищей-партизан. Внезапно их остановил фашистский патруль.

— Хенде хох! — закричали солдаты, появившись из ночной тьмы.

Шепнув: «Гони!», — Таня сказала что-то патрульным по-немецки. Солдаты замешкались.

Опомнились они, когда лошадь мчалась уже во весь опор, и открыли огонь наугад. Пуля легко ранила Таню в правую лопатку. Ее лечили минские друзья. Когда рана затянулась, она вернулась в Бобры.

Однажды Таня получила задание достать фашистскую печать.

— Трудновато...— улыбнулась она.— Попробую...

И вот партизанка идет на прием к бургомистру Минска. Осталось тайной, о чем она говорила с этим «городским головой». Вышла она из его кабинета, крепко сжимая в чуть потной руке круглую печать: хозяин и не заметил, как она исчезла с его стола. На печати красовался фашистский герб и цифра «8». Это была восьмая по счету печать бургомистра за недолгий срок его правления.

Не описать всех подвигов венгерской героини. Она попала в облаву, была схвачена гестаповцами и брошена в тюрьму. С помощью друзей ей удалось бежать, и снова она вернулась к партизанам.

Шел 1944 год. Фашисты предприняли крупную операцию по уничтожению партизан севернее Минска, бросив против них крупные силы. Партизаны, среди которых была Таня, отступили в болота у озера Палик. Более двух месяцев отражали они натиск гитлеровцев. Боеприпасы, продовольствие пришли к концу.

Партизаны пытались пробиться через вражеское кольцо. В боевой цепи рядом со своими советскими товарищами была венгерская девушка Таня Бауэр.

13 июня 1944 года возле деревни Маковье, Бегомльского района, в 130 километрах северо-восточнее Минска, во время ночного боя Таня погибла смертью храбрых. Ее похоронили в братской партизанской могиле на холме в 700 метрах от деревни Маковье.

Командир партизанского соединения Яков Иванович Мельник шаг за шагом восстановил героическую эпопею дочери венгерского народа. Он слышал глубоко волнующие рассказы о подвигах «венгерской Тани»: память о ней свято хранят ее партизанские друзья, жители района. Он разыскал ее комсомольский билет, хранившийся в надежном месте; с него смотрит на нас совсем юное лицо славной комсомолки, сложившей свою голову в борьбе с фашизмом.

Комсомольский билет Тани Бауэр.

Петр Иванович Юркович.

Дом Юрковичей в деревне Бобры, где жила Таня.

Человек, которого расстреляли

Вынув из кармана фотографическую карточку, он спросил меня:

— Узнаете?

— Конечно! Вы очень похожи.

— Это новая карточка. Я сделал ее недавно, когда Домна Наумовна приезжала в гости.

Юрий Михайлович Байкин — человек, которого фашисты расстреляли, — рассказал мне историю своего спасения.

Пытаясь выйти из окружения, артиллеристы Юрий Байкин и Борис Швиндерман натолкнулись глубокой ночью в широкой украинской степи на вражеский лагерь. Их схватили, избили. Из кармана Юрия извлекли комсомольский билет, у Бориса был партийный билет.

— Расстрелять! — приказал офицер.

Прозвучали четыре выстрела. По два в каждого: в грудь и в голову.

Эти выстрелы слышали жители ближней деревни Ореховки. Они не спали в эту тревожную ночь. На рассвете собрались женщины у криницы.

— Слыхали, как стреляли ночью?

— Пойдемте посмотрим...

— А может, там фашисты?

Первой пошла Домна Наумовна Кирикович.

Радостной была встреча Юрия Байкина и Домны Наумовны Кирикович.

— У самой сын на войне. Как не пойти? Может, там раненые,— сказала она.

Ее взору открылось страшное зрелище. Среди остатков лагерной стоянки валялись тела советских бойцов. Ей показалось, что один из них слабо шевельнулся. Она взяла его за руку: жилка у запястья хотя слабо, но пульсировала.

— Бабоньки! — закричала она.— Тут человек наш! Живой!

Это был Юрий Байкин. Первая пуля пробила ему грудь, пройдя рядом с сердцем, вторая просверлила голову.

Тогда, лежа на земле в луже крови, он, конечно, не слышал слов Домны Наумовны. Он не видел, как прибежали на ее зов Антонина Крутевич, Евдокия Казьмирчук, их дочери Маруся и Нина.

— Что делать будем, Домна? — гадали соседки.

— Спрячем, авось, отойдет...— решила Домна Наумовна.— Понесем ко мне в хату.

Девочки побежали за рядном, положили раненого и поволокли к деревне. Три недели был он без сознания. За ним ухаживали день и ночь, его скрывали от постороннего глаза, хотя и не надеялись на выздоровление. Из-за него женщины деревни рисковали собственной жизнью.

И вот Юрий Байкин, которого фашисты расстреляли, открыл глаза. И ничего не увидел: он был слеп. Лишь донесся, как бы издалека, голос Домны: «Ожил!»

Время шло, Юрию становилось лучше. Постепенно возвращалось зрение. Он увидел тех, кто вернул ему жизнь... Как полюбил он этих отзывчивых людей, истинных патриотов! Он узнал, что жители деревни выходили и других раненых бойцов, скрывали их от фашистов, помогали перейти к партизанам.

Какой душевной, по-матерински ласковой и заботливой оказалась Домна Наумовна, которую Юрий вскоре стал, как и другие, называть запросто тетей Домной...

Судьба долго мотала солдата Юрия Байкина, но, едва вернувшись к мирной жизни, он разыскал затерявшуюся в степях Украины безвестную деревушку Ореховку. Его приезд был праздником в Ореховке. Встречали Юрия, как родного.

Юрий Байкин живет теперь в подмосковном городе Электростали. У него своя семья. Но фронтовая дружба с деревней Ореховкой сильна, как и прежде.

Недавно Домна Наумовна гостила у Юрия.

Вечная слава героям...

В протоколе заседания президиума Советского комитета ветеранов войны об этом записано так: «О патриотическом поступке Михайлова Н. Я.».

...Вернулся Николай Яковлевич Михайлов с войны, а сын его Борис погиб на фронте. Тяжело переживал отец невозвратимую утрату. И решил навестить могилу сына. Вот оно перед ним, извещение командира батальона о том, что Борис Михайлов геройски погиб близ деревни Холмец, Калининской области.

Отец нашел могилу сына...

Разговорившись в деревне с местными жителями, он узнал, что во время боев здесь были похоронены и другие бойцы, но могилы их не сохранились. Тогда Николай Яковлевич Михайлов решил отдать последний долг погибшим. Долго и упорно выяснял он у старожилов места захоронений. С помощью колхозников тщательно обследовал весь район и нашел несколько безвестных братских могил. В одной из них ему в руки попался хорошо сохранившийся список коммунистов роты. Так узнал он номер части. Архивные документы, к которым обратился Михайлов, подтвердили, что у деревни Холмец вел тяжелые бои стрелковый полк 158-й Лиозно-Витебской дважды Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

В этом полку служило много жителей Пролетарского района столицы. Это были рабочие и инженеры автомобильного завода имени Лихачева, завода «Динамо», Всесоюзного теплотехнического института.

Михайлов разыскал участников боев. Он навестил родственников погибших и рассказал им, где покоятся останки близких им людей...

И вот на заброшенном поле появился величественный памятник павшим героям. Мемориальные мраморные доски хранят для потомства имена отважных.

В День Победы автозаводцы выезжают на братскую могилу в Калининскую область, чтобы почтить память погибших.

Памятник вечной славы у деревни Холмец.

Эту птицу привезли индонезийские ветераны войны.

Подарок из Пардубице: земля с могилы советских воинов, павших за освобождение Чехословакии.

Два подарка

Из многих десятков подарков, полученных советскими ветеранами войны от фронтовиков и участников движения Сопротивления многих стран мира, хочется рассказать о двух.

Однажды пришел в Советский комитет ветеранов войны турист из Чехословакии и сказал:

— Я привез вам по поручению рабочих города Пардубице вот эту шкатулку.

Через верхнюю стеклянную крышку ее был виден пунцовый цветок.

Гость объяснил, что на городском кладбище в Пардубице покоится прах нескольких советских воинов, отдавших свои жизни за свободу чехословацкого народа. Жители города свято хранят могилы героев, украшенные вот такими ярко-красными цветами, как в шкатулке. Узнав, что их земляк едет в Москву, жители взяли горсть земли с могил советских людей и, украсив ее засушенным цветком, послали советским ветеранам войны как символ вечной дружбы, скрепленной совместно пролитой кровью в борьбе с гитлеризмом.

Эта шкатулка стоит теперь рядом с чучелом пестрой птицы с длинным пушистым хвостом. Птица совершила далекое путешествие из Индонезии. Ее привезли индонезийские ветераны войны.

— В нашей стране,— сказали они,— эта птица считается символом свободы. Она не может жить в неволе. Если ее сажают в клетку, она предпочитает смерть... В борьбе с фашизмом ваш народ показал всему миру, как он любит и ценит свободу!

Когда в прошлом году делегация советских ветеранов войны посетила американских фронтовиков, она повезла в дар президенту США Дуайту Эйзенхауэру древнерусскую братину — так в старину называлась чаша, из которой по кругу пили все пировавшие друзья.

Ко Дню Победы этого года американские ветераны войны приехали в гости к своим советским друзьям. Они привезли с собой подлинную военную патрульную карту, по которой шел американский патруль для встречи с советскими войсками на Эльбе — дружеской встречи победивших союзников.

Советские ветераны, люди, испытавшие ужасы войны, борются в наши дни за мир и дружбу.

С. ЗВЯГИНА,
солистка балета Большого театра Союза ССР

Фото Г. Соловьева.

Всюду друзья...

ЭТО НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО!

В театре «Метрополитен-опера», где идут наши спектакли, заполнены все 3 616 мест.

Не успели мы спуститься на американскую землю, как нам сообщили, что билеты на все наши представления проданы. Несмотря на это, в контору импрессарио Юрока продолжают поступать заявки. На третий день нашего пребывания заявок было подано около 3 миллионов. Решено было выделить 200 входных билетов. 39 часов провели в очереди желающие получить входной билет на представление Большого балета (так здесь все называют балет Большого театра).

На премьере «Ромео и Джульетты» было много видных музыкальных и театральных деятелей США. Среди них Грета Гарбо, Лилиан Гиш, Ван Клиберн, У. Тосканини, Леопольд Стоковский и многие другие.

Не буду повторять газеты и описывать, как прошла премьера, каким огромным успехом пользуется Уланова. Но мы не забудем этого триумфа, громких криков: «Ура!», «Спасибо!» — по-русски, роз и оваций, оваций без конца. Только после того, как в 18-й раз опустился занавес, участники спектакля смогли пойти разгримировываться.

На улице у театра был специально выставлен конный патруль, тротуары, заполненные народом, забаррикадированы деревянными стойками. Мы выходим по одному из театра, и сразу нас сажают в машины. Гул, шум, крики, приветствия...

С таким же триумфом прошел и второй наш спектакль — «Лебединое озеро».

Зрители «галерки» размахивали большими разноцветными платками.

Трудно описать все, что происходило в зале, когда в оркестре прозвучал последний аккорд бессмертной музыки П. Чайковского. Не было человека, который бы не выражал своего признания М. Плисецкой и всему составу участников спектакля. Артистов вызывали более 20 раз.

После премьеры на приеме, устроенном С. Юроком в честь труппы Большого театра, мы встретились со многими театральными и музыкальными деятелями США.

Не отходил от нас Ван Клиберн. Он со всеми танцевал, обменивался автографами, снимался и говорил нам: «Как прекрасно, что вы привезли в Америку настоящее искусство! Сегодня, когда я в течение трех с половиной часов наслаждался искусством балетной труппы, я вспоминал счастливейшие минуты моей жизни, проведенные в Москве, в великом Большом театре!»

В адрес директора театра Г. Орвида ежедневно поступают пачки телеграмм и писем с поздравлениями и пожеланиями успехов.

Нью-Йорк.

В очереди за входными билетами.

Ван Клиберн пришел за кулисы.

Зрители приветствуют артистов.

Тема их творчества — море

Латвия — республика капитанов, рыбаков и судостроителей. С морем тесно связана жизнь латвийского народа: его труд, песни, литература и искусство. И не мудрено, что каждый латвийский художник в своем творчестве так или иначе соприкасается с темой моря.

Когда люди говорят о том, что им хорошо знакомо, близко и дорого, всегда получается убедительно. А уж чего-чего, а море, свою родную Балтику художники знают, как говорится, назубок. Знают и любят.

На нашей вкладке мы помещаем несколько работ, экспонировавшихся в Москве на Выставке произведений художников-маринистов Латвийской ССР. Все «морское» содержит в себе своеобразную поэзию, даже если это закопченные, неуклюжие буксиры, клочковатый дым из пароходной трубы, хмурое, пасмурное небо. Эту поэзию хорошо почувствовал и передал в своем пейзаже «В порту» художник А. Звиедрис.

Совсем другое море в «Бурном дне» Ю. Вилюмайниса. День и в самом деле бурный, но эта буря веселая, озорная; солнце пробивается сквозь тучи, сияют прибрежные камни, с криком носятся чайки.

«Штормовая погода» Я. Скуча вызывает другие ассоциации: Балтика злится, грозной чередой вздымаются тяжелые валы, отсвечивающие свинцовым блеском. Художник Я. Скуч особенно внимательно изучает море, стараясь постичь самую структуру волн, их ритмику.

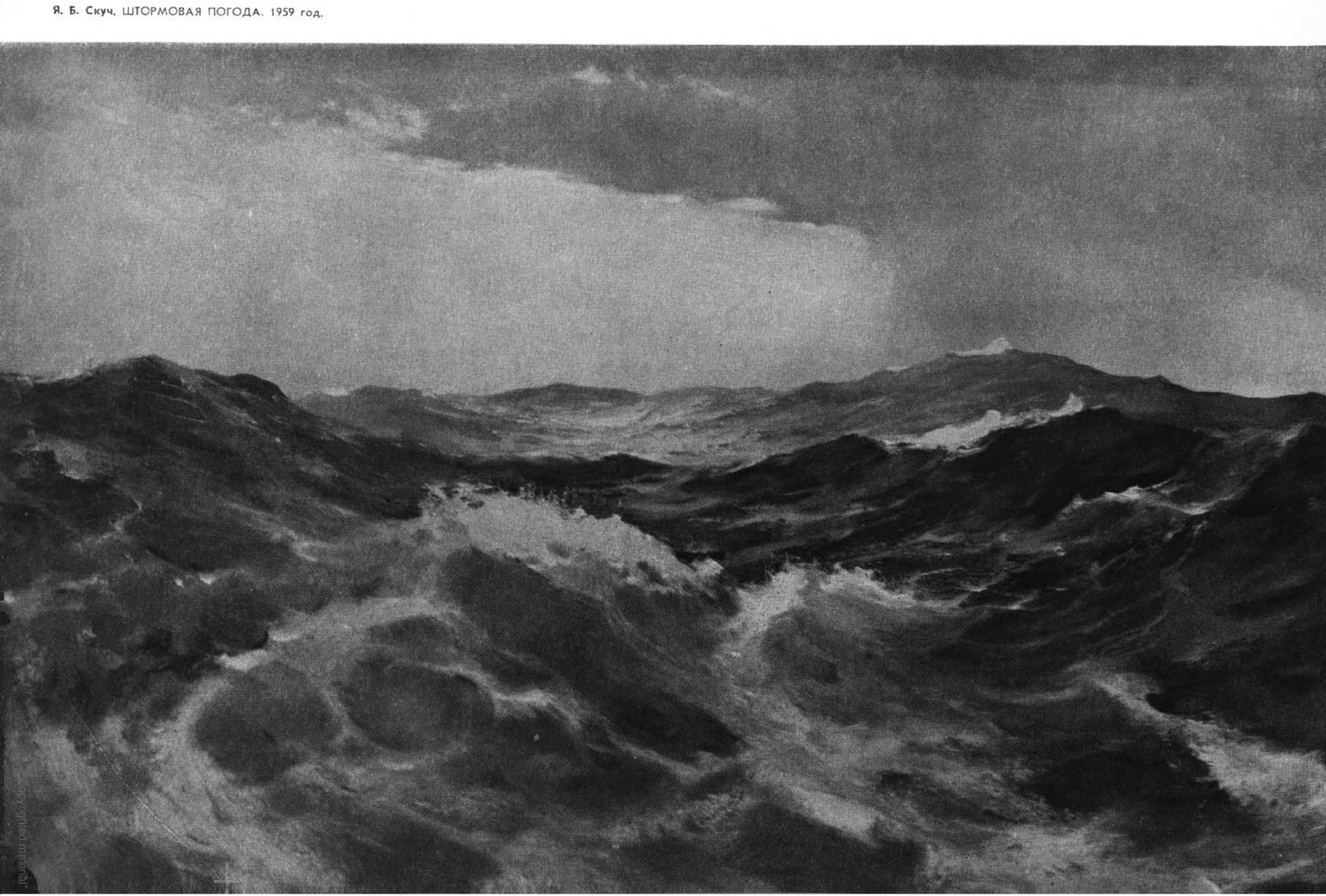
Белый песок и сосны придают своеобразное очарование Балтийскому побережью. «Яхт-клуб» К. Мелбардзиса — это типичная Латвия, ее умеренный пейзаж, любовь ее жителей к морю и спорту, их умение все делать красиво и просто: дома, яхты, картины.

Маринисты Латвии охотно работают в акварельной технике. Очень легко, свободно выполнена акварель Н. Петрашкевича «На рейде».

Уже не первую выставку устраивают латвийские художники за пределами своей республики. Вероятно, одна из причин успеха этих выставок в том, что при всем несомненном разнообразии творческих манер художники Латвии — единый, монолитный, дружный коллектив. Это тем более отрадно, что художников Латвии, от старших до самых молодых, никогда не покидают острое чувство современности и глубокое уважение к национальным традициям.

Г. АЛЕКСЕЕВ

Я. Б. Скуч. ШТОРМОВАЯ ПОГОДА. 1959 год.

К. Я. Мелбарздис. ЯХТ-КЛУБ. 1958 год.

К. Я. Мелбарздис. ЯХТ-КЛУБ. 1958 год.

51

А. К. Звиедрис. В ПОРТУ. 1958 год.

Выставка произведений художников-маринистов Латвийской ССР.

Ю. Я. Вилюмайнис. БУРНЫЙ ДЕНЬ. 1958 год.

Н. Б. Петрашкевич. НА РЕЙДЕ 1958 год.

Маленькая повесть

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Если судить только по внешности, специальности и личной книжке, то можно сделать безошибочное заключение: старшина водолазной станции Иван Николаевич Лапшин, человек атлетического телосложения, абсолютного здоровья, проживший под водой в общей сложности четыре тысячи триста двадцать семь часов, совместивший профессию водолаза с профессией сварщика, резчика, слесаря, монтажника, механика, несомненно, обладает высокой квалификацией, исключительной силой воли, спокойствием, выдержкой, то есть качествами, непременными для водолаза.

Но на самом деле он мужчина нервный, впечатлительный и обидчивый до крайности. Догадаться об этих чертах его характера постороннему очень трудно. Ибо высокое чувство собственного достоинства, соединенное с профессиональной необходимостью постоянного самообладания, не позволяло прорываться наружу этим особенностям характера.

Каждый раз после медицинского осмотра врач восторженно умилялся богатырской мощью мускулатуры Лапшина, безукоризненным состоянием всех его внутренних органов, несмотря на следы тяжелых ранений, оставшиеся после военной службы на флоте.

Лапшин отличался скупостью на разговоры, а уж если говорил, то строго необходимое. А так как он хорошо знал свое дело и, обладая огромным опытом, умел всегда сам находить решение даже в самых затруднительных случаях, то при беседах с ним еще больше утверждалось впечатление, что перед вами, может, и хороший человек, но уж как-то слишком ограниченный профессиональными интересами, вполне удовлетворенный тем, чего достиг, самоуверенно считающий, что он ни в чьих советах не нуждается.

Да и весь облик Лапшина слишком содействовал впечатлению, что перед вами человек ярко выраженной физической силы, возобладавшей над всеми иными качествами его натуры. Лицо у Лапшина грубое. Все на нем большое: сухой длинный нос; кустистые, с рыжизной брови; резкие, как шрамы, морщины на лбу и продольные на впалых щеках; тяжелый подбородок с туго натянутой, как на согнутом колене, кожей. И только глаза на этом буром лице были кроткие, голубенькие, маленькие, глубоко утонувшие под крутыми уступами надбровных дуг.

Волосы Лапшин стриг коротко. Сквозь сивый ежик светились белесые глянцевитые рубцы. По лицу ему можно было дать и сорок и даже пятьдесят. Грубость черт в сочетании с суровой сосредоточенностью выражения свидетельствовала скорее всего, что перед вами пожилой мужчина, немало повидавший на своем пути.

Но вот те, кто видел Лапшина в бане, утверждали, что ему не больше тридцати.

Действительно, представьте себе атлета удивительно гармонического телосложения, с нежной, гладкой, белой кожей, под которой скользят мощные слитки мускулатуры, вовсе не обезображенной узлами от тяжелого труда и таких обтекаемых форм, что невольно приходят на память беломраморные изваяния юного Аполлона или Давида. И только лицо пожилого человека, приделанное к этому античному торсу, не соответствовало понятию идеальной физической красоты, столь дивно воплощенной в упомянутых скульптурах. Но возраст Лапшина нам известен прежде всего из его же личной книжки.

Личная книжка выдается водолазу по окончании водолазной школы или курсов. Она является основным документом, по которому определяются квалификационная категория и стаж работы водолаза; записи в нее производятся на основании официальных документов.

В личной книжке Лапшина, в графе «Возраст», мы прочли...

Впрочем, разве годами можно определить жизненный опыт человека? И как нам, сухопутным людям, оценить по нашим земным меркам те четыре тысячи триста двадцать семь часов жизни Лапшина под водой? Чему они равны по нашим земным исчислениям, сказать затруднительно. Ибо наши ученые утверждают, что существа, например, обитающие на иных, чем Земля, планетах, живут какими-то своими, сверхскоростными мерами, и стоит туда отправиться нашему человеку в командировку, пользуясь земным расчетом, он попадет впросак. И, пробыв там, по нашему счету, неделю, вернется обратно домой, на Землю, в иную эпоху — эпоху полного коммунизма. И ему не перед кем будет даже отчитаться ни в суточных, ни в командировочных, ни в израсходованном на поездку горючем. Ибо все инстанции, которые существовали прежде для того, чтобы строго внушать человеку, что он существо подотчетное, оказывается, ушли в далекое прошлое. И все живут в полном доверии друг к другу.

Словом, понятие возраста, времени очень относительно и требует дополнительного тщательного изучения. Даже официальные документы не всегда дают возможность вынести полное впечатление о человеке, даже если это такой серьезный документ, как личная книжка водолаза.

В науке человековедения наиболее осведомлены обычно начальники отделов кадров. У них для этого есть строго разработанная система, состоящая из различных показателей, из суммы которых складывается объективный образ любой человеческой личности.

Изучив внушительный опыт работы отделов кадров, некоторые литературные критики, когда требуется их компетентное заключение, дают при помощи сложения и вычитания отзывы вполне конкретные, относя ту или иную личность либо к категории отрицательных, либо к категории положительных.

Если следовать классификации, с каких-то пор принятой в нашей и мировой печати, то Ивана Николаевича Лапшина можно отнести к простым людям.

Невысокая занимаемая должность и профессия его вполне укладывались в разряд, в который зачислено большинство человечества. Сам же Иван Николаевич, если рассматривать его как личность со всеми ее подробностями, достоинствами и изъянами, мало способствовал столь скорому и удобному диагнозу. Правда, как это иногда бывает у водолазов, он во сне делал непроизвольные кивательные движения головой. Именно таким движением водолазы, нажимая затылком на клапан в шлеме, стравливают воздух. Но сны ему снились в это время совсем не производственные, а свои собственные, оригинальные.

Лапшин испытывал отвращение к ловле рыбы, не любил рыбных блюд и, работая под водой с электросварным аппаратом, с удовольствием усмехался, когда рыбьи косяки, привлекаемые на свет, порхали вокруг него, словно голубиные стаи.

Как и все водолазы, привыкнув работать впотьмах, на ощупь, он выработал в себе повадку слепца. Поэтому на поверхности движения его оставались замедленными, вдумчивыми. Но их можно было принять и за проявление солидности человека, знающего себе цену.

Иван Николаевич был очень правдивым человеком, правдивым до крайности, причиняя этим серьезные неудобства окружающим.

Но затрудняюсь сказать, является ли эта чрезмерная правдивость особенностью характера или она неизбежна для людей его профессии.

В водолазном деле всякая неточность может привести к повреждению здоровья человека и даже к гибели. Когда водолаз информирует старшего о совершаемой им работе с помощью телефонной связи, повествование ведется в стиле строгого реализма. Вот для примера образчик этого водолазного стиля. Лапшин обследовал затопленные фермы взорванного во время войны моста. Мощное подводное течение бросило его в сторону. Он ударился шлемом о выступающий болт. Болт пробил шлем и застрял в нем. Лапшин никак не мог освободить себя и, обессилев, повис, пригвожденный к болту.

Старшина спросил по телефону:

— Ты чего перестал сопеть, Ваня?

— Отдыхаю.

— Значит, крепко пригвоздило, сам сняться не можешь?

— Обожди каркать.

— А ты чего злишься?

— Какую песню тебе спеть, не знаю.

— Шутишь — значит, держишься.

— Не я держусь, болт держит.

— Ладно, отдыхай пока. Пока ты говори что-нибудь, а то пой помаленьку. Беспокоимся за самочувствие.

— Чопик приготовили?

— На три дюйма, Ваня, ты как с болта сорвешься, не забудь, сразу ладошкой пробоину прикрой, чтоб не захлебнуться.

— Глупость какая, попал, как жук на булавку.

— Ты, Ваня, не сердись, сильно не дергайся, а то порвешь шлем — захлестнет водой.

— Во мне силы сейчас, как у пескаря на крючке, я аккуратно дергаюсь.

— Ваня, пятый час пошел.

— У тебя часы, тебе виднее.

— Ваня, я решение принял: сейчас к тебе спустится Волошкин, подсобит сняться.

Водолаз Волошкин долго не мог освободить Лапшина и только после того, как поднялся над его головой и изо всех сил ударил свинцовой галошей по шлему, Лапшин соскочил с болта. Крепко прижав ладонь к пробоине, он приблизился к Волошкину. Волошкин наставил деревянный чоп, густо смазанный тавотом, и вогнал его ударом кулака в пробоину в шлеме.

После этого Лапшин сказал старшине:

— Заклепался. Порядок,— и попросил: — Ты подожди меня поднимать, я минут сорок еще полазаю, пощупаю, как тут потом ловчее действовать.

— Ты же, видать, весь мокрый?

— Нет, я сдержался.

— Я говорю, через пробоину нахлестало.

— Это есть маленько.

— Ваня, я тебя все ж подымать буду.

— А я говорю: обожди. Дай обследую, а то назавтра либо об какую железину рубаху по-

рвешь, либо снова занозишься. Разведаю и поднимусь. Моя глупость была, что не обследовал рабочее место, мне от нее и лечиться.

Всю сегодняшнюю ночь Иван Николаевич Лапшин спал плохо, тревожно. Брякнул он месяца три назад инженеру Вовченко:

— Неправильно это, Федор Федорович. Собрались мы в кучу на третьей станции, самые матерые водяные. Все ответственные работы нам, денег гребем много, а молодых кто растить будет? Семилетний план, он не только для тех, кто на поверхности, но и для тех, кто под водой.

Вот и получил назначение: старшиной водолазной станции к молодежи. Да как с ними работать? Сенькин? Он хоть паренек плечистый, грудастый, есть где силенке разместиться, но какой-то робкий, застенчивый.

Предупреждал же: не нахлебывайся чаю перед спуском! Не отстукало часу, просит поднять. Спрашиваю в телефон: «В чем дело?» Все понятно! Кричу в трубку: «Водолазное дело — это тебе не за партой: позвольте выйти. Валяй теперь в скафандр!» Все же одумался. Паренек себе не позволит, а заболеть может. Поднял. Выскочил из скафандра — и за будку. Водолаз называется! Да мы, если хотите знать, свой режим построже, чем балерины, обязаны соблюдать или спортсмены какие-нибудь, особенно, если на глубине работа.

А другой и того хуже. Кочетков фамилия. Флотскую фуражку уже где-то подцепил. Ходит в ней зимой, семафорит синими ушами. Сам тощий, долговязый, но мускулишки ничего, вроде сыромятных ремешков, крепкие. Если бы он фасон только на поверхности держал... А то третьего дня крепил балласт на дюкере [1]. Глубина средняя. Зацепился рубахой за проволоку, порвал. Залило моментально, только голова в шлеме сухая. А температурка водицы плюс четыре, наружная — минус шестнадцать. А он продолжал балласт крепить. И уж когда промерз до костей, сигнал подал. Мы с Сенькиным его спиртом оттирать.

Осторожно укоряю:

— Ты, видать, Петя, сразу не сигналил, боялся, при подъеме захлебнет. Запомни, Петя: воздушная подушка, которая в шлеме, воду не пустит, только не надо воздух сильно стравливать при таких происшествиях.

А он мне:

— Извините,— говорит,— Иван Николаевич, за то, что сразу не сигналил. Мне важно было свою нервную систему проверить: запаникую или не запаникую. Выходит, не запаниковал.

— А если ты, пескарь, легкие воспалишь, на мою голову срам.

— Я две зимы в команде «моржей» у нас в Саратове состоял, я закаленный.

Закаленный! Прихожу вчера на станцию, а у этого моржа нос бураком; чихает, сморкается, плюется. Для водолаза насморк — болезнь. Спускать под воду нельзя. Пришлось с Сенькиным вдвоем всю вахту отбыть. Нет, с такими водолазами много не заработаешь. Плакали мои прежние получки... Один расчет: помаюсь, а обоих до второго класса вытяну. Вытяну, если через них до этого сам не утопну. Водолазное дело строгое. Как у летчиков: мелочишку упустишь, а вес этой мелочишки — твоя жизнь.

Плохо спал эту ночь Иван Николаевич, очень тревожно и, если задремывал, начинал непроизвольно кивать головой, как это бывает во сне у многих водолазов.

В газовую промышленность Иван Николаевич Лапшин пришел с флота три года назад. На строительстве магистрального газопровода ручной труд исключен полностью, кроме сварных работ потолочников.

За сутки рабочий шаг мехколонны — километр — полтора. Все время на марше, в походе. Стальной ствол трубы укладывался поперек страны с юга на север, по трассе, прочерченной упрямой прямой сквозь реки, озера, водохранилища, леса, степи, болота, скальные породы, косогоры, бугры и овраги.

Мехколонны, как самоходный завод, давали сваренную, испытанную, уложенную в землю нить газопровода. Города, заводы, фабрики присасывались к магистрали отводами. И отпадала потребность в миллионах вагонов угля, дров. В сотнях тысяч кухонь вспыхивало сиреневое легкое пламя газа. Заводы, фабрики, предприятия переключали топки с угля на газ и уже не марали небо копотью, не засоряли дыхание людей угольным перегаром. Миллиарды рублей выгадывала промышленность страны на газовом топливе. Прибавилось не меньше миллиарда рублей в бюджете семей, избавленных от необходимости тратить деньги на дрова и уголь.

Тысячи кочегаров выбрасывали совковые лопаты; поворот газового крана — и в котлах, отапливаемых газом, устанавливалось давление нужного уровня.

Газ не только топливо, но и промышленное сырье. Трубоотводы уходили на стройки химических заводов, которые будут изготовлять из газа меха, ткани, искусственную кожу, кузова автомобилей, пластмассы заданных качеств, превосходящие металл.

Но все эти преобразования не могли наблюдать строители газопровода своими глазами. Они тянули стальную трубу по сильно пересеченной местности. Не было времени для торжеств по случаю включения в газовую сеть страны новых населенных пунктов, заводов и фабрик.

Укладывать газопровод через водные преграды — это задача водолазов. А этих водных преград в нашей стране до черта, да еще настроили морехранилищ. И колхозники тоже, куда ни сунься — пруд, водоем, что ни балка — запруда. Расхозяйствовались после сентябрьского Пленума. Хватало подводникам работы. И была она тяжелее, чем в океане. Там простор, чистота, прозрачность. А здесь дрянь-речушка, даже на карте не обозначена. Работаешь, как в яме: воды метр над шлемом, а того и гляди зацепишься о затопленные корневища воздушным шлангом или свалишься в омут и увязнешь в тине, липкой, как деготь.

Идешь по дну молоденького моря, всюду пеньки, кусты, ямы от фундаментов бывших зданий. Разве таким должен быть пейзаж морского дна? Ни скал, ни подводных рифов, одна мокрая степь под свинцовыми галошами.

Но все-таки то, что человек наловчился моря устраивать, где ему надобно,— это дело уважительное, если не со дна смотреть, а с нового берега, посыпанного желтым песком для красоты.

Иван Николаевич Лапшин проложил уже множество дюкеров через водные преграды. И каждый раз, когда завершалась работа, его переполняло такое же счастливое чувство, как это бывало при поднятии затопленного корабля. Но нет, пожалуй, более приятное! Затонувшие корабли главным образом шли на металл, плавать им после редко когда приходилось. И не потому, что металл и машины портились от пребывания в воде,— конструкция их устаревала быстрее, чем вода успевала ее разрушить. Вот в чем дело.

А газопровод — вещь совсем новенькая. И назначение его такое, что Иван Николаевич хотя никому никогда не говорил об этом, но в мыслях своих рассуждал так: «Человек я, может, и не совсем положительный, но коммунизм делаю фактически».

И в эту беспокойную ночь он и про коммунизм думал тоже и очень опасался за себя, за подопечных ему ребят. Как он сумеет из них не только настоящих водолазов сделать, но и людьми воспитать? Через труд, конечно. Другим способом он и не взялся бы, да и не знает других способов. А вот по своей части это можно испробовать. Пускай они станут лучшими, чем я, водолазами. Вот мой рубежок, и как допру, тут точка! Только это мечта, где им, желторотым! Они, небось, войну только в кино видели. И ни разу себя покойниками не считали. А Иван Николаевич Лапшин три раза считал себя покойником.

Один раз его понтоном придавило. Врачи говорили, чудом на ноги подняли. Другой раз в Сталинграде на переправе затонувший катер поднимал, а немцы артиллерийский обстрел вели. Разорвался снаряд под водой, в шлеме стекла иллюминаторов выскочили, осколок снаряда — в живот. Трое водолазов кровь

[1] Дюкер — трубопровод, прокладываемый по дну рек и водоемов.

свою одалживали, а доктора все не верили, что оживет.

Ну, а третий раз уже на земле с морской пехотой в атаку бегал, потом полгода в госпитале. Четыре раза доктора потрошили, дадут отдохнуть и снова, пока все немецкое железо не повытаскивали.

Гордого советского поколения он человек, вот что! А эти кто? Жить им, безусловно, в коммунизме, это точно. А какие они? Есть ли у них главная пружина или нет?

Когда инженер Вовченко спускался под воду обследовать проделанную работу, Иван Николаевич очень нервничал, и не потому, что просчет — с кем не бывает? — а оттого, что Вовченко — хлипкий человек и с ним может что-нибудь случиться. В это время Иван Николаевич надевал на себя легководолазное снаряжение, чтобы можно было в любую минуту прийти на помощь. И когда Вовченко находился под водой, Иван Николаевич говорил с ним подхалимским голосом по телефону:

— Федор Федорович, будьте любезны, справа от вас сейчас пенек затонувший, глядите не запнитесь. Тут, прошу, ходовой кончик из ручек не выпускайте, а то течением вас потревожит, там струя сплошная.

Но Иван Николаевич ужасно не любил, когда Вовченко делал ему замечание на людях. Он даже шел на притворство, показывая себе на уши, говорил жалобно:

— Обжало меня сегодня маленько, в голове ровно песок пересыпается.

— Уж не кессонка? — тревожился Вовченко и предлагал: — Голубчик, прошу. Ну, мне тоже в медпункт на минутку надо, порошок от кашля попросить.

И вот пока шли вдвоем к медпункту, Иван Николаевич спокойно все замечания Вовченко выслушивал, даже кое-что записывал. А потом объявлял радостно:

— А у меня все прошло! Видать, от прогулки.

Вернувшись на водолазную станцию, Иван Николаевич свои соображения и замечания Вовченко складывал вместе и начинал воспитывать водолазов так, как он умел: строго и беспощадно ко всем промахам.

Значит, Иван Николаевич был человек самолюбивый, гордый, дорожащий своим авторитетом бывалого подводника. Став старшиной молодежной водолазной станции, он почувствовал, как трудно ему удержать в сохранности свой авторитет с таким ненадежным составом.

И в эту ночь, как и в предыдущие, спал плохо, тревожно, беспокоясь всякими мыслями.

Проснулся он на рассвете. Умылся снегом на улице. Поприседал для кровообращения. Приготовил яичницу с колбасой из пятка яиц. Скушал бутерброды с маслом и медом. Выпил крепкого, черного чая стакан. Стакан, но не больше. Перед работой много жидкости водолазу принимать ни к чему. Потом посидел минут десять на табуретке, уставившись взглядом в пол, чтобы в спокойствии припомнить, что и как надо сделать. Надел стегачку, натянул до бровей водолазный вязаный колпак и отправился на речку.

Никто не умеет так нежно восхищаться красотой природы, как водолазы и шахтеры.

Какой дивной чистотой блещет воздух! Снег кафельной белизны. Огромные ели словно зеленые скалы. На буграх возвышаются коренастые башни северных русских изб. Суровый облик их смягчен нежной, застенчивой резьбой наличников. В низине под ледяной крышей река неширокая, но глубина овражная на клин. Помучились, пока протащили через нее дюкеры. Вон по обе стороны из берегов торчат с приваренными заглушками, похожие на бивни мамонта, затонувшего в болоте.

Через водные преграды обязательно надо два дюкера класть: один откажет, другой резервный.

Со Ставрополя, вон откуда газ! Поперек всей страны. Это же понимать надо!

Хоть и не выспался сегодня Иван Николаевич, а голова свежая, мысли приятные, бодрые.

На откосе бугра проталина. Сквозь черно-бурую пропревшую прошлогоднюю растительность проклюнулась какая-то бледно-зеленая травка, чахлая, слабая, толщиной в три волоса. А Иван Николаевич уже приметил ее, свернул с тропинки на проталину, сел на корточки и с умилением уставился на эту травку. И так боязливо, осторожно потрогал пальцем тонюсенький стебелек, будто боялся испортить прикосновением. Хорошо, вокруг людей нет. Глупое зрелище: здоровый мужик-водолаз сидит у паршивой травки и чуть ли не плачет от жалости. Заметив, как бессильно клонится она под тяжестью алмазно-сверкающей капли, скинул он эту капельку хвойной иглой. Травинка выпрямилась. Иван Николаевич вздохнул с облегчением, словно у него самого со спины тяжелый груз свалился. Так остро он переживал за травку в это мгновение. Вон даже пот на лбу выступил. Черт знает что! Какой чувствительный!

Пусти такого бугая, скажем, в Третьяковскую галерею, он же разрыдается возле какой-нибудь знаменитой картины, придя в душевный восторг. Когда Иван Николаевич служил в морской пехоте, он ведь убивал в страшном рукопашном бою. И не одного врага. Спрашивали ребята: «Не снятся тебе твои покойники?» «Нет,— говорит,— зачем же? Война — дело смертельное. Либо я их, либо они меня. Все правильно, зачем же мне о них думать?»

А вот цветное кино Иван Николаевич не уважал, почему-то говорил с неудовольствием: «Ну его, больно сильно раскрашено, аж глаза тошнит! В натуре оно все лучше, скромнее, аккуратнее и ловчее как-то. Конечно, под водой все цвета выглядят линялыми, а на глубине все блеклое: белый цвет различишь, а остальные нет. Под водой холодно и темно, как в погребе. Даже если с прожектором работаешь. Стоит перед тобой тусклая стена светящегося тумана. Вот и вся картина. Бродишь, как в потемках, шаришь на ощупь. Контуры всех предметов расплываются. И вот еще что. Любая вещь под водой кажется размером больше, чем она есть на самом деле, и ближе, чем она лежит от тебя. Вроде как сквозь мутное увеличительное стекло все получается. А если грунторазмывочную работу ведешь, то весь ты в буром, непроглядном мраке. Вообще речная вода плохо прозрачна, гайку, болт к самим стеклам иллюминатора подносишь, будто ты близорукий, иначе не разглядишь.

Выйдешь на поверхность, и все кругом тебя таким нестерпимо красочным кажется, будто ненастоящее, как в цветном кино».

Под водой, в одиночестве, про всех людей думаешь, которые на поверхности. И про жизнь вообще. Лежа на боку в глубокой и мягкой тине, в черном, непроглядном мраке, закрепляя болтами чугунные балласты на дюкере, Иван Николаевич размышлял вслух, по водолазному обычаю, дабы сигнальщик-телефонист знал, что все у него в порядке: у каждого водолаза собственная манера оповещать на поверхность о своем самочувствии. Один обстоятельно докладывает официальными словами. У других привычка петь или насвистывать. А третьи, как Лапшин, во время работы любят размышлять вслух.

«Цифра, она правду любит,— гудел голос Лапшина в наушниках сигнальщика.— Хочешь коммунизма, прекрасную жизнь — значит, давай столько-то продукции. Не хочешь войны — опять же давай продукции больше, чем они, тогда война не состоится. Понятно как на ладошке. Товарищ Хрущев цифрой продукции для нас всех расстояние в коммунизм смерил. Если как следует навалимся, совсем недалеко получается. Я Никиту Сергеевича в Сталинграде видел, плавсредства осматривал. Немец по переправе лупит, сил нет, а он землю из-за воротника вытряхивает, которую снарядом накидало. Сердится на нашего генерала. «Вы,— говорит,— что, больше людей или дымовые шашки жалеете?! Создайте подводникам условия, чтобы немец не мог прицельно по их ботам стрелять!» Накрутил хвост нашему генералу. Сразу нам легче стало. Научил на войне порядку. А коммунизм у нас теперь будет, это точно. Все цифры семилеточные каждый на своем деле прикинул. И нам, подводникам, тоже этот срок укоротить от себя надо. Протащили дюкер на три недели раньше срока. Вот он лежит себе в спокойствии как миленький. Пока пустой, но совсем скоро через него газ ринется — высшего класса топливо...»

Все эти размышления Лапшина были не столь последовательны, как я их записал со слов сигнальщика-телефониста, потому что прерывались они чисто производственной информацией. У восьмого метра надо траншею углубить, а то течением замыло. На девятом футе-

ровка отошла — сбрось в майну моток проволоки. Запомни: гаечный ключ-кувалду, связку с болтами кладу возле свай, которые здесь еще, видать, со времени Петра заколотили. Надо бы потом спилить, очистить фарватер.

Но когда Иван Николаевич подымался на поверхность и, освободившись от снаряжения, отдыхал, хлебая черный, как деготь, чай из жестяной кружки, и его мокрое от пота шерстяное белье сохло на веревке над железной печуркой, стоило сигнальщику напомнить об этих рассуждениях в воде, он сейчас же сердито приказывал:

— Отставить разговорчики, нашел время!

Действительно, на поверхности Иван Николаевич отличался молчаливостью, замкнутостью и даже некоторой скрытностью.

И трудно было представить, что вот совсем недавно из-под воды беспрерывно раздавался в телефонной трубке его сиплый голос, проникнутый размышлениями, трогательными воспоминаниями и такой счастливой убежденностью в радости жизни.

А тут он сидит угрюмый, озабоченный, самовластный, презрительно на всех щурится, ища глазами, к какому беспорядку придраться.

Непонятно. Ничего не понятно. Что это за человек Иван Николаевич?

Почему, например, на собраниях он недовольным голосом делает только одни критические замечания и не любит, когда другие не на собраниях, а так, в обыкновенных беседах, говорят о плохом?

Под водой он никогда не ругается, а любит больше всего помечтать вслух и даже похвастаться, как все хорошо будут жить через семь лет. А вот на поверхности не любит, когда кто-нибудь пускается в отвлеченные рассуждения, обрывает и говорит сердито:

— То, что через семь лет будет,— это в газетах написано в цифрах. Ты скажи, почему слабину на болтах не исправил, почему я после тебя гайки подкручивал?

И все это сердитым, брюзжащим голосом. Будто не он только что радостно из-под воды объявлял, что коммунизм у нас будет обязательно, хотя сигнальщик вовсе его об этом не спрашивал, а интересовался, как положено, через известные промежутки времени о его самочувствии.

Когда Иван Николаевич углублялся в чтение книги или газеты, мускулы лица его твердели и только широкий подбородок судорожно, жалобно вздрагивал, а на скулах проступали бурые пятна. Но что его там волновало, неизвестно. Он не говорил о прочитанном и никому не давал своих книг. А если сильно канючили, вынимал десятку: «На вот, поди купи». И трогать свои книги не позволял, сердился:

— Я чужим рукам себя за рожу лапать не позволю, а книга, она почище, если в нее как в душу смотреть. Понятно?

Нет. Непонятно. Если уж ты такой брезгливый, так почему у этого же человека, которому запретил книги своей касаться, без всякой брезгливости берешь прямо с тела шерстяную фуфайку и кальсоны, надеваешь на себя, когда свое шерстяное белье еще не успело высохнуть после вахты? Докурить чужой окурок в два вздоха, потому что целую выкуривать перед спуском вредно, не брезгуешь, а книгу дать брезгуешь, нехорошо.

Если он книголюб, так ведь самые из них знаменитые, наоборот, любят хвастать и суют вам бесценную вокабулу в руки, чтобы вы подержали, удостоились, прикоснулись к векам.

Однажды он, правда, признался из-под воды:

— Вчера книгу купил выдающуюся. Тираж полмиллиона. Но я так ее читал: все думал, она для меня одного писана. Хорошая книга действует, будто для тебя одного все доверчиво сказано. Вот что такое хорошая книга!

Значит, вот в чем дело. Тогда извините. Это вовсе не странность у Ивана Николаевича, а просто сильная любовь к печатному слову, целомудренная чистота и безграничная доверчивость.

Но вот недавно знаменитый московский мастер художественного чтения выступал перед строителями. Иван Николаевич сидел в клубе просто сам не свой, смущенный, красный, все время конфузился, злился и жаловался соседям:

— Вот бесстыжий человек! Чего он тут перед нами на разные голоса кривляется? Ты уж если хочешь книгу передо мной, самим грамотным, представить, скажи по-честному, что́ она с твоей душой делает, что думать заставляет. А обезьянничать, что в ней написано, неприлично. Театр, кино — это одно, а книга — совсем другое. С ней надо один на один, с глазу на глаз, тогда ты ее переживаешь полностью. А театр из нее делать нельзя. Неправильно.

Не дослушав чтеца, он ушел из зала, топая так, будто он пришел в клуб в водолазных свинцовых галошах.

О наших искусственных спутниках Земли и самодельной советской планете Лапшин отзывался так: «Это же нормально, что мы их первые запустили, а не они. Отважнее нашего народа в технике нет. А отчего? Вера в свою собственную башку завелась огромная. Писали, небось, американцы про наших ученых: «Зря тужитесь, до Луны далеко, разве добросите?» А наши думали так: «До коммунизма тоже расстояние было порядочное, а вот, будьте любезны, не когда-нибудь завтра, а сегодня вступаем в развернутый». Отсюда и вера, отсюда и дерзость. То ли еще потом увидим!»

Прежде чем сваренный в сплошную многокилометровую нить газопровод укладывали на дно траншеи, сотрудники передвижной лаборатории подвергали стыки труб всевозможным исследованиям.

Старший лаборант Левкин выносил из вагончика тяжелый свинцовый контейнер, где хранилась ампула с радиоактивным кобальтом.

С помощью манипулятора эта ампула опускалась в отверстие, просверленное в стенке трубы, и на пленке, обернутой вокруг стыка, как на рентгеновском снимке, обнаруживалась вся структура сварного шва. То, что атомные изотопы так запросто применяются в деле, было предметом особой гордости Лапшина. Он рассуждал счастливым голосом:

— У американского капитала одно в башке: побольше народу спалить при содействии наемной науки. А мы атом укрощаем, приспосабливаем к труду.

Обещал твердо:

— Обожди, будет толк и от атомной бомбы в наших руках. Засунем ее, скажем, в доменную печь, запустим гореть на медленном режиме — и потечет чугун огромной рекой по четырнадцать копеек тонна.

— Почему же именно по четырнадцать копеек?

— А может, еще дешевле,— не смущался Лапшин и произносил наставительно: — Наша наука старается для народа так, чтобы всего было побольше, побыстрее и подешевле. Я лично так ее понимаю.

— Ну, а почем спутники, ты знаешь? — пытались поддеть Лапшина.

Иван Николаевич спокойно, с достоинством объяснял:

— Если вещь не серийная, она дорого стоит. А как их на поток наладят, цена станет вполне доступная.

— Это для кого, для нас с тобой, что ли?

— Для пассажирского пользования,— подшучивал Иван Николаевич, хлопал себя по нагрудному карману.— Скоплю денег на билет, слетаю на какую звезду поближе.— Став серьезным, говорил озабоченно: — Техника сейчас далеко скакнула, это правильно. Но нужно нам себя тоже высоко вытягивать. Без этого все как следует не получится.

— Чего не получится?

— Понятно чего,— начинал сердиться Лапшин.— Для коммунизма жилую площадь налаживаем, а сами в себе еще слабо поворачиваемся.— И заявил строго: — Не все мы для него подходящие, вот что.

Сенькина и Кочеткова Лапшин наставлял сурово:

— Вы, ребята, не бойтесь, что у вас сразу не все получается. Вот забыл Кочет воздух стравливать, его и выбросило. Ползал на карачках подо льдом, как муха по потолку, искал майну. А ты, Сенькин, улегся на брюхе и сунул башку в яму, поглядеть захотел, как рыба в омуте тесно спит зимой. И чуть не задохся. Воздух, его куда тянет? Наверх. А если твоя башка ниже пяток, чем ей дышать? Ну ничего, я на глупость вашу не сержусь. Я ведь чего хочу? Чтобы вы правду про свою глупость сказать не боялись. Без этого не выучиться. А что она такое, правда, для коммуниста? Вот вам исторический случай.

Во время гражданской войны шел на Москву из Сибири эшелон с золотом. Там был венгерец-революционер товарищ Матэ Залка. Получил липовые сведения, будто путь впереди отрезан. Он и принял решение, чтобы золото врагу не досталось, загнать эшелон в туннель и там взорвать. Завалил целой горой. Прибыл в Москву, доложил Владимиру Ильичу. Ленин его спрашивает: «Вы, товарищ, конечно, были против того, чтобы взорвать туннель?» А он правду сказал: «Наоборот, Владимир Ильич, я был как раз одним из инициаторов этой вредной, идиотской штуки». По-вашему, его за это к Дзержинскому, в ЧК, отправить? Залка, небось, тоже про другое для себя не рассчитывал. Ленин по-своему правду его оценил. Пожал руку и сказал: «Люблю, когда собственные ошибки осуждаются нашими товарищами с такой страстью и беспощадностью». Этот Залка после стал героем гражданской войны. Погиб в Испании, сражаясь против фашистов. К себе, значит, без пощады относился и, верно, в последний свой час помнил, как высоко Ленин ценил в человеке правду.

Сенькин, взволнованный рассказом, прошептал подавленно:

— Я, Иван Николаевич, без спросу пытал себя на плавучесть, броски под водой делал. Стукнулся шлемом об лед, получилась вмятина. Ходил к жестянщику в ремонтные мастерские, он исправил, совсем незаметна стала вмятина.

Лапшин пожал Сенькину руку, сказал растроганно:

— Значит, дошло.

Кочетков, сверкая нефтяного цвета глазами, сказал вызывающе:

— А я бы гранатами обвязался и никого к золоту не подпустил...

— Пустяки говоришь,— поморщился Лапшин.— Белые все равно бы эшелон под откос свалили из орудия. Вот тебе все твое геройство! Товарищ Залка правильно поступил, горой его привалив, только вот депеша обманная была, но тут его вины нет.— Задумался и проговорил задушевно: — Ты главное пойми:

партия в человеке правду дороже золота ценит. Вот где тут главное.

Красива северная русская природа, могучая, а застенчивая, кроткая. Вон какими башенками-елями себя уставила! Березки томные, стволы белее снега. Войдешь в березник, и будто сразу света прибавилось. И где-нибудь под ледяным настом скворчит, скребется родник. И вдруг пробьет лед, вырвется наружу, и пахнет от его воды терпко железом. Окунешь в нее руку — будто кто-то сильный пальцы стиснет. Такая она студеная, и на дне галька. Ну каких только цветов она не бывает! Вынешь камешек — обсохнет, потускнеет, будто помирает без влаги.

У родника Иван Николаевич тоже на корточки присаживался, глядел в воду, любовался, прислушивался к звонкому голосу воды. Потом снова по тропе шагал. Идет, усмехается, размахивает длинными руками. Дышит глубоко, ровно, «прополаскивает», как говорят водолазы, легкие перед спуском в воду. Как ни говори, а воздух из помпы, пока он через шланг к тебе в шлем попадет, резиной пропахнет, сыростью. Ну и то, что выдыхаешь, отработанный, прямо нужно сказать, не зефир. Привыкаешь, конечно, все равно как в глубоком колодце находиться. Зато как на поверхности вдохнешь — настоящее шампанское. Даже в сто раз лучше, вкуснее. И поначалу будто даже хмелеешь от свежего воздуха. Бодро так хмелеешь, красиво.

Завтра водолазная станция перебазируется на другой объект. Работа на этой речушке завершена.

Лапшин решил сегодня сходить под воду и не спеша все проверить как следует. В наряд такой спуск не запишешь, поскольку работа принята, но для очистки совести надо. Водолазы у него молодые, вдруг что недоглядели.

Почти у самого берега на льду реки стоит водолазная будка на полозьях. В квадратной майне, обшитой по краям дощатым настилом, плещется серенькая вода. У деревянного щита ручная помпа, накрытая брезентом.

Лапшин поискал глазами, на что бы рассердиться. Пешня воткнута возле майны в специальную лунку, на доске решетчатый черпак и тяжелый водолазный топор, выкрашенный белой эмалевой краской. В подводных сумерках все предметы теряют свои цвета, кроме белого, поэтому для водолазного инструмента такой больничный цвет самый удобный. Лапшин подошел к будке, прислушался. Кочетков громко разглагольствовал:

— В связи с атомом надводному флоту крышка. Теперь даже морская пехота легководолазная. Считаю, надо нам кружок аквалангистов сколачивать. Купил киевский, ласты тяжелые. Вот запишусь в туристы, куплю в Риме. Акваланги итальянские наилучшие.

— В Италии всюду красота,— мечтательно сказал Сенькин. И добавил жалостливо: — Но там от капитализма люди плохо живут, безработица.

— Товарищ Тольятти — крепкий мужик,— авторитетно заявил Кочетков.— Его массы поддерживают.— И вдруг произнес печально: — Я ведь давно про Италию мечтаю. У меня отец там. Город Милан, участок № 16, кладбище Мисокко.

— Он в посольстве служил?

— Нет, по солдатской линии. Раненого в плен взяли, бежал. Вместе с ихними партизанами воевал. А когда фашисты убили, итальянский народ его у себя похоронил. Нам посольство адрес его могилы прислало.

— А мой без вести пропал под Смоленском,— подавленно произнес Сенькин.— Деревню нашу фашисты сожгли, в дзотах, в землянках жили. Потом всем стали лес на избы выдавать. Нашему семейству не дали, кто-то сказал: отец — власовец. А когда мы с матерью совсем обучились людям в глаза не глядеть, вернулся с фронта наш агроном, заявил в сельсовете: «Брехня. Сам видел, как Семен Сенькин под ихний танк с гранатами полез. Я от него руку левую только нашел, большой палец, как клешня у рака. Это он топором еще парнишкой рассек».— И Сенькин сказал тихо: — Я тоже своим отцом гордый.— После паузы спросил протяжным голосом: — Чего-то водяной наш хрипатый не идет. Начнет опять цепляться: то не так, это не так. В водолазной школе и то меньше жучили.

— Это он перед нами себя показывает,— сказал Кочетков.— Небось, когда на прежней станции с одинаковыми для себя работал, глотку не драл. Серегин и Волошкин не мы с тобой. У них у самих по два с половиной года под водой, тоже водолазы знаменитые.

— Когда человек гордый — это даже красиво,— сказала качальщица Нюра.— А вот как наш спесивый — это вовсе некрасиво.

Другая качальщица, Маша, сказала горячо:

— Он к нам в молодежную пришел, и получка его стала меньше. А не уходит, значит, сознательный. Орет для авторитета. А вы слишком много о себе думаете. Подумаешь, лазаете в речки, а он в океанах и морях работал, и его акула всего обкусала.

— Это у него от осколков шрамы.

— Про Ленина как он душевно рассказал!

— Из книги вычитал.

— А ты заметил? Будто нос вытирал, а на самом деле — глаза. Сам себе душу этим разговором растревожил. Водолазы никогда ни от чего не плачут. Он настоящий, партийный...

Лапшину стало неловко дальше про себя слушать, отошел к майне и закурил. Лед блистал лунным светом. Там, где работал земснаряд по замывке траншеи, вода чистая ото льда и рябилась сизой волной. По флотской привычке Лапшин не кинул окурок под ноги, раздавил пальцем в ладони, скатал в комочек и щелчком отбросил на берег. Лед для него был словно палуба.

В положении прямо сказано: «Перед работой водолаз не должен себя утомлять на поверхности и должен избегать всего, что может раздражать или вывести из душевного равновесия». Какое хорошее правило! Вот бы его ввести и для всех сухопутных тружеников.

По данным гидрогеологов, дно этой речушки — мягкие суглинки. А на самом деле огромные валуны и непроходимые завалы древних черных дубов. Валуны Лапшин отмывал из грунта гидромонитором и потом, раздув скафандр, используя плавучесть как дополнительную подъемную силу, оттаскивал гигантские глыбы в сторонку. Следовало для такого дела вызвать кран, но это обошлось бы в лишний десяток тысяч, а Лапшин на поверхности без особого напряжения мог поднять четырнадцатипудовый рельс. Дубы под водой распиливали и тоже оттаскивали подальше от трассы траншеи.

Инженер Вовченко разрешил Лапшину ввести сдельщину. Хотя от сдельщины водолазы особенно не выгадали, зато работа шла увлекательно, весело. Кочетков и Сенькин ревностно старались обогнать друг друга. И действительно, как шутил Лапшин, если их труд на дрова перевести, то они дали не меньше чем две сотни кубометров. Только черный дуб на дрова не годится: тяжелый, как железо, и не горит.

Представитель финансового органа, который пришел вместе с инженером Вовченко на водолазную станцию к Лапшину, был человек брюзгливый, говорил вежливо, тихо, как на похоронах. И в глазах у него чувствовалась смертельная тоска по коммунальным услугам столицы. Потребовав вахтенный журнал, перелистав, сделав записи, спросил ядовито:

— А кто проверил, кто принял? Сто тонн валунов, двести кубометров древесины? А где они, покажите!

— Они же под водой,— сказал Лапшин.— Вы слазьте и поглядите.

— Я обязан проверить фактический объем работы и лазить в воду не намерен.

— Так как быть?

Вовченко предложил:

— Желаете, я спущусь и заверю своей подписью? Если старшине не доверяете.

Финансовый работник удовлетворился подписью инженера. Довольный тем, что все законности соблюдены, он пожал руку Вовченко и хотел пожать руку Лапшину. Но тот спрятал свою руку за спину и проговорил сипло:

— Вы ступайте отсюда, а то ветер на реке, в уши надует.

— Да, действительно,— согласился финансовый работник.— Сквознячок у вас здесь основательный.— И ушел с Вовченко, который виновато закусил нижнюю губу, хорошо поняв, как глубоко обиделся старый водолаз.

Настроение Лапшина сразу сильно испортилось. А тут еще день погас, стало сумрачно. Посыпался влажный, рыхлый снег, и заломило от ревматизма колено. Иван Николаевич вошел в будку, небрежным кивком поздоровался, приказал качальщицам:

— А ну, девчата, выйдите!

Тяжело плюхнулся на табуретку, скинул валенки, отставил их к печке, штаны и стеганку повесил на деревянный гвоздь. Сидя в толстом шерстяном свитере и в таких же кальсонах, натянул поверх еще вторую пару такого же белья, на ноги напялил меховые чулки-шубники. Кочетков и Сенькин подали водолазную рубаху. Лапшин принял от Сенькина мокрый ку-

конец из рук Кочеткова, замер над майной, напряженный, взволнованный, счастливый.

Качальщицы Нюра и Маша озабоченно крутили маховики ручной помпы.

На ручных водолазных станциях качальщиками предпочитают брать женщин: говорят, они выносливее, дисциплинированнее, чем мужчины, в этом однообразном и утомительном труде.

Но мне кажется, настоящая причина в другом. Просто женщины обладают великим постоянством заботливого милосердия, и оно рождает их поразительную стойкость, когда в авральной обстановке приходится иногда крутить маховики воздушной помпы значительно дольше, чем положено. Качальщики-матросы, и те за такой срок валятся у помпы с помутившимися глазами. А качальщицы-женщины, зная, что каждый оборот маховика — это воздух человеку, находящемуся там, в беде, продолжают работу с заплаканными от волнения глазами, забывая себя. Да, они обладают особым женским мужеством, когда от них зависит жизнь человека, и здесь, в этом терпеливом подвиге, они куда выносливее мужчин.

Нюра, коренастенькая, с большим белым лицом и так высоко поднятыми рыженькими бровками, что казалось, она удивлена чем-то очень приятным на всю жизнь, говорит нежно мяукающим голосом. Она влюблена в Кочеткова и, не умея скрыть этого, все время оправдывается перед Машей:

— Я ж его презираю за зазнайство. Но у меня характер мягкий, не умею высказать свою критику как следует...

Маша тоненькая, темноволосая, у нее суровые зеленые длинные глаза, красивый низкий грудной голос. Она степенна, рассудительна, держит себя независимо, чаще всего от нее слышно: «Так не по-комсомольски, так нельзя» или одобрительно: «Это по-комсомольски, это правильно».

Органный, певучий голос Маши действует на Сенькина расслабляюще, как музыка. Губы у него отвисают, он сладко жмурится. Но Маше не нравится Сенькин. Не нравится и Кочетков. У нее твердый план в жизни: после стройки она поступит в вуз и станет атомщицей.

— К тому времени, когда ты диплом получишь,— обиженно говорит ей Сенькин,— мы всю семилетку закончим, и, как товарищ Хрущев пообещал, большая часть всей мировой продукции будет наша. Значит, всем войнам окончательный конец. И штучки эти с атомами мы запретим во всем мире окончательно. Это факт. Вот и останешься не при деле.

— А я в мирных целях,— гордо отвечает Маша. И щурит высокомерно на Сенькина свои длинные, как у козы, зеленые русалочьи глаза.

Оставшись за старшего, Сенькин испытывает блаженство и, глядя на качальщиц, произносит громко в телефонную трубку:

— Товарищ Лапшин, докладывайте обстановку. Как самочувствие?

Сипатый голос защекотал насмешкой в ушах:

— Пескаришки снуют. Интересуются: Сенькин не из их породы? Как им доложить, не знаю, товарищ старшой, посоветуйте.

На носу у Сенькина выступил пот, но он заставил себя произнести внушительно:

— Товарищ Лапшин, повторяю: обстановку и самочувствие, а баловаться разговорчиком на поверхности будем...

Пожалуй, не следовало сегодня Ивану Николаевичу ходить под воду. Чувствует он себя неважно, вот и рука начала болеть.

Неделю назад стоял Сенькин в майне уже весь снаряженный, только шлем надеть. Иван Николаевич последние наставления давал, как

сок мыла, намылил кисти рук для того, чтобы они легче прошли сквозь узкие манжеты, встал, опустив руки между ног. Кочетков и Сенькин вздернули рубаху вверх, сложив воротник, надели медную манишку, закрутили ее барашками. Все это они проделывали молча, с напряженными, угрюмыми лицами. Заметив, как тяжело дышит Кочетков опухшим красным носом и как глаза у него слезятся, Лапшин захотел сказать Кочеткову что-нибудь такое, ну, похвалить за старательность, что ли.

— Осопливел ты, братец,— произнес Лапшин утробным голосом.— Для всех прочих это только неудобство, насморк, а для водолаза — болезнь. Могут даже бюллетень выписать. Отдыхай, значит.

— Он, Иван Николаевич, ноги себе ошпарил,— сообщил Сенькин.— Кипятком лечился. В обе ноздри чеснок пихал. Еле обратно вытащили.

Кочетков сказал обиженно:

— Вы, Иван Николаевич, надо мной свою власть превышаете. Раз у вас нет моего бюллетеня и вы не доктор и даже не фельдшер, почему под воду не пускаете? Так я могу и квалификацию потерять.

Лапшин побагровел, но сдержался, по привычке сдержался, потому что водолаз перед спуском не должен нервничать. Попросил только:

— Ты у меня возле уха не сопи, как землесос. Сдай на шаг в сторонку.

Поверх скафандра Иван Николаевич натянул брезентовые брюки, предохраняющие резину от сноса и разрывов, одну свинцовую галошу дал на себя надеть Сенькину, другую — Кочеткову. Обвязал ноги плетенкой, предварительно обдав ее горячей водой из чайника. Потопав, испытав, как держатся галоши, Лапшин вышел на лед.

Кочетков, который был выше Сенькина, набросил Лапшину наплечные грузы, завязал концы нижнего браса. Лапшин присел, чтобы лучше обтянуло, выпрямился. Кочетков накинул петлю сигнального конца, туго стянул у пояса, потом занес под левую руку воздушный шланг, закрепил схваткой. Проделывая все это, Кочетков старался избегать испытующего взгляда Лапшина и криво усмехнулся, будто все это для него обычное занятие. Сенькин, держа в руках шлем, сказал качальщицам:

— Качай на помпе!— И, сунув лицо в шлем, проверил, как подается воздух.

Лапшин стоял уже выше пояса в воде на трапе, спущенном в майну. Прежде чем дать надеть на себя шлем, он долго соображал, кого лучше оставить за себя старшим — Кочеткова или Сенькина. Кто им будет командовать — Сенькин или Кочетков? Кому из них он будет сегодня подчиняться? Поняв, о чем задумался Лапшин, оба паренька тревожно замерли. Лицо Кочеткова приняло надменное, независимое выражение, лицо Сенькина было скорбно-просительным.

«Один нахальный,— с неудовольствием размышлял Лапшин,— начнет командовать, не удержишь. Другой тихий, как девка, застенчивый, будет лепетать. Но, пожалуй, ему-то полезней всего поначальствовать».

И приказал сипло:

— Сенькин останется за старшего!

Сенькин радостно ухмыльнулся. Скуластое лицо его стало еще шире. Воскликнул:

— Ой, спасибо, Иван Николаевич! — И даже чуть шлем не выронил.

Еще чего не хватало! И Лапшин с горечью подумал: «Случись что со мной под водой, никакой от них подмоги. Утопнешь самым великолепным образом».

Но произнес привычно:

— Давай! — И чуть склонил голову.

Сенькин надел шлем, резким поворотом завинтил передний иллюминатор. Замер. Тревожно оглядел снаряженного водолаза и слегка ударил ладонью по шлему. Сигнал, что все готово к погружению. Сняв шапку, Сенькин надел телефонные наушники и, взяв сигнальный

надо правильно держать в скафандре давление.

— Упустишь — все пуговицы на тебе синяками отпечатает. Вот что такое обжатие.

Сенькин снял руку с поручня, прижал к груди, желая показать этим жестом, что все понял. Поскользнулся... Еле успел Лапшин за воротник медной манишки ухватить, а то нахлебался б холодной воды парень, свалившись с трапа без шлема. Весу в Сенькине со всем снаряжением 180 килограммов. А Иван Николаевич не чемпион мира такие тяжести одной рукой подымать. Но поднял. Вытянул Сенькина на трап, а мышцы на руке растянул. Три ночи из горячего солидола припарки делал.

Обычно Лапшин ходит под воду в летней рубахе, без рукавиц. Намажет только руки говяжьим салом, голая рука чувствительнее, ловчее работает. Да и лишний воздух без хлопот через манжету стравить можно.

Иван Николаевич — человек ширококостный, ему на кисти резиновые браслеты надевать не надо, еле намыленные пролезают. Это вот для Кочеткова пришлось долго браслеты подбирать: кость у него тонкая, как у птицы. Учить его трудно: он к словам нетерпеливый, недоверчивый. Приходится практикой проучивать. Один раз видит Лапшин: Кочетков на коротких брасах наплечные грузы подвесил. Ладно. Спустил под воду, а у самого от волнения спина мокрая. Сошел Кочетков на грунт, сразу его перекувыркнуло. Поднял, спросил:

— Понятно, отчего ты там сальто-мортале, как в цирке, делал? А вот если б тюкнулся иллюминатором о камень, стекло тебе выбило б. Но ничего, теряться не надо, прижми рукавицу — и порядок.

Другой раз на длинном брасе грузы подвесил. Тут совсем наоборот: ходит вертикальный по грунту, согнуться в рабочее положение не может. Ему обучение, а тебе мучение.

Иван Николаевич шел по торфяному грунту согнувшись, осторожно разгребал впереди себя руками. Лед над головой светился, будто туманной ночью луна. Потом он лег на бок и пополз, шаря ладонями по грунту, удостоверяясь, не размыло ли где засыпку траншеи.

По своему обычаю он рассуждал вслух, не думая вовсе о том, кто там на конце провода, умный или глупый, это у него такая потребность, все равно как дышать воздухом.

— Ходят, топают по земле всякие недоверки,— гудел в телефон Иван Николаевич.— Должность у него такая, что ли, в человека не верить. Вытралить ему на берег валуны и черный дуб для его бухгалтерии? А слово человека дешевле бумаги. Вон у нас лавку без продавца на совесть открыли. Другой хоть и жуликоватый, а смутится от такой веры, даже лишний целковый положит. Думает, я хоть жуликоватый, но хочу честным быть, а другой вдруг не захочет, из-за одного подлеца на всех тень ляжет. Вот и получается: каждый раз подсчитывают выручку, и всегда лишнее. От хорошего человек хорошим становится. Самое верное средство...

Пока Иван Николаевич все это бормотал, он успел проползти всю подводную трассу дюкера. Отнес в сторонку принесенные течением две коряги, спилил поближе к корню высокий пень и перешел на трассу второго резервного дюкера. При каждом его шаге бурая тина вздымалась вверх, совсем так, как в жаркий день на проселочной дороге пыль под ногами путника. Ощупав руками насыпь траншеи второго дюкера, убедившись, что и тут все в порядке, Лапшин решил сходить чуть выше по течению, туда, где дно реки не очищено от завалов черных дубов. Пощупать, если какой-нибудь ствол или коряга не лежит крепко в грунте, весенним половодьем их может отнести на трассу и своей тяжестью они будут давить на стенку газовой трубы.

Он полз на боку в бурой туманной мгле, и песчинки, увлекаемые течением, звонко стучали в медное темя шлема. Черные дубы, пролежав в воде множество столетий, обрели свинцовую тяжесть, стволы и толстые ветви словно изваяны из угля и такие же ломкие.

Иван Николаевич уважал черный дуб за древность. Вытащенные на поверхность, медленно высыхая, дубы становились твердыми, как кость. Если такое дерево отполировать, оно блестит, как черное стекло.

Иван Николаевич говорил Вовченко:

— Надо местных колхозников подучить черные дубы вытралить, обсушить — и на мебельную фабрику. Тысячи огребут. А то бюсты Героям Отечественной войны изготовлять. Материал чистый, благородный.

Внимательно ощупывая завалы, Лапшин то на корточках, то плавным движением всплывал над поверженными стволами или подползал под ними. И вот тяжелая, косо лежащая колонна черного дуба, когда Лапшин уже прополз под ней, медленно и лениво подломив окаменевшие сучья, осела на грунт и прижала воздухопроводный шланг и сигнальный конец.

Первое дело—это не волноваться, не спешить. Прикинуть все обстоятельства происшествия. Прекратив травить воздух, раздув скафандр до предела, Лапшин подполз к дубу и, приладившись спиной, попытался приподнять. От натуги кожу лица изнутри покалывало, словно иголками. Резина противно скрипела и даже оттянулась, но дуб не тронулся. Лапшин прилег отдохнуть в тину, отдышаться. Потом встал, сильно провентилировал скафандр, отчего его на три метра подняло со дна, потом снова стравил воздух, лег на грунт и начал выгребать из-под ствола торф, тину, чтобы сделать лаз и через него перебраться на другую сторону дерева, освободить шланг и сигнальный конец. Пошла галька и такая плотная глина, ее только струей монитора взять. Несколько раз ложился отдыхать Лапшин. Начали сильно мерзнуть ноги, ныла рука с растянутыми мышцами. Пропотевшее белье сыростью холодило тело. И, видно, сучком пропорол водолазную рубаху: чувствовал, как леденяще сочилась сквозь прореху вода. Прибавил воздуха в скафандр. Раздулся, и просачивание прекратилось.

«Прихлопнуло, как мышь за хвост. А все почему? Нетерпеливо под водой продвигался. Ведь трасса под дюкеры также была завалена черным дубом. А вот всю ее очистили. Пришел сухопутный служащий, давай ему доказательство. В почасовую оплату он верит, а в сдельную не верит. Что же ему водолазы—поденщики? Они, как все люди, соревноваться хотят. Вот Сенькин здесь под водой сколько один черных дубов наворочал. Молодец!»

— Спасибо, Иван Николаевич,— раздался в шлеме голос Сенькина.— Спасибо. Только третий час идет, я вам команду даю, который раз даю, подъем. А вы дисциплину не соблюдаете. Кочетков говорит, вы нарочно меня презираете. И вот я вам окончательно приказываю. Выходи наверх!

— Я извиняюсь,— сконфуженно прогудел Лапшин.— Тут у меня задержка.

— Какая задержка, докладывайте,— вдруг звонко и повелительно произнес Сенькин таким голосом, какого Лапшин у него никогда не слышал.

И Лапшин обиделся:

— Ладно. Не верещи, пошукаю, скажу.— Усмехнувшись, добавил: — Как в побаске, медведя поймал, а тащить не могу: крепко держит.

— Товарищ Лапшин, докладывайте без смешков. Я вам окончательно приказываю!

Лапшин промолчал. И вообще он больше не отвечал ни на подергивание сигнального конца, ни на тревожные уговоры Сенькина, а потом Кочеткова. Ну чем они ему могут помочь? Бубнил глухо, устало:

— Хватит вам орать в трубку. Дайте в спокойствии обдумать.

Усевшись на ствол черного дуба, Иван Николаевич отдыхал после очередной неудачной попытки подкопаться под ствол в новом месте. Чувствовал он себя совсем неважно. Ноги стали как ледышки, озяб, из носа текло. Слабость болью разлилась по телу.

И вдруг он увидел в бурой мгле белый расплывчатый силуэт человека.

— Кто? — закричал Иван Николаевич.— Кто тут ныряет?

— Это не я,— раздался испуганный голос Кочеткова.— Это сейчас Сенькин. Я за вами нырял, не нашел. Мы с инструментом — кусачки и ножик. Как вы на аварийный случай учили. Сначала сигнальный конец перерезать, потом воздушный шланг. Большим пальцем его заткнуть и всплывать спокойненько. Все согласно вашей инструкции.— Добавил обидчиво: — Мы тут вовсе ничего не самовольничаем.

— Отставить! — сказал Лапшин.— Отставить, ребятки. Я тут сам, я быстренько.

Встав, он последний раз провентилировал скафандр. Опустившись вновь на грунт, стиснув зубы, навалился на ствол черного дуба, почти стравив весь воздух из рубахи, чтобы она не лопнула от нажима на ствол. Дуб покачнулся. Лапшину удалось немного протащить вдоль его ствола сигнальный конец и шланг. Но они

зацепились за сук. Лапшин ударом свинцовой галоши обломал сук и снова, навалившись на дуб, уйдя по колено в грунт, приподнял и снова протащил конец и шланг. Только яростное, гневное отчаяние скорби и стыда оттого, что он насмешничал над теми, кто так застенчиво и просто полез за ним сейчас в ледяную воду, чтобы спасти, придало ему эту чудовищную силу. Лапшин выдернул шланг и сигнальный конец, ломая сучья у оконечности дуба. Упал. Лежа на боку, тихо попросил:

— Давайте подъем, ребятки. Конец и шланг теперь чистые.

В водолазной будке у жарко натопленной печки сидел Иван Николаевич Лапшин и пил черный, как деготь, чай из жестяной кружки. Две пары его толстого шерстяного белья, мокрого от пота, сохли над печкой. Меховые чулки — шубники сушились отдельно, подальше от печки. Сенькин сидел на чурбачке, разложив на коленях гигантскую резиновую рубаху Лапшина, и шаркал по ней подпилком, собираясь наложить заплату на то место, которое проткнуто сучком черного дуба. Кочетков сморкался, чихал, кашлял и от этого казался очень деятельным, хотя он в данный момент ничего не делал, а только с завистью наблюдал за Сенькиным, которому Лапшин оказал такое исключительное доверие. Нюра и Маша сидели на лавке. Лицо Нюры было белее и шире, чем обычно: побледнело от пережитого волнения и опухло от слез. Она сидела, откинувшись, на лавке, отчего полная грудь сильно торчала под мокрой от пота кофтой. Она совсем изнемогла, глаза ее были мутные, пьяные.

Лицо Маши как-то подсохло, вокруг зеленых глаз обозначились темные кольца, губы потрескались, и нижняя, закушенная, кровоточила. Но она сидела прямо, стараясь сейчас только не думать, что ее тошнит, не думать о том, что все продолжает перед ней качаться.

В окошко водолазной будки был виден лед реки. Дует поземка. Сухие марлевые полосы снега с жестким шорохом метет студеный ветер. Вода в майне покрылась тонким, как целлофановая пленка, льдом. А та часть реки, которая свободна ото льда, дымится паром и плещется желтыми, злобными волнами на быстрине.

Вместе с шерстяным водолазным бельем Лапшина над печкой сушатся синие трусы и зеленая майка Кочеткова, а также бязевая рубаха и такие же кальсоны Сенькина.

Кончив пить чай, Лапшин взял вахтенный журнал и, попросив у Кочеткова его вечную ручку, приступил к заполнению соответствующих граф отчетности. И все, что он там записал, было абсолютно технически точно...

Но думал Иван Николаевич сейчас совсем о другом.

Если бы он находился под водой, возможно, мы бы узнали, о чем он в эти мгновения думал, ибо, следуя своей привычке, он всегда под водой думал вслух, вовсе не заботясь, кто там на конце провода — умный или глупый человек.

Кончив запись, Иван Николаевич оглядел Машу и Нюру, Сенькина и Кочеткова, почесал согнутым указательным пальцем глаз, скривив при этом рот, и произнес усталым, утробным голосом, дрогнувшим от волнения:

— Вы, ребята, все ж себя аккуратнее берегите. С такими, как вы, очень надежно далеко топать. — И, смутившись, добавил: — Это я себе, а не вам докладываю. А то вот Кочетков подслушает и совсем зазнается.— И спросил: — Ты с которого года?

— В тридцать восьмом стартовал,— небрежно объявил Кочетков.

— А ты, Сенькин?

— Я тридцать шестого, я его старее.

— Красиво жить будете! — твердо и решительно объявил Лапшин. Поперхнулся, закашлялся, отвернулся к окну и произнес сипло: — Пуржить начало. Как метет! Север, одним словом. А на Кубани, откуда я родом, сейчас весна.

В белесом, невидимом из маленького окошка водолазной будки небе серебряными, светящимися полосами вздрагивало прозрачное белое пламя северного сияния, величественное, прекрасное, таинственное, дивное. Мела поземка и наметала сухие, сыпучие сугробы у стальных труб газопровода, торчащих из берегов реки.

Односельчане

В. ФИРСОВ

* * *

Когда веселье на пороге
И шум за праздничным столом,
Ты вспоминаешь о дороге,
Что привела в родимый дом.
Ты в этот день спешишь признаться,
Как нелегко тебе в пути
С друзьями часто расставаться,
И недругам в глаза смеяться,
И продолжать вперед идти...
А месяц молодой двурогий
Висит над домом у шоссе...
Забудь на время о дороге,
Пляши, как все, и пой, как все!..
Ты знаешь, что опять придется
Покинуть дом на долгий срок,
Идти дорогой, без дорог.
И так — покуда сердце бьется!

ИЗБАЧ

На медом пахнущей тесине
Мы с ним сидим который час.
В подсохшей луже — след гусиный.
Последний луч вдали погас.
Мы дышим запахом сосновым,
Любуясь лётом облаков...
Он важно говорит о новой,
Хорошей жизни земляков,
О тракторах, делах колхозных
И вдруг, теряя важный вид,
Толкует об Иване Грозном,
О Лермонтове говорит.
Уже заря в дали бездонной
Плывет на легких парусах,
Она дрожит в стекле оконном
И теплится в его глазах.
Мы долго говорим, о многом:
О новых книгах, о Москве...
А завтра мне опять дорогой
Идти в рассветной синеве.
Опять идти дорогой дальней,
Просторами моей страны
И вспоминать избу-читальню
И запах струганой сосны.

* * *

Я был уверен,
Что тебя найду,
Найду на счастье или на беду.
Но где искать?
Я знал, что ты живешь
В большой стране, где зеленеет рожь,
Где шелестят усатые овсы,
Где на рассвете слышен звон косы,
Где на рассвете
Далеко видны
Береза, ель, смолистый ствол сосны,
Речушка в белых лилиях, луга
И лось, к спине откинувший рога.
Я был уверен,
Что тебя найду,
Найду на счастье или на беду.
И я искал.
Искал, где только мог:
Лесами шел, не ведая дорог,
Лугами шел
Среди пахучих трав,
Надежды и тропинки растеряв.
От зноя задыхалися поля,
Машины шли, неистово пыля,
И небо насмехалось надо мной,
И солнце проходило стороной.
Но я-то знал,
Что я тебя найду,
Найду на счастье или на беду.
Над озером проносятся стрижи...
А ты-то как нашла меня, скажи?

* * *

Обледенелый сруб колодца,
Журавль простуженно скрипит.
Зима смеется, сердце бьется,
Бадья обратно подается,
И колкий снег глаза слепит...

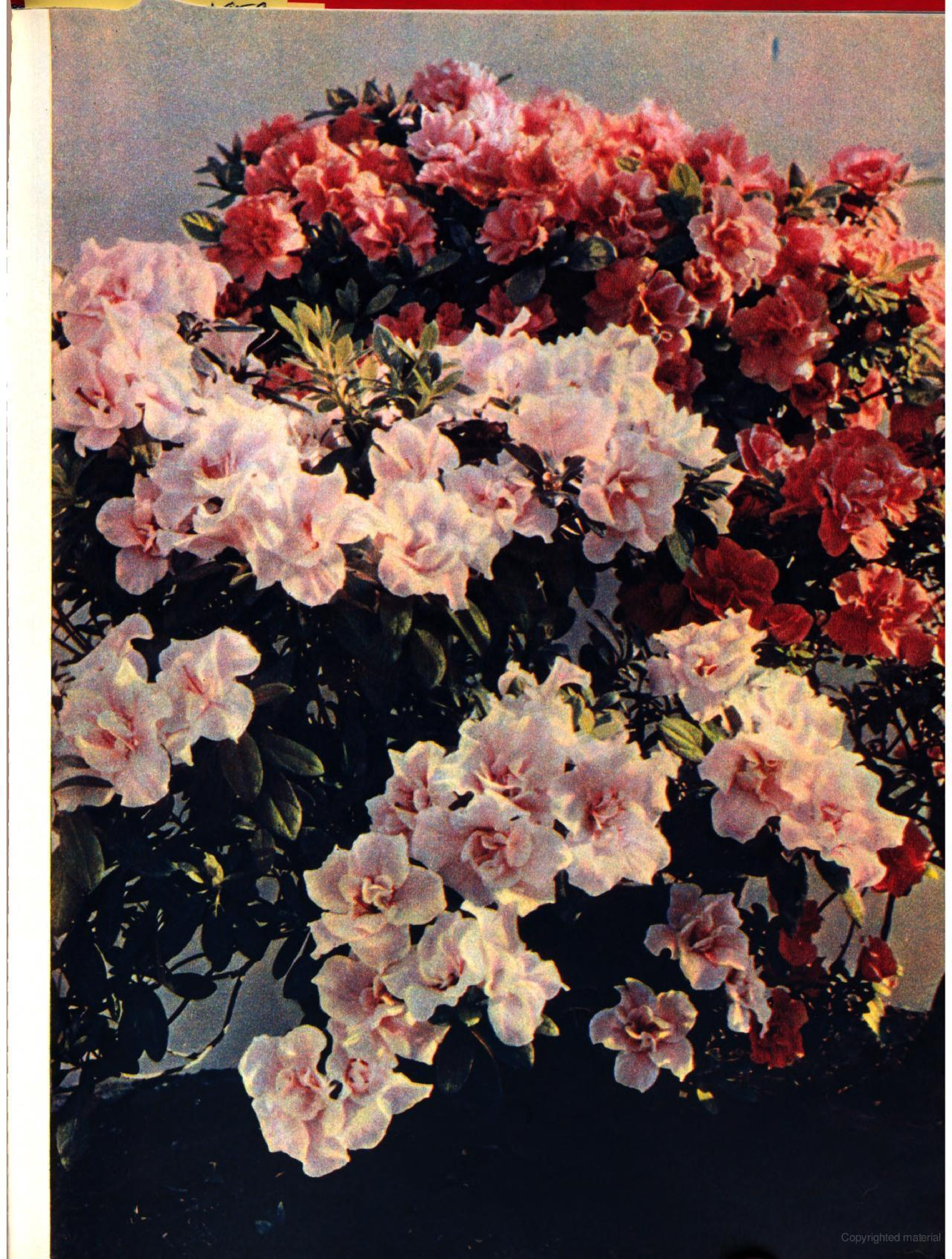
Жены своей не опасаясь,
Приникнет не один к окну:
Сугробов ведрами касаясь,
Идешь, красивая на зависть, —
И гордо ждешь свою весну...

Ты о весне все чаще тужишь
И вспоминаешь про меня,
Когда февраль подымет стужу
И белым коршуном закружит,
Глаза морозом леденя.

Рисунки А. Орлова.

ЦВЕТЫ. Фото С. Фридлянда. →

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Яхты в море.

Фото Г. Вайдла.

В Таллине строят яхты

Короткие улочки — Парусная, Мачтовая, Рулевая — ведут к морю. У розовых прибрежных валунов плещутся чистые весенние волны. Вот над песчаной отмелью взметнулось острое голубоватое крыло паруса; кажется, сейчас оно дрогнет и заскользит по волнам. Но нет, мачта крепко вделана в металлическое гнездо, укрепленное на берегу. Это таллинская экспериментальная верфь спортивного судостроения испытывает новую парусную ткань.

Мимо сложенных в штабеля кедровых, сосновых, дубовых брусьев, мимо строящихся корпусов верфи идем в цехи, где трудятся мастера шлюпочных, парусных, такелажных и рангоутных дел.

Худощавый, в сдвинутом на затылок черном берете мастер Каарел Сепп — потомственный судостроитель. Его старший брат, Херман Сепп, известен в республике постройкой рыболовецких судов. Отец, деды, прадеды были знаменитыми на весь Моондзундский архипелаг шлюпочниками. В мускулистых руках Каарела Сеппа — мастерство и талант поколений.

Как осторожно и тщательно обстругивает он светло-желтый, блестящий борт будущего спортивного судна! Это швертбот международного класса «Летучий Голландец». Корпус его, выклееннный из березового шпона, заполненный кедровыми рейками, весит в два раза меньше, чем обычная яхта такого же размера, построенная из досок.

Постройка таких швертботов, типа «Летучий Голландец», освоена верфью недавно. В этом году они выпускаются уже серийно.

А вот и стапеля с красиво изогнутыми шаблонами. Мастера Эйно Лонде, Арвед Паю и Ээро Вяли устанавливают шпангоуты — ребра будущих килевых яхт международного класса. Ловки и уверенны движения мастеров! Чудесны ароматы сухого дерева, клея и лака! Звонко перестукиваются молотки по выгнутым бортам. Романтикой веет голубой простор за окном, романтикой морских странствий, единоборства со стихией!

В парусном цехе мастер гребного спорта бригадир Татьяна Малышева растягивает на голубом полу островерхие паруса; официальный меритель яхт Пауль Бутте длинной гибкой металлической лентой придирчиво проверяет размеры парусов.

Рангоут и такелаж здесь делают прочно и красиво: мачты и гики — из лучших сортов золотистой весельной ели. Легкие капроновые блоки окрашены в ярко-красные и васильковые тона...

Верфь выпускает и запасной инвентарь для яхт: блоки, скобы, водоотсосы, утки, ковши, лебедки. Все это непосвященному человеку может показаться мелочью. Но для яхтсмена недостаток такой «мелочи» досаднее полного штиля: без нее в море не выйдешь.

В прошлом году небольшой коллектив верфи выпустил сто пятьдесят судов, нынче будет построено двести.

— С рождением в СССР новых морей расширяется и география парусного спорта,— рассказывает директор верфи Г. Г. Тейтер.— Наши яхты отправляются теперь из Таллина не только в Ленинград, Москву, Николаев, Киев, но и в Пермь и Темир-Тау, в Свердловск и Тбилиси, в Ленинабад и Каунас.

Конструкторское бюро верфи разрабатывает новый тип яхты — «Турист». Стоимость ее не превысит двух тысяч рублей, четверо пионеров легко смогут нести ее по суше. На «Туристах» можно будет ходить и под парусами, и на веслах, и с подвесным мотором, смело путешествовать по озерам и рекам, по старым и новым морям.

Н. ХРАБРОВА

Мастер Каарел Сепп за работой.

Правнучка декабриста Рылеева

В Тбилиси, на Млетской улице, в доме № 12, живет пенсионерка, бывшая преподавательница французского языка, долгие годы проработавшая на факультете иностранной литературы Тбилисского государственного университета, Наталья Александровна Перфильева.

Она приходится правнучкой поэту-декабристу К. Ф. Рылееву по прямой линии.

Дочь Кондратия Федоровича Рылеева, Анастасия Кондратьевна, была замужем за Иваном Александровичем Пущиным из рода декабриста И. И. Пущина — друга А. С. Пушкина. От этого брака были дети: Александр, Николай, Дмитрий, Анна, Наталья, Юлия и Софья Ивановна Пущины. Дочь Софьи Пущиной, Наталья Александровна Органова, вышла замуж за Перфильева.

Н. А. Перфильева до смерти мужа жила в Москве и в 20-х годах приехала погостить к двоюродной сестре в Тбилиси. Ей понравился климат живописного южного города, и она навсегда поселилась здесь.

Наталья Александровна Перфильева.

— В нашей семье,— рассказывает Наталья Александровна,— к сожалению, никаких реликвий не осталось. Но хорошо помню, что моя мать показывала мне портрет Кондратия Федоровича в красках, который хранился в нашей семье. На нем мой прадед изображен в зеленом сюртуке, со скрещенными на груди руками. Портрет был заключен в овальный медальон, и, по утверждению матери, в нем лежала прядь волос казненного прадеда. Этот портрет находится в Историческом музее в Москве.

С. КИЛАДЗЕ

Эти изделия будут экспонированы на выставке в Нью-Йорке.

НА ВЫСТАВКУ В НЬЮ-ЙОРК

На ящиках международный знак стекла — рюмка — и адрес: «Нью-Йорк. Выставка достижений советской науки, техники и культуры». Это готовы к путешествию через океан красивые изделия из стекла.

Вазы, десертные приборы, скульптуры — работы художников Б. Смирнова, Л. Юрген, Е. Яновской, А. Сыловой, старейшего мастера-стеклодува Б. Еремина — представил Ленинградский завод художественного стекла и сортовой посуды. Шарообразная ваза инженера А. Иванова, которую он создал на Львовском стеклозаводе № 1, посвящена спутнику. Ее глубокий синий тон, декорированный звездочками, рассыпанными по поверхности шара, напоминает ночное небо. Линия алмазной грани символизирует орбиту первого искусственного спутника.

Завод «Красный май» представил на выставку изделия из сульфидно-цинкового стекла. Способы варки его впервые были разработаны в лаборатории ленинградского завода. Незначительно меняя температурный режим обработки изделий, можно получить стекло самых различных цветов.

Много новых работ показали старейшие заводы: Дятьковский и Гусь-Хрустальный. Художник Б. Бычков и мастер-алмазчик С. Орлов создали скульптурную эмблему завода — хрустального гуся.

Е. БАТАНОВА,
Н. ВОРОНОВ.

ДОНЕЦ ВПАДАЕТ В КАЛЬМИУС

В заголовке этой заметки нет ошибки. Донец издревле впадает в Дон — это общеизвестно. Но теперь воды его текут и в небольшую степную речку Кальмиус. Правда, это пока еще не отражено на картах.

Новое русло для реки проложили на земле донецкой рабочие руки.

Природа щедро одарила этот край: в подземных кладовых запасы угля, соли, киновари, многих полезных ископаемых. Одного только тут недоставало — воды. Скудость водных источников увековечена в названиях здешних рек: Сухой Торец, Сухие Ялы, Сухая Волноваха... Многоводен только Донец, но он протекает по окраинам Донбасса.

Повернуть Донец в новое русло было нелегко. Пришлось прорыть 130-километровый канал и, чтобы поднять воду на отроги Донецкого кряжа (высота — 237 метров), возвести сложные гидротехнические сооружения.

Строители перегородили пойму Оскола — притока Донца — километровой плотиной. Внутри ее водосливной бетонной части поместили гидроэлектростанцию. Задержанные плотиной воды разлились в пойме реки на целые сто километров, достигнув Купянска. Несколько ближних к речке сел: Базы, Октябрьское, Павлиновка — переселены на новые места.

Водохранилище в самую жаркую пору лета будет пополнять Донец.

Неподалеку от Славянска, в лесу у живописного поселка Райгородок, создан второй гидроузел. Поперек речного русла возведена бетонная плотина, а справа прорыт канал. И струи Донца побежали по новому руслу.

По зову комсомола на стройку приехали тысячи юношей и девушек. Вчера они окончили среднюю школу, а нынче, живя в степи в палаточных городках, работая в жару и холод, постигали науку труда и жизни.

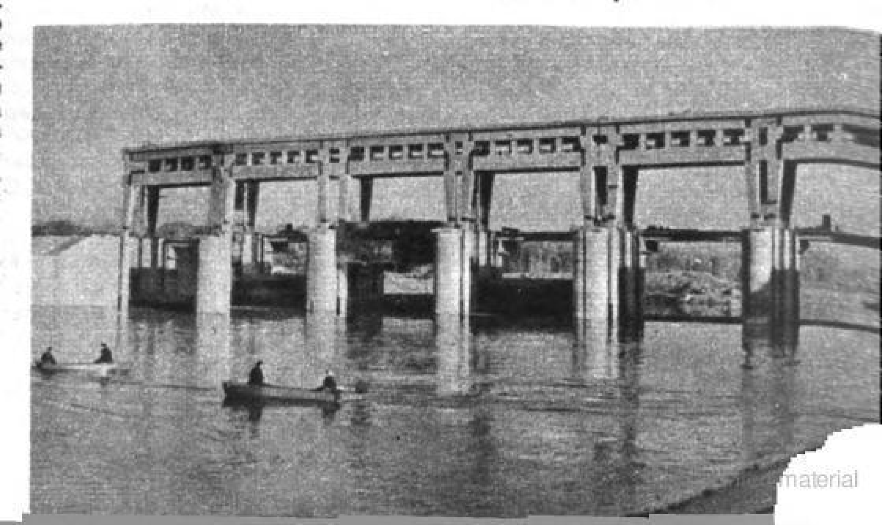
Светлые воды Донца струятся у садов Часов-Яра, бегут к Артемовску, Горловке, Макеевке, и в спокойной глади канала отражаются крутобокие весенние облака. Донецкая вода хлынула в русло Кальмиуса, зажурчала в водопроводных магистралях города Сталино.

Потребление воды в Донбассе увеличивается теперь в два — три раза.

Ал. ИОНОВ

Плотина на Донце у Райгородка. Здесь начинается Донецкий канал.

Фото Г. Наврического.

НЕБО — ЗЕМЛЯ

Заметки испытателя парашютов

Ю. ИВАНОВ

Неожиданное

Прыжок предстоит несложный. Новую конструкцию я уже несколько раз открывал в воздухе, и работу в основном можно считать законченной. Остались кое-какие детали.

Стоит поздняя осень, но погода просто на удивление отличная: тихо, солнечно, хотя и холодновато — лужи замерзли, а трава поседела от инея. Деревья уже обнажились. Только клен, который растет на краю аэродрома, почему-то сохранил листву и издали кажется одиноким пылающим факелом.

...Самолет быстро набирает высоту. Сижу в задней кабине, слежу за стрелкой на шкале высотомера. Мы в расчетной точке прыжка. Пора! Переваливаюсь через борт, падаю секунды две и выдергиваю вытяжное кольцо. В ожидании динамического удара инстинктивно напрягаю мышцы, но... ощущаю лишь слабый рывок.

Что-то произошло. С тревогой смотрю вверх.

Да! Купол не раскинулся шатром. Он вытянулся «колбасой», свистит и гудит под напором встречного воздуха, почти не замедляя падения.

Такие случаи в моей практике бывали. Не теряя ни секунды, я с силой дергаю стропы. Обычно это помогает парашюту открыться. Но на этот раз купол, вместо того чтобы наполниться воздухом, начинает описывать какие-то замысловатые круги.

Снова пытаюсь заставить купол развернуться. Но его нижняя кромка словно склеилась. Ничего не понимаю! От встречного воздуха глаза слезятся. Я вижу купол неясно, расплывчато, как через воду. Бросаю взгляд вниз. Скорее запасной! Земля близко! Даже сквозь слезы различаю гравий на взлетной полосе.

Открываю запасной. Перед глазами мелькает его белый шелк, но... купол обворачивается несколько раз вокруг строп опытного парашюта и не наполняется воздухом. Ясно, что распутывать его не хватит ни сил, ни времени.

Делаю единственно возможное, когда оба парашюта не открылись: плотно сжимаю вместе полусогнутые в коленях ноги и напрягаю все мышцы. Встречу землю, как подобает, по всем правилам приземления. Бороться надо до конца, даже если гибель неотвратима.

Нельзя передать словами все, что испытываешь в ожидании смертельного удара о землю. В голове мелькают какие-то обрывки мыслей.

Земля — вот она!

Каждая клеточка моего тела трепещет, замирает. Сейчас... Вдруг встряска, сильнейший удар — и я стою на земле.

Сначала ничего не соображаю. Ощущение, что жив, вызывает безграничное удивление. Еще не веря в свершившееся чудо, сжимаю пальцы в кулаки, сгибаю руки. Ноги тоже целы и двигаются. Что же произошло? Спасение пришло внезапно, как в приключенческом кинофильме. Перед самой землей открылся купол опытного парашюта. Открылся сам по себе и успел в значительной степени погасить скорость падения. А так как я падал, напрягши до предела все мышцы тела, то сильный удар о землю мне не повредил. Если бы я отказался от борьбы и не приготовился к приземлению, то, вероятно, получил бы тяжелые увечья. А откройся парашют долей секунды позже, меня бы уже ничто не спасло.

Я написал отчет о прыжке и внешне вел себя, как обычно, хотя внутри у меня все словно одеревенело. Огромное нервное напряжение, испытанное в воздухе, не прошло даром.

Разрядка наступила во сне. Мне приснился пережитый днем прыжок. Приснился со всеми подробностями. Я проснулся, не помня себя от ужаса...

Неожиданное может произойти с испытателем и в том случае, когда парашют открылся благополучно.

...С высоты трех тысяч метров знакомая речка в стороне от аэродрома кажется серебряной ниточкой. Глядя на нее, я думаю, что летчик ошибся в расчетах и выбросил меня не совсем точно.

Быстро идет спуск, пора думать о приземлении. Смотрю вниз: картина неутешительная. Ошибку летчика усугубил изменившийся на высоте ветер. Я опускаюсь в расположение какой-то фабрики. Передо мной большой выбор опасных препятствий: фабричные корпуса с огромной дымовой трубой посредине, дровяной двор, обнесенный колючей проволокой, и... электрическая подстанция, к которой тянутся провода высокого напряжения.

Подстанция и провода — вот самое опасное. Как назло, меня несет именно на них. Я натягиваю группу строп, уменьшаю площадь купола и начинаю скользить. Маневр, кажется, удался. Я облегченно вздыхаю, смотрю вниз и... вижу под ногами, на расстоянии 4—5 метров, огромное черное отверстие фабричной дымовой трубы.

Я не успел опомниться, как раздался треск рвущегося полотна. Меня сильно дернуло и ударило плечом о каменную стену трубы.

Вот это «притрубился»!

Теперь есть время осмотреться и разобраться в создавшейся обстановке. Купол парашюта порван громоотводом почти в самом центре и крепко держится на верхнем обрезе трубы. А до земли метров тридцать. Из длинного корпуса — это была, как я узнал после, столовая — выбегают люди. Вскоре весь двор заполнился толпой. Ясно вижу пожарных в светлых брезентовых костюмах и блестящих касках.

Пожарные притащили брезент, и десятки рук растянули его над землей. Вспоминаю, что при пожарах в высоких зданиях люди из окон выбрасываются на такие брезенты. Однако не испытываю ни малейшего желания последовать их примеру.

Мужчина в синем костюме — он тут, видимо, главный — кричит мне:

— Все готово! Спускайся! На противоположной стороне трубы есть ступеньки.

Добираюсь до спасительных ступенек. Это стальные скобы. Становлюсь ногами на одну из них, продеваю руку через другую и снимаю подвесную систему. Затем с сожалением отпускаю это надежное приспособление и целиком доверяюсь шаткому заводскому сооружению. Да, да, именно шаткому! С испугом чувствую, что труба мерно качается из стороны в сторону. Признаюсь, мне стало страшно. Но тут я вспоминаю, что труба и должна качаться! Вот если бы она не качалась, то упала бы. Таков закон физики.

...Десятки дружных рук не дали опуститься на землю. Подброшенный восторженными зрителями, я опять полетел в воздух. Только по-

Окончание. См. № 19.

сле горячей мольбы о том, что сегодня я не хочу больше ни летать, ни падать, меня осторожно поставили на землю.

Испытания нового парашюта проходили на редкость успешно. Он оправдал надежды конструктора и не доставил чересчур много хлопот испытателям. Нам оставалось сделать последний групповой прыжок, а потом со спокойной совестью сдать объект заказчику. Мы уже собрались в полет, когда погода стала портиться. На горизонте показалась темная полоска. Это шла грозовая туча. Но еще ничто вокруг не предвещало близкой бури. В безоблачном синем небе сияло солнце. Легкий ветерок едва волновал высокую, некошеную траву аэродрома.

— До грозы можно успеть двадцать раз прыгнуть,— сказал кто-то из нас.

Всем не терпелось скорее закончить испытания, и мы пошли к машине.

Отделяюсь от самолета последним и сразу открываю парашют. В первое мгновение мне кажется, что я оказался в сотнях километров от нашего аэродрома: так резко изменилась погода. Ясного летнего дня как не бывало. Грозовая туча налетела с непостижимой быстротой и закрыла солнце. Темно-синяя, почти черная, она клубилась, клокотала, поднимаясь к небу гигантской башней.

Вдруг из этой кипящей черноты ослепительным зигзагом сверкнула молния, с пушечным грохотом распоров тучу надвое. Начался ливень. Ураганный ветер подхватил и понес меня, словно сорванный с дерева лист.

Надо осмотреться. Купол, намокнув, все же не потерял своих свойств и по-прежнему надежен. Сам я, хоть и промок до нитки, чувствую себя неплохо. Остается одна реальная опасность — ураганный ветер, который несет меня со скоростью курьерского поезда.

Ветер — опасный и коварный противник. Он ничего или почти ничего не значит для летчиков, которые могут противопоставить ему мощь современных двигателей. Парашютист же борется с ним только силой своих мускулов, мастерством, хладнокровием.

Стараясь скорее приземлиться, начинаю глубокое скольжение: беру группу строп и натягиваю их на себя, примерно до половины длины. Площадь купола уменьшается, и, по всем законам, я должен снижаться быстрее, но... этого не происходит. Еще больше подтягиваю стропы, почти достаю руками до нижней кромки купола. Высота начинает заметно уменьшаться.

Земля метрах в двухстах. Прекращаю скольжение и пытаюсь сориентироваться. От аэродрома унесло далеко. Внизу лес. Мне уже несколько раз приходилось приземляться на лес, и я даже выработал для себя некоторые правила. Так, густой лиственный лес представляет наименьшую опасность. Кроны деревьев, покрытые листвой, даже в сильный ветер мягко затормозят спуск парашютиста. А вот зимой этот же лес уже опасен: голые ветки могут поцарапать лицо, повредить глаза. При посадке на хвойный лес предпочтительнее всего опускаться на елку.

Подо мной лес хвойный. Среди могучих сосен темнеют острые вершины елок. Но сейчас выбирать «посадочную площадку» не приходится: нет ни времени, ни возможности.

Сосна, на которой я повис, высоченная, ствол до земли без сучков и такой толщины, что его не обхватишь. Однако рассчитывать на помощь в скором времени не приходится, и я решаю добраться до земли своими силами. Раскрываю ранец запасного парашюта. Купол его падает вниз, и сверху кажется, что он совсем немного не достает до земли. Вылезаю из подвесной системы. Теперь основной парашют, крепко зацепившийся за крону, и запасной парашют, объединенные подвесной системой, образуют как бы единый канат. Ну что же, попробуем спуститься по такому канату. Я благополучно добрался до конца запасного парашюта и только тут увидел, что... до земли еще метров семь. Что делать? Руки слабеют, долго так не удержишься. И тут же замечаю елочку. Она растет почти рядом с могучей сосной. Выход, кажется, найден: елка затормозит падение. Я отталкиваюсь ногами от ствола сосны и разжимаю руки. Падаю на елку и по ее ветвям благополучно скатываюсь на землю.

Однако превратности воздушной стихии порой приводят к весьма тяжелым последствиям.

...Тихий осенний день. «Колдун» — полосатый матерчатый конус на шесте, показывающий силу и направление ветра,— безжизненно свисает: полный штиль. Небо хмурится, но высота слоистых облаков достаточна для испытательного прыжка. Борис Пятериков надевает новый опытный парашют с капроновым куполом и поднимается в кабину самолета. Взмах флажка стартера — и машина идет на взлет.

На высоте тысячи метров испытатель оставляет самолет и сразу выдергивает вытяжное кольцо. Через две секунды над ним раскрывается капроновый купол. Все в порядке! На новом парашюте испытатель снижается плавно, устойчиво, без раскачивания. Пятериков уже намечает точку приземления, и вдруг характер снижения резко меняется: налетает сильный, шквалистый ветер. Он возник внезапно. Словно чья-то невидимая рука открыла заслонку гигантской аэродинамической трубы.

Ветер несет с собой мелкую морось. Она серой пеленой прикрывает от испытателя аэродром; знакомые предметы на нем теряют форму, тускнеют, словно расплываются. Парашютиста несет за шоссе, над зеленеющими свежими всходами озимых. А там дальше, на краю огородов, проходит линия высокого напряжения.

Пятериков помнит о ней и принимает меры: надо приземлиться, не дойдя до высоковольтной линии электропередач.

Борис — сильный, выносливый, опытный испытатель — не раз показывал отличные результаты в прыжках на точность приземления. Он в совершенстве умеет управлять куполом парашюта. Но на этот раз все его усилия тщетны. Глядя через плечо назад, он видит, как на него наплывают столбы линии высокого напряжения, различает белые изоляторы, на которых подвешены провода.

Нет! Встречи с ними не избежать. Испытатель это понимает, однако не прекращает борьбы. От страшного напряжения каменеют мышцы, пот заливает глаза, кажется, что разорвется сердце, разожмутся руки. Но испытатель не отпускает лямки, пока перед глазами не вспыхивает белая электрическая молния. Пятерикову кажется, что тяжелая палка ударила его под левую лопатку, и он перестает видеть и чувствовать.

...За прыжком Бориса мы наблюдали из самолета. Вдруг там, где он исчез, блеснула трепетная зарница электросварки.

В первое мгновение мы не поняли, откуда она взялась: в той стороне никаких работ не проводилось. Потом сердце сжала тревожная мысль: Борис попал на электрические провода высокого напряжения.

Мы быстро пошли на посадку. Шквал кончился так же внезапно, как и налетел. Видимость опять стала хорошей, и когда мы делали четвертый разворот, то ясно увидели высоковольтную линию, а под ней белое пятно парашюта.

Летчик посадил самолет. Мы вскочили в автомобиль и через пять минут были на месте происшествия.

Борис лежал лицом вниз, безжизненно раскинув в стороны руки. На спине, под левой лопаткой, его летная куртка была словно пропорота раскаленным ножом — края разреза обуглились. Рядом с испытателем лежал капроновый купол парашюта, сплавившийся в бесформенный комок.

Осторожно мы подняли нашего друга. Лицо у него было черное.

«Обуглился!» — с ужасом подумал я.

Но Борис застонал и открыл глаза. «Жив!» — обрадовались мы и тут рассмотрели, что лицо испытателя не обуглилось, а просто было перепачкано землей.

Пятерикова быстро отправили в госпиталь. И здесь, когда стали раздевать, увидели на его гимнастерке, как и на летной куртке, разрез с обожженными краями. А белье, которое было влажно от пота, сгорело целиком, превратилось в прах.

Коварство воздушной стихии дорого обошлось Борису Пятерикову. Он получил сильные ожоги и только через длительное время смог снова выполнять испытательные прыжки с парашютом.

Испытатель и конструктор

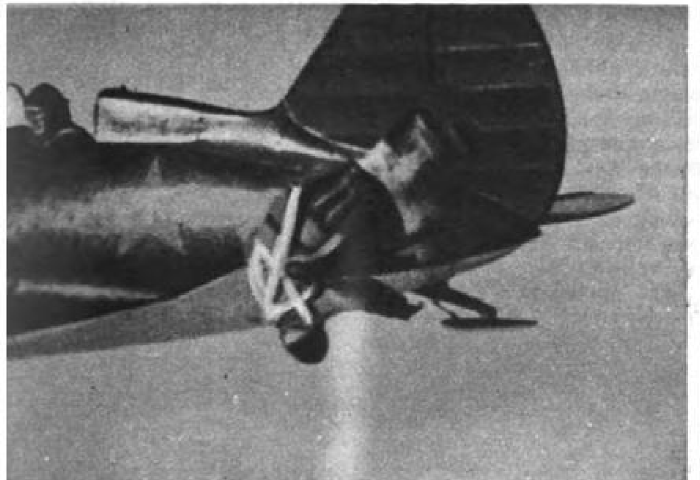
Первый в мире ранцевый авиационный парашют был сконструирован Глебом Котельниковым в 1911 году. Но развиваться отечественное парашютостроение стало только после революции, в годы первых пятилеток. Тогда в Москве была открыта небольшая опытная мастерская-лаборатория. В ней молодые специалисты Лобанов, Ткачев, Глушков, Чуриков, Савицкий и другие разрабатывали конструкцию и технологию изготовления отдельных узлов и частей новых отечественных парашютов.

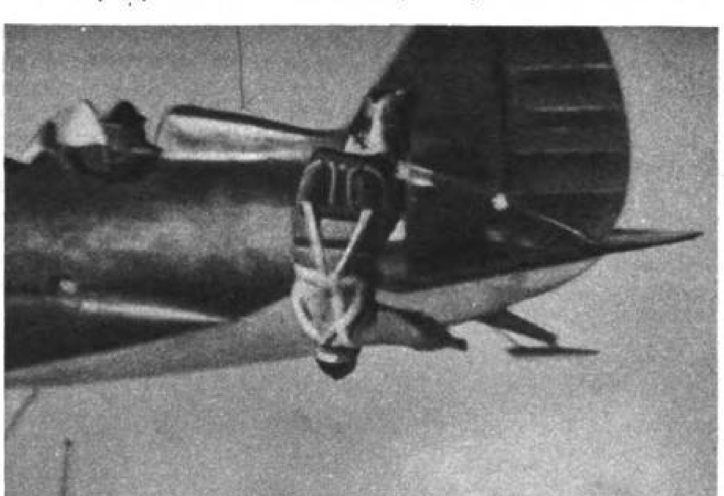
Советские конструкторы самостоятельно, творчески решали и решают вопросы создания самых различных типов современных парашютов. Они позаботились и о наших летчиках, летающих на реактивных самолетах. Они предложили различные типы грузовых парашютов, тормозных — понижающих посадочную скорость реактивных самолетов,— парашютов специального назначения, в том числе и для возвращения на землю подопытных животных, поднимаемых ракетами в верхние слои атмосферы.

Обычно конструктор и испытатель работают очень дружно, в тесном контакте. Но не обходится и без споров, в процессе которых, как известно, рождается истина.

Так было, например, когда один опытный конструктор предложил новый стабилизирующий парашют, то есть парашют, позволяющий совершать быстрый и устойчивый спуск, близкий по скорости к свободному падению. Это очень важно для летчика, который подбит в воздушном бою на большой высоте. Оставив самолет, он должен уйти от преследования противника, скорее опуститься в нижние слои атмосферы, чтобы быстрее миновать слои, где давление понижено, где человек испытывает кислородное голодание.

В предложенном парашюте при раскрытии из ранца выходил небольшой мешок с уложенным куполом. А над ним открывался маленький парашютик, который и придавал падению устойчивость. Ранец парашюта раскрывался принудительно-вытяжной веревкой, закрепленной на самолете. Для того, чтобы купол вышел из мешка, следовало выдернуть вытяжное кольцо. Надо сказать, что мне

Случай с Василием Романюком. Парашютиста забросило потоком воздуха на хвостовое оперение самолета.

Перед двухтысячным прыжком.
Фото В. Тюнкеля.

новая конструкция не показалась надежной. Опыт подсказывал, что стабилизирующий парашют находится слишком близко к завихрениям воздуха, которые возникают при падении человеческого тела, поэтому устойчивого спуска не будет.

Однако доказать это расчетами я не мог.

— Не сомневайся,— сказал мне конструктор.— Поедем на аэродром, посмотрим, как будет падать манекен.

Манекен с усовершенствованным парашютом падал устойчиво, как гвоздь, ну просто отлично! Я предложил повторить испытание — опять тот же результат. Так манекен падал пять раз.

— Теперь убедился?! — торжествовал конструктор.

— А человека будет вращать,— ответил я. Надел парашют и пошел на прыжок.

...Отделяюсь от самолета. Стабилизирующее устройство начинает действовать. Открывается маленький парашютик, и... меня начинает вращать.

Вращение все ускоряется. Пытаюсь прекратить его: выкидываю в стороны руки, потом ноги, потом и руки и ноги. Сжимаюсь, подтягивая колени к подбородку, но ничего не помогает. Под стабилизирующим парашютом я кручусь, как вентилятор. Хочу открыть главный купол, но вспоминаю, что ветер дует в сторону опасных препятствий: высоковольтной электролинии и поселка. Метров 800 надо падать.

Чтобы не закружилась голова, закрываю глаза, крепко стискиваю зубы. Таким «вентилятором» я лечу метров семьсот. Они кажутся по крайней мере семьюдесятью километрами. Наконец с облегчением выдергиваю вытяжное кольцо. Приземляюсь благополучно. Но сразу встать не могу. От «устойчивого» спуска у меня кружится голова.

Парашют был забракован. Конструктор признал: не вышло!

Когда же конструктор молод и излишне самолюбив, а к тому же и испытатель обладает теми же качествами, то рождение истины протекает порой в больших муках.

В начале моей работы испытателем мне пришлось проверять в воздухе действие десантного парашюта, созданного молодым конструктором. Я находил, что приспособление, принудительно раскрывающее ранец, сделано неудачно и в воздухе может не сработать. Конструктор не соглашался. Мы спорили долго, громко и довольно резко.

— Полетим со мной,— сказал я конструктору,— и увидишь сам.

И вот мы вместе поднялись в воздух. Пожалуй, это был единственный случай в моей практике, когда я хотел, чтобы парашют не открылся.

Оставляю самолет, и... ура! Я прав: парашют не открывается. «А спорил, ругался!— думаю я.— Ну, погоди, заставлю тебя поволноваться!» Уверенный, что смогу ввести в действие парашют аварийным кольцом, «ложусь на воздух» и в затяжном прыжке иду к земле. Я хорошо представляю, что сейчас переживает конструктор. Ведь сверху он видит, как я падаю камнем.

Делаю большую задержку, открываю парашют и спокойно приземляюсь. Почти одновременно идет на посадку самолет. Из кабины выскакивает конструктор — бледный, потрясенный. И, глядя на него, я чувствую себя неловко. Месть была слишком жестокой, недопустимой. Оправданием ей могла служить только легкомысленная молодость...

Прыжки с реактивных самолетов

Незадолго до войны парашютист-испытатель Василий Романюк поднялся в воздух, чтобы выполнить экспериментальный прыжок с истребителя. Следовало установить, может ли летчик безопасно покидать самолет через борт кабины, когда скорость достигает трехсот километров в час.

Преодолевая упругую струю встречного воздуха, испытатель изготовился, резко оттолкнулся от сиденья и нырнул за борт. Воздушные вихри подхватили его и бросили на стабилизатор, прижали к нему, не давая упасть. Но от сильного удара произвольно открылся купол основного парашюта. С громким хлопком он наполнился воздухом, сорвал испытателя с хвоста машины и плавно опустил на землю. Самое удивительное в этом было то, что Василий Романюк нисколько не пострадал, а на стабилизаторе осталась глубокая вмятина.

Однако не всегда удар о хвостовое оперение кончается так благополучно. Он может стоить летчику жизни.

К концу войны скорости советских самолетов значительно увеличились. Но и тогда многие летчики благополучно оставляли машину и спускались на парашюте. Делали они это на пилотаже, используя силу инерции. Когда же скорость полета приблизилась к скорости звука, то применили специальное катапультное устройство. Опробовать его на практике было предложено мне.

Придя первый раз на тренировку, я не без опаски посматривал на сооружение. Уж очень оно напоминало цирковой аттракцион — полет под купол или что-нибудь в этом роде. Но вот началась тренировка, и впечатление это еще более усилилось. Ведь в момент катапультирования человек будет испытывать значительные перегрузки! Время их действия ничтожно, однако врачи хотели заранее выяснить влияние таких перегрузок на психо-физиологические функции человека. Для этого мне перед «выстрелом» предстояло выполнить ряд упражнений, определяющих быстроту реакции, внимание, память и так далее.

Меня ставят к стене, на голову надевают какую-то остроконечную каску и заставляют делать руками и ногами различные движения. Отклонение от вертикали острия каски отмечается на специальном графике. Потом сажают на катапультное сиденье, дают в руки фоторужье, и я «стреляю» по мишеням. Передо мной на доске красные и зеленые лампочки. По команде я зажигаю те или другие в определенном порядке.

Проверив мои психо-физиологические данные, врачи приготавливаются к катапультированию. Ко мне прикрепляют датчики, идущие к приборам, которые измеряют давление крови, работу сердца, дыхание. Все эти действия снимаются киноаппаратом.

— А что,— шучу я,— Кио после меня выступает?

Но мне никто не отвечает. К испытаниям все готово. Звучит команда: «Все по местам! Внимание! Приготовиться!». Тут уж мне тоже не до шуток. Принимаю нужную позу и по команде «Пошел!» нажимаю на спуск стреляющего механизма. Громкий выстрел — и я уже на семиметровой высоте. Здесь я опять стреляю из фоторужья. Зажигаю лампочки, отвечаю на вопросы врачей. Все идет нормально, и они довольны.

С каждым новым испытанием пороховой заряд увеличивают, и я все на бо́льшую высоту взлетаю по вертикальному рельсу. Я освоился и чувствую себя хорошо. Но вот при одном испытании, когда уже прозвучала команда «Все по местам!», в ангар вбежал бледный, взволнованный врач.

— Отставить! — закричал он не своим голосом.— Прекратите испытания!

Потом, с состраданием глядя на меня, сказал:

— Произошло несчастье. Встаньте, только осторожно.

Я отстегнул ремни, поднялся, вылез из кабины и шагнул к врачу.

— Не делайте резких движений. Боль очень сильная?

— Какая боль? Почему не делать резких движений? — удивился я.

— Мы повредили вам позвонки. Вот рентгеновский снимок. Видите, грудные позвонки 3-й и 4-й деформированы.

Я сгибался, разгибался, доказывая, что тут какое-то недоразумение. Меня осторожно, как вазу из дорогого хрусталя, препроводили в рентгеновский кабинет для повторных исследований. И обнаружилось, что медицина права. Позвонки были деформированы. Но эта травма оказалась старой. Она просматривалась и на снимках прошлых лет, только тогда на нее никто не обращал внимания. Это был результат испытания неудачной конструкции подвесной системы для десантного парашюта. Тогда я не только порвал грудные мышцы, но и повредил позвонки. Так как я не жаловался на боль в груди, то деформацию позвонков проглядели.

...Катапультироваться мне так и не разрешили. И вместо меня первым в Советском Союзе прыжок методом катапультирования выполнил парашютист-испытатель Г. Кондрашов. Этим он открыл новый этап в развитии советского парашютизма.

Катапультное сиденье дает летчику возможность покинуть самолет и избежать удара о хвостовое оперение. Однако оно не смягчает удара встречного воздушного потока, который при больших скоростях обладает огромной силой. И вот установить предельную скорость полета самолета, на которой летчик может без вреда для себя катапультироваться, выпало на долю испытателя Василия Кочеткова.

...Самолет летит со скоростью, превышающей тысячу километров в час. Если при такой скорости выставить голову из кабины, то встречный воздушный поток сломает шейные позвонки. Испытатель должен противопоставить этой стихийной мощи свое ничем не защищенное тело.

Кочетков изготавливается и проверяет правильность своей позы, не цепляются ли проводники от приборов, прикрепленных на нем, за какие-нибудь детали кабины. Но вот он нажимает стреляющий механизм, и катапультное сиденье вместе с испытателем отделяется от самолета.

Огромная тяжесть, словно гора, наваливается на Кочеткова, стараясь смять, раздавить, расплющить его. В глазах темнеет, испытатель не может дышать. Встречный воздух врывается в легкие, заполняет их, распирает грудь. Но все эти болезненные ощущения длятся одно мгновение, и Кочетков снова ясно начинает воспринимать происходящее. Он отстегивает ремни, крепящие его к катапультному сиденью, отталкивает его от себя, в свободном падении гасит скорость и только тогда выдергивает вытяжное кольцо парашюта.

Этим прыжком отважный парашютист-испытатель Василий Кочетков установил новый рекорд. До него еще ни один человек не выполнял парашютного прыжка с самолета, летящего на скорости свыше тысячи километров в час.

Я рассказал только несколько эпизодов из жизни парашютистов-испытателей. Они, конечно, не дают полного представления о сложной, творческой работе людей, проверяющих в воздухе новые конструкции парашютов.

Быстрое развитие авиации, появление ракетных самолетов требуют для спасения летного состава новых парашютов, разработки новых методов их применения. Советские конструкторы и испытатели накопили огромный опыт в создании парашютной техники. Они обеспечат летчиков надежными средствами спасения.

Литературная запись
Алексея ГОЛИКОВА

Весёлые именины

М. СЕМЕНОВ

Рисунки Л. СМЕХОВА.

У Нади был день рождения.

Когда именинница и приглашенные ею гости уже сидели за столом, сплошь уставленным яствами и бутылками, приехала тетя Галя. Она звонко чмокнула Наденьку, сунула ей в руки сверток с подарком и вышла на кухню.

— Знаешь, Любаша,— сказала она сестре,— я к вам прямо со службы и ужасно проголодалась.

— Там вон котлеты в кастрюле, только уж остыли, наверное.

— Ничего, я как раз люблю такие.

В углу кто-то робко кашлянул. Только теперь тетя Галя разглядела в полумраке сидевшего на табуретке старого друга семьи Николая Ивановича Сизова, бухгалтера.

— А, и вы здесь! — радушно сказала тетя Галя, пережевывая котлету.

— Да вот заехал за своими.

— Как вы думаете, Николай Иванович, есть у них вино?

Сизов тоскливо вздохнул и вынул из кармана смятую пачку «Беломора».

— Какое там вино, Галина Петровна: дети ведь!

Из столовой тем временем доносился громкий смех и звон посуды.

— Ситро глушат,— прокомментировал Сизов.— Между прочим, я уже бегал один раз в «Гастроном» за добавкой. Удержу на них нет!

В передней раздался звонок. Приехала Нина Владимировна, не пропускавшая ни одного торжества в этом доме.

— Целый час моталась по магазинам,— заявила она, появившись на кухне,— но уж нашла то, что нужно.

И Нина Владимировна торжественно раскрыла коробку. В ней оказался миниатюрный ткацкий станок, сделанный из алюминиевых пластинок. На алюминиевых же челноках были намотаны разноцветные нитки.

— Здесь есть рисунки,— сказала Нина Владимировна,— можно выткать чудные ткани. Пойду порадую свою любимицу.

Поскольку Наденька училась уже во втором классе, то Нина Владимировна полагала, что девочке давно пора накапливать политехнические знания и навыки.

— Прочла в «Иностранной литературе» Ремарка,— сообщила Нина Владимировна, возвратясь на кухню.— Его обвиняют в пацифизме, но посмотрите, как тонко и чисто психологически проводит он свою линию осуждения войны. Настоящее колдовство! Начиталась я, а потом всю ночь не могла заснуть.

И вдруг без всякого перехода спросила:

— Скажите, а нас пригласят к столу? У меня что-то аппетит разыгрался...

Когда кто-то высказывает вслух твои затаенные мысли, становится неловко.

Николай Иванович только крякнул, а Галина Петровна протянула Нине Владимировне остаток котлеты и участливо сказала:

— На, подкрепись, дружок.

В этот момент опять прозвенел звонок: приехала Зоя с мужем. Зоя тоже доводилась Наденьке теткой, но уже со стороны ее отца. Тетя Зоя привезла в подарок прыгалки и настоящий бубен, украшенный шелковыми лентами.

Теперь Наденька могла не только ткать текстиль, но заниматься в перерывах производственной гимнастикой и даже устраивать вечера самодеятельности с бубном.

В кухне стало тесно.

— Когда же наконец они кончат пировать? — с тоской произнесла Галина Петровна.— Это невыносимо!

И как бы в ответ ей в передней зазвенели ребячьи голоса. Проталкиваясь через толпу детей, взрослые потянулись в столовую.

— Извините меня, дорогие,— говорила хозяйка гостям,— но вы знаете, муж на дежурстве, и поэтому мы не думали устраивать что-нибудь такое... Посидим просто, попьем чайку, поболтаем...

— И будет очень мило! — проговорила оживившаяся Галина Петровна, отрезая себе большой кусок орехового торта.

— Лучше всего, когда люди собираются вот так, экспромтом,— подтвердил муж Зои, решительно отодвигая пустые бутылки из-под фруктовой воды.— Я вот по дороге захватил на всякий случай.

И на столе появилась бутылка портвейна.

В этот момент вошла Наденька с подружками. В передней они прорепетировали «В лесу родилась елочка» и начали коллективную декламацию. Но их уже никто не слушал.

— Идите, дети, к себе, играйте! — сказала тетя Галя и живо выпроводила самодеятельных декламаторов.

Когда стали разливать вино, то Нине Владимировне рюмки не досталось, и она решительно пододвинула фужер.

— За Наденьку, мою любимицу! — отважно сказала она. — И пусть мне будет хуже!

Все молча присоединились к этому тосту.

Нина Владимировна закусила вафельной трубочкой с кремом, попробовала домашнего печенья. Ее полное лицо раскраснелось, в глазах появился блеск.

— Все-таки плохо, что у нас за все эти годы не создана литература нравов. Что бы ни говорили о Мопассане, но человечество будет ему вечно благодарно. Взором откровенного художника он проник в самые отдаленные тайники женской души...

Но Нину Владимировну никто не поддержал. Муж Зои сосредоточенно изучал картинку на обертке конфеты «Ну-ка отними!», Сизов снова занялся своим «Беломором». Беседа не клеилась.

Хозяйка, еле пригубившая вина, вынужденная то и дело выбегать к расшумевшимся в передней детям, пошла на отчаянный шаг:

— Тут муж приготовил к празднику бутылку «Твиши», мы ее сейчас разопьем,— почти жалобно сказала она.— Шут с ним, купит еще!

— Вот уж это ни к чему,— промолвил Сизов и энергично сунул папироску в недоеденный кусок пирожного.

Нина Владимировна пододвинула свой фужер.

В это время на пороге столовой появился Иночкин, отставной журналист.

— Гуляете и даже звонка не слышите! Дети за вас должны открывать дверь! Все-таки у меня собачий нюх, недаром так Иночкина ценили в газете.

И с этими словами он поставил на стол две бутылки «Столичной». Потом вышел на кухню и вернулся с открытой полкилограммовой банкой консервов «Лещ в маринаде».

Компания оживилась. Выпили за хозяйку дома, за отсутствующего хозяина. Зоя сообщила пикантную историю из семейной жизни одного своего сослуживца. Сизов рассказал ставший уже классическим анекдот о командированном муже. Говорили наперебой и вразброд.

Лишь Нина Владимировна твердо придерживалась раз взятой литературной темы.

— А возьмите вы,— продолжала она развивать свою мысль.— Мазуччо, Боккаччо — какие это могучие таланты, какая игра страстей! Конечно, все эти сластолюбивые монахи и с виду добродетельные хозяйки отвратительны. Но, согласитесь, есть что-то роковое в том, когда два существа сплачиваются, пусть даже в противоестественных объятиях...

От выпитой водки Нине Владимировне стало жарко, она сбросила вязаную кофточку и осталась в тонкой нейлоновой блузке. И казалось, что в то время, когда она вызывала в своем воображении образы, созданные новеллистами средних веков, ее крупное тело под тонкой блузой еще больше розовело...

Юные гости Наденьки по очереди заглядывали в столовую, но на них сердито шикали, и они со страхом бежали прочь. Любовь Петровна вскоре вышла в переднюю, стала по очереди одевать ребят и провожать их домой.

А в столовой уже все разбились на группы. Нина Владимировна что-то нашептывала тете Гале, Иночкин подсел к Зое, а ее муж с Сизовым уединились в дальнем углу стола.

— Правильно говорит Нина Владимировна,— заплетающимся языком бормотал муж Зои.— Сплотимся, Коля, притом самым естественным способом.

И лихо чокался с Сизовым.

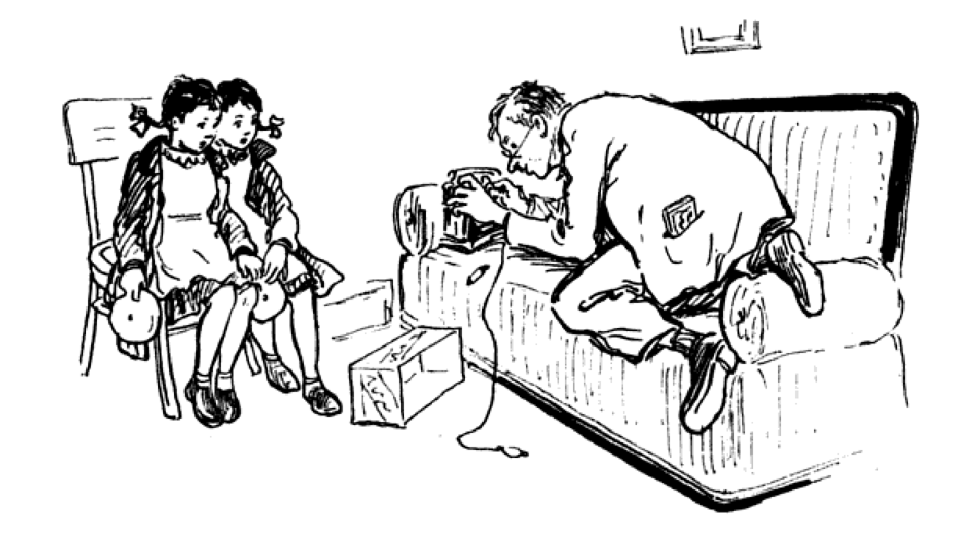
Когда поздно ночью вернулся с дежурства хозяин дома, он застал следующую картину. Озабоченная хозяйка мыла на кухне посуду. Галина Петровна на правах близкой родственницы спала с Наденькой в ее кроватке, Зоя — рядом на кушетке, ее муж дремал, облокотившись на стол. Уехала домой Нина Владимировна, исчез куда-то движимый волнением своего собачьего нюха Иночкин.

В столовой сидели трое.

Взобравшись на диван, Николай Иванович Сизов тщетно старался добиться устойчивой работы ткацкого станка. Челноки с разноцветными нитками все время падали у него из рук.

А напротив, примостившись на краешке стула, сидели две его дочки-близнецы и испуганно наблюдали за неумелой работой своего отца. Они ждали, когда наконец отцу надоест изображать текстильную фабрику и он отведет их домой.

Завтра они наверняка опоздают в школу. И им придется сказать учительнице, что у них очень болела голова, потому что были в гостях у Наденьки. На ее веселых именинах.

НАРОДНЫЙ

Вик. ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Бочинина и А. Новикова.

К хорошему человек привыкает быстро. В течение многих лет мы исправно паломничали на «Динамо» и были непоколебимо уверены, что этот стадион — истинная Мекка для любителей спорта. Но вот на другом конце Москвы, в Лужниках, со сказочной быстротой вырос чудо-богатырь, и наш старый друг «Динамо» безропотно уступил ему дорожку...

Прошло меньше двух лет с тех пор, как в лесистый пейзаж на склоне Ленинских гор были навеки вписаны легкие, воздушные конструкции Центрального стадиона, который стал одной из чудеснейших достопримечательностей столицы. И вот любопытная вещь: любители спорта так стремительно в дни 1-й Спартакиады народов СССР отпраздновали новоселье, так быстро обжили новые трибуны, что сейчас нам уже кажется: Центральный стадион существовал всегда и обойтись без него просто невозможно.

Стадион создавался с помощью самых прогрессивных строительных методов. Впервые в мире так широко использовался сборный железобетон. Требовалась самая высокая механизация, чтобы вынуть более трех миллионов кубометров грунта, уложить 24 миллиона штук кирпича, четверть миллиона кубометров сборного и монолитного железобетона, смонтировать 6 тысяч тонн металлических конструкций.

Да, все это потребовало высокого архитектурного и инженерного искусства, мощной техники. Но был еще один и едва ли не самый главный компонент — народный энтузиазм. Комсомол объявил строительство стадиона кровным делом всей советской молодежи. По путевкам комсомола сотни юношей и девушек Москвы, Киева, Омска, Воронежа, Вильнюса и других городов страны двинулись на штурм Лужников. Не жалея сил, трудились на субботниках люди всех возрастов и профессий: народ строил для народа.

И вот он раскинулся во всю ширь полуострова, обвитого с трех сторон лентой Москвы-реки. На фоне зеленых газонов и аллей, желтых прямоугольников баскетбольных, волейбольных, теннисных площадок четко обрисовывается амфитеатр плавательного бассейна, блестят в лучах солнца стройные колонны Малой спортивной арены, сверкают высоченные, до крыши, окна Дворца спорта. А в центре красуется гигантская ваза Большой спортивной арены. Таким мы его видели 2 мая, на празднике открытия сезона, таким мы его видим всегда.

Группе строителей и архитекторов была присуждена Ленинская премия за скоростную реконструкцию и благоустройство района Лужников в Москве и создание комплекса спортивных сооружений Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Имени Ленина... Это звучало не только наградой, это было напоминанием, требованием того, чтобы Центральный стадион, лучший и самый большой стадион Страны Советов, служил физкультурникам верой и правдой, был другом в часы их отдыха и досуга. Поздравляя архитекторов и строителей с Ленинской премией, хочется сказать им: можете гордиться! Центральный стадион — ваше детище — оправдал самые лучшие надежды и стал поистине народным стадионом.

Чтобы убедиться в этом, давайте совершим небольшую экскурсию и еще раз пройдем по знакомым местам.

Людской поток. Он рождается у станций метро, у троллейбусов, такси и, сливаясь в одно русло, течет к центральным воротам. Люди едут сюда, как на пикник: целыми семьями.

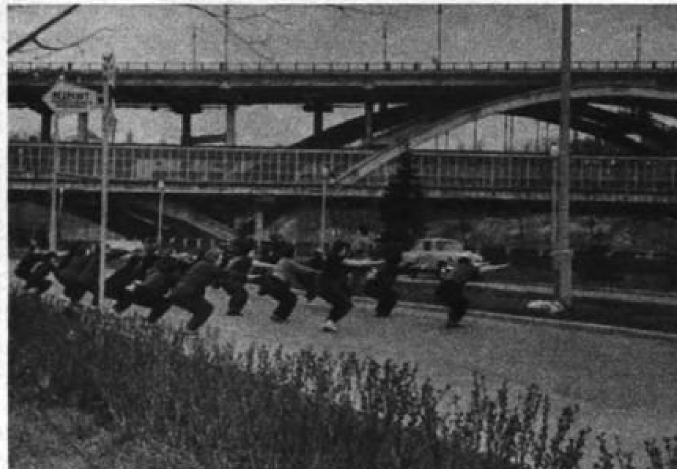
СТАДИОН

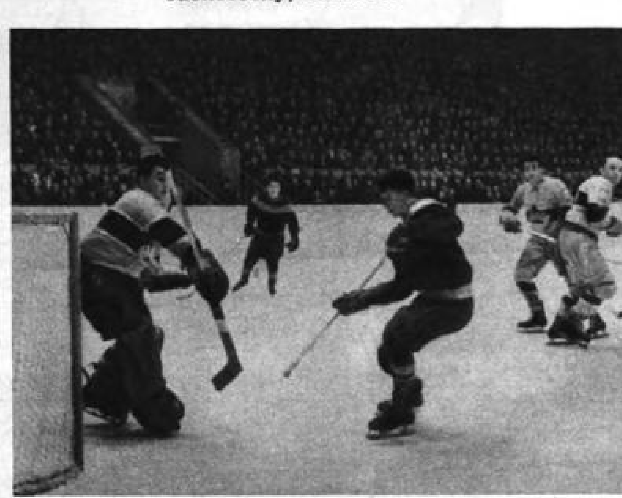
А сейчас мы с вами находимся на футбольном поле Большой арены. Здесь происходят поединки не только самых прославленных команд, но и наиболее ответственные международные встречи, а также интереснейшие состязания по легкой атлетике, мотоциклетному спорту, спортивные праздники, гимнастические выступления.

Каждый день съезжаются на Центральный стадион люди разных возрастов, чтобы заниматься легкой атлетикой, гимнастикой, плаванием под руководством опытных инструкторов и под наблюдением врачей. Цель у этих людей — набраться бодрости, надышаться свежим воздухом. Их двенадцать тысяч, почитателей физической культуры.

Этот зимний стадион — самый крупный зал страны: в нем может разместиться до 15 тысяч зрителей. Здесь проходили чемпионат мира по гимнастике, состязания по боксу, баскетболу, хоккею.

Малую арену назвали так, только сопоставив ее с Большой. Малая арена с трибунами на 16 500 мест является одним из крупнейших стадионов. Здесь безраздельно властвуют баскетболисты, волейболисты, теннисисты.

На дорожках Центрального стадиона соревнуются бегуны разных «специальностей». Одни умеют отдать все силы за десять с лишним секунд в беге на 100 метров, а эти вот начали марафонский бег на 42 километра 195 метров и вернутся на стадион лишь через два с половиной часа. Их будут ждать все зрители, которые любят спорт и могут оценить их мужество и энтузиазм.

Так живет народный стадион, где люди проводят столько волнующих, хлопотных и все-таки счастливых часов.

Открыли сезон и пловцы. «Открыли» в том смысле, что начали заниматься в двух открытых бассейнах, где подогревается вода. В закрытых бассейнах занятия не прекращаются и зимой.

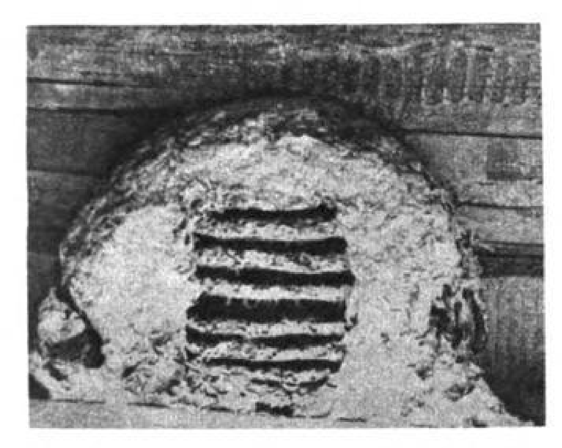

С натуры.

Изошутка Л. Самойлова. Рига.

Десять этажей

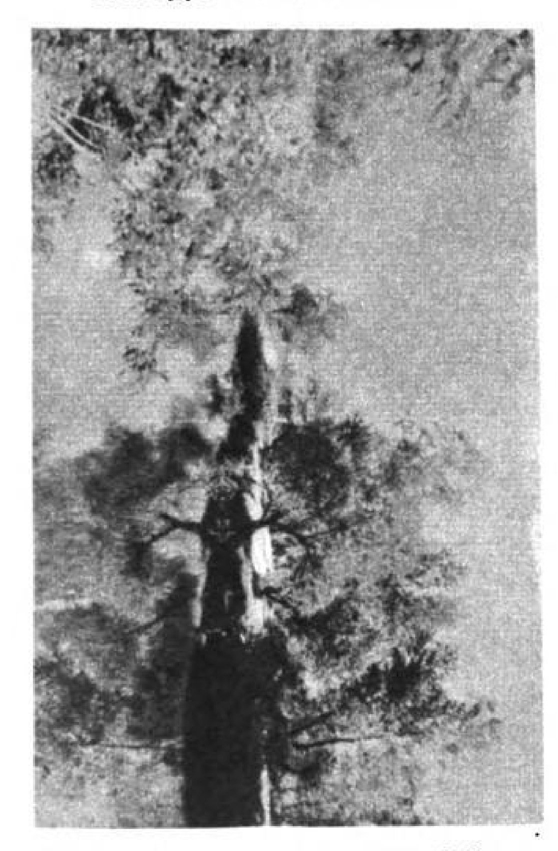

Посмотрите, как сложно устроено осиное гнездо. Я насчитал в нем десять этажей.

Ефрейтор Я. ГИЧИК

Красноярск.

ЗАГАДОЧНЫЙ СНИМОК

Не правда ли, на снимке дерево? Но поверните его горизонтально — и вы увидите живописный пейзаж.

Инженер А. БЕРДЕНКО

Тапа, ЭССР.

НОВЫЕ МАРКИ

Министерство связи КНР выпустило новую серию марок. Посвящены они достижениям китайского народа в выплавке стали. Одна марка красного цвета, другая выдержана в сиреневых тонах.

ЧЖАН ХУА-ДЮН

Шанхай.

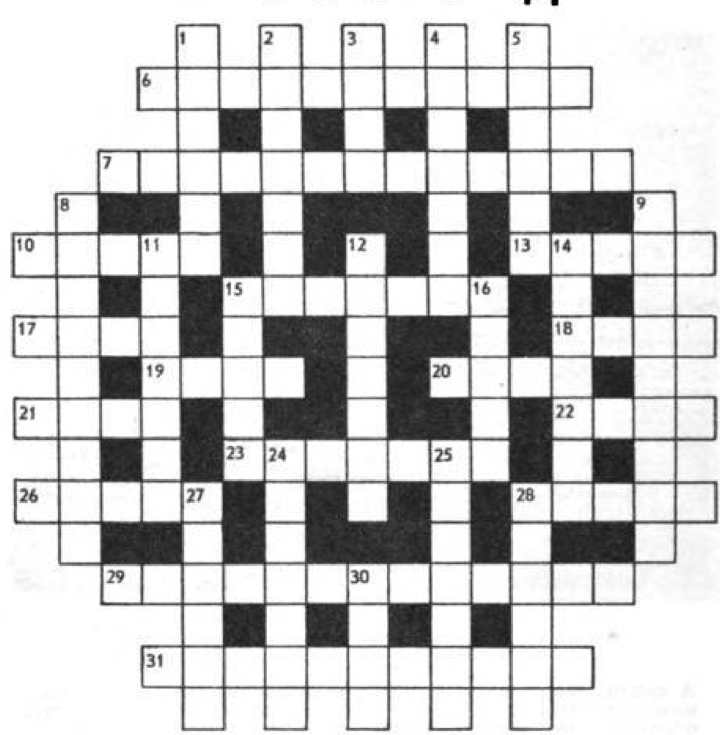

Простуженный петух.

Изошутка Вл. ГАЛЬБА.

Ленинград.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Свойство атома образовывать химические связи с определенным количеством других атомов. 7. Ледяной бугор в районах вечной мерзлоты. 10. Персонаж книги Вилиса Лациса «К новому берегу». 13. Руководитель крестьянской войны в XVII веке в России. 15. Старший в спортивной команде. 17. Крепежная деталь. 18. Полевое фортификационное сооружение. 19. Водный поток. 20. Холодное оружие. 21. Автономная республика в РСФСР. 22. Киевский князь. 23. Озеро в Северной Америке. 26. Спутник Сатурна. 28. Помещение на судне. 29. Человек, занимающийся научной деятельностью. 31. Продление срока обязательства.

По вертикали:

1. Обширная впадина в Китае. 2. Лабораторная посуда. 3. Птица, обитающая в водоемах. 4. Музыкальная пьеса. 5. Специальность. 8. Совокупность наук о языке и письменности. 9. Опера Джузеппе Верди. 11. Моллюск. 12. Шведский парламент. 14. Отпадение звука в конце слова. 15. Сырье для изготовления шоколада. 16. Вес товара без упаковки. 24. Жанр литературного произведения. 25. Город в Иране. 27. Река, вытекающая из Сенежского озера. 28. Правая сторона бухгалтерских счетов. 30. Роман Анны Караваевой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. Мазепа. 6. Диоген. 10. Треугольник. 12. Лафет. 13. «Молот». 14. Аксаков. 16. Осада. 17. Верди. 18. Кожина. 19. Яньань. 21. Жираф. 23. Копал. 25. Лауреат. 27. Нерис. 29. Посев. 30. Транспортир. 31. Канада. 32. «Гобсек».

По вертикали:

1. Чардаш. 2. Спурт. 3. Витим. 4. Деймос. 7. Кушка. 8. Подать. 9. «Льгов». 10. Текстовинит. 11. Конденсатор. 14. Адмирал. 15. Вельбот. 20. Европа. 22. Фауна. 23. Капри. 24. Нектар. 26. Гейзер. 28. «Среда». 29. Пилот.

Почему льдины круглые

Круглые льдины я сфотографировал с эстакады водосливной плотины Сталинградской ГЭС. С обеих сторон низового пирса с огромной скоростью рвутся потоки воды. А за железобетонными стенками пирса тиховодье. Медленное течение и весеннее солнце придали льдинам необычную форму.

Волжский.

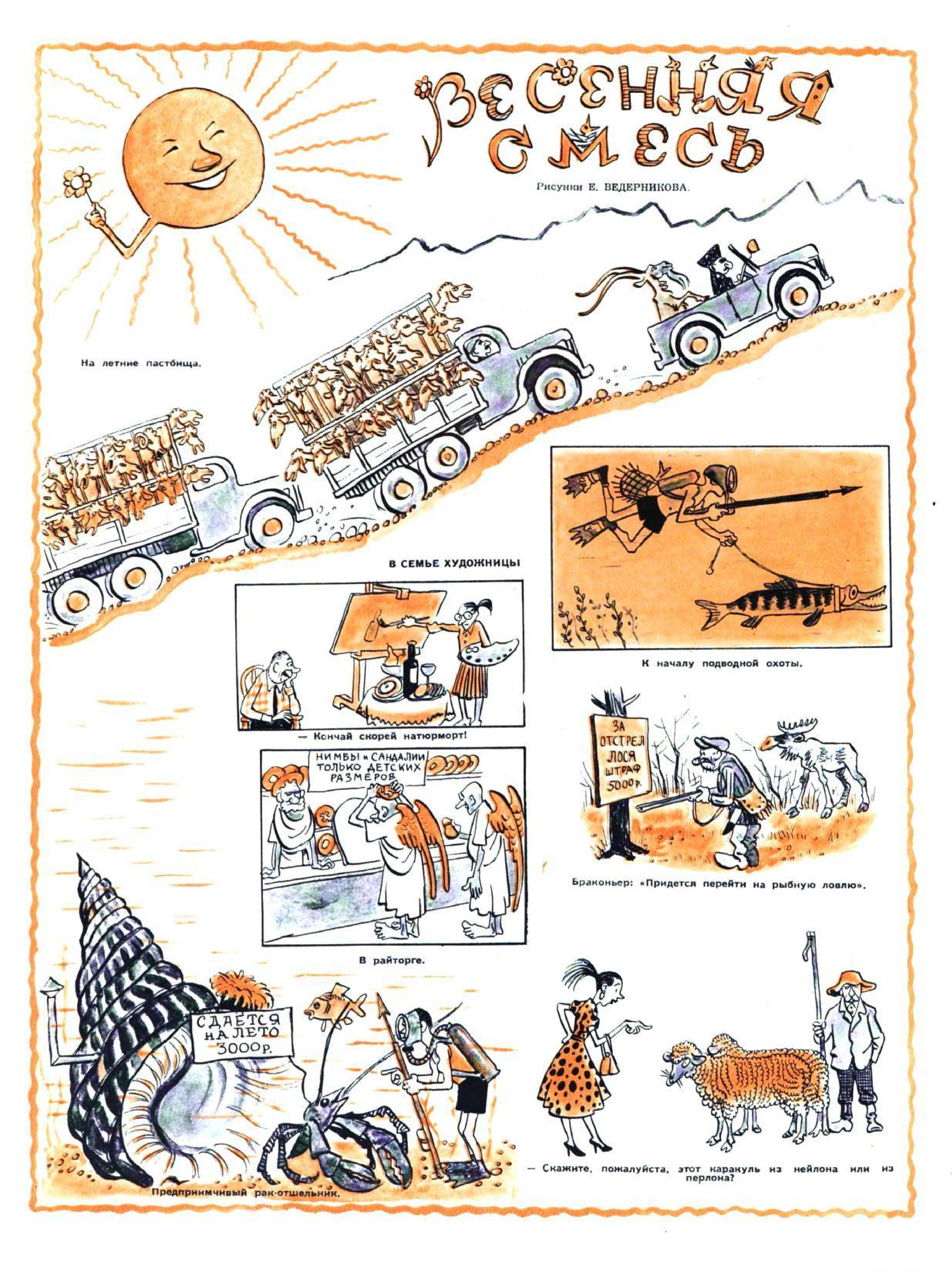
Инженер П. УШАКОВ

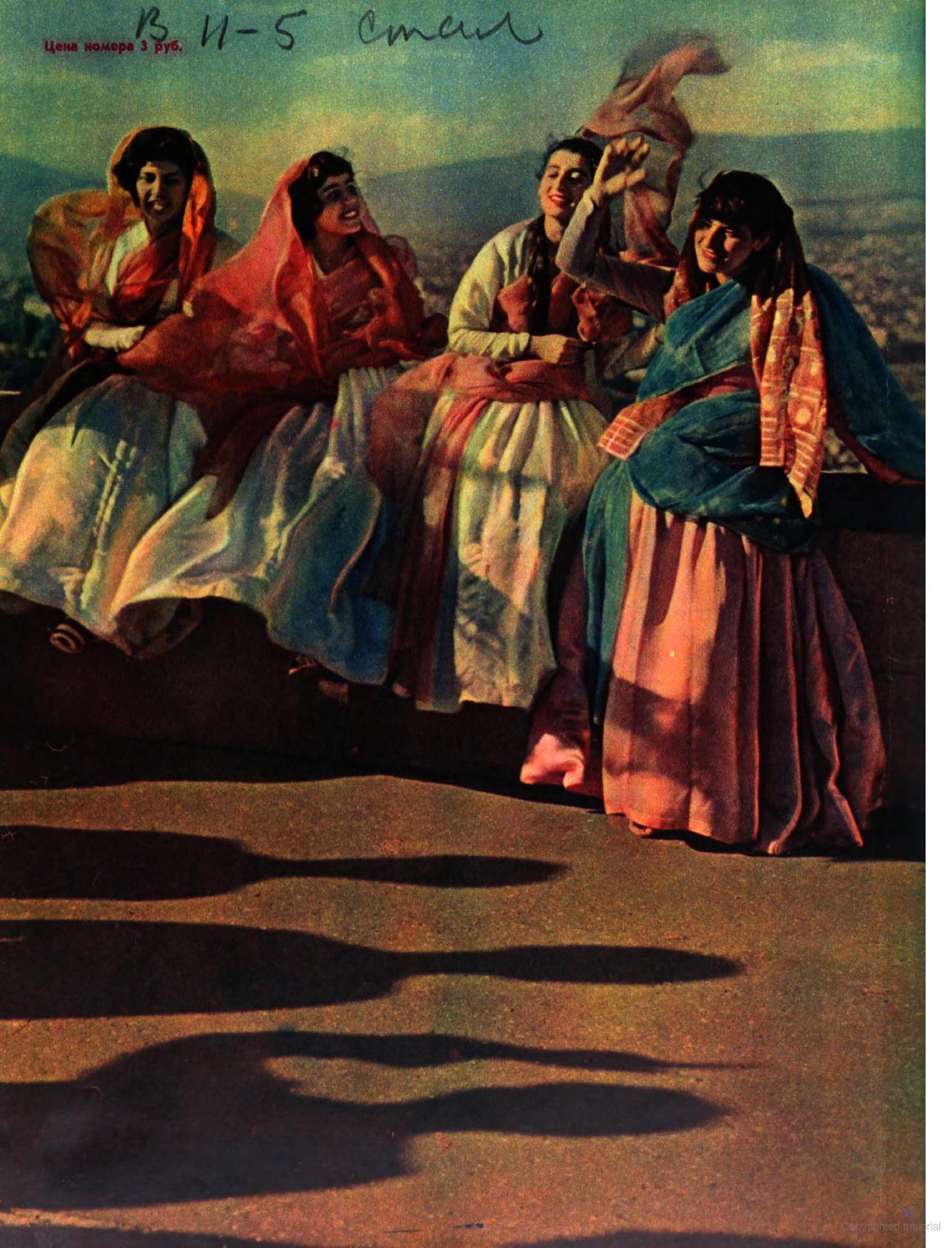
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Мих. Милославского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04008. Подписано к печати 6/V 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 765. Заказ 851.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ВЕСЕННЯЯ СМЕСЬ
Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.
На летние пастбища.
К началу подводной охоты.
В СЕМЬЕ ХУДОЖНИЦЫ
— Кончай скорей натюрморт!
НИМБЫ и САНДАЛИИ ТОЛЬКО ДЕТСКИХ РАЗМЕРОВ
В райторге.
ЗА ОТСТРЕЛ ЛОСЯ ШТРАФ 5000 Р.
Браконьер: «Придется перейти на рыбную ловлю».
СДАЕТСЯ НА ЛЕТО 3000 Р.
Предприимчивый рак-отшельник.
— Скажите, пожалуйста, этот каракуль из нейлона или из перлона?

Цена номера 3 руб.